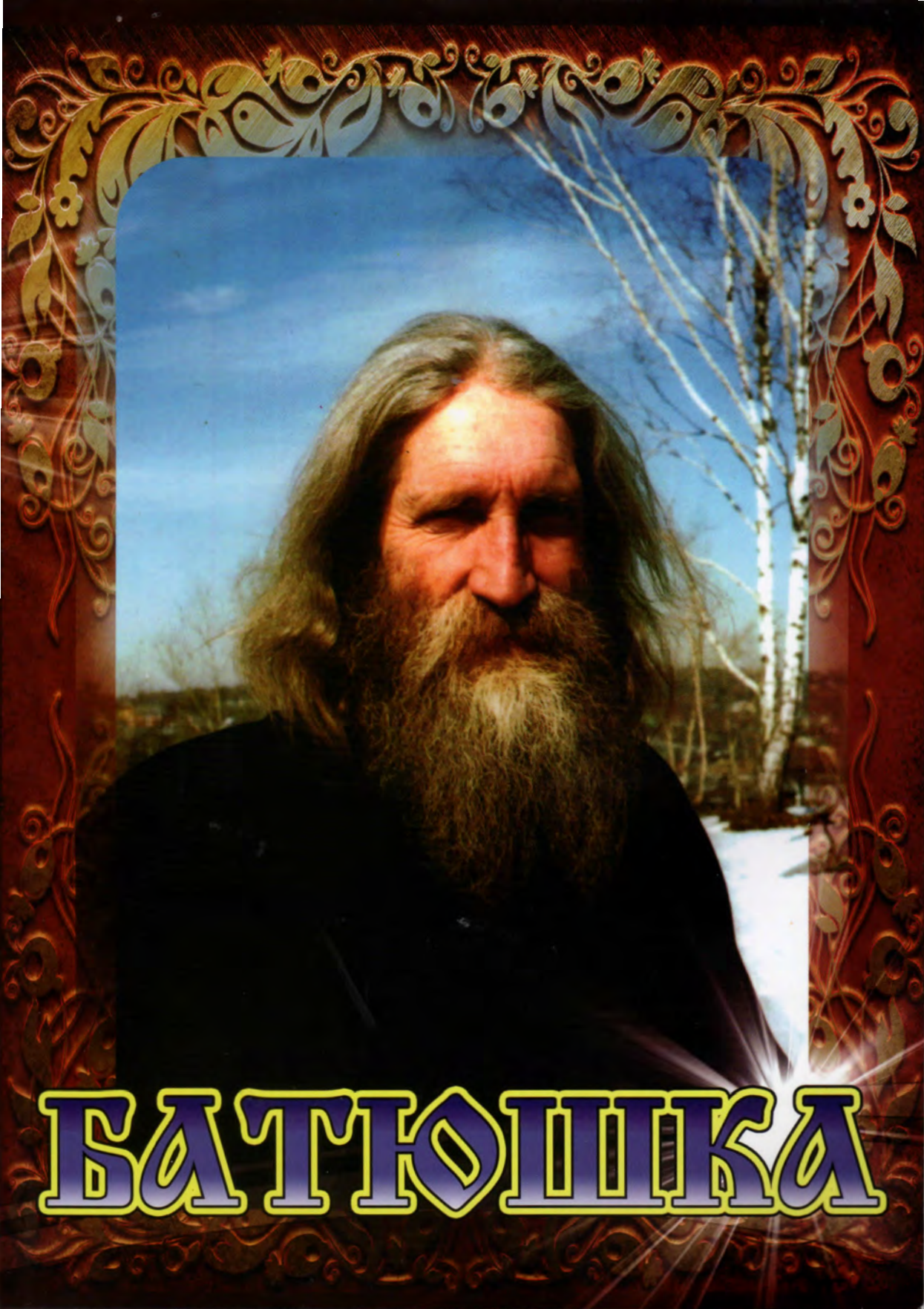

БАТЮШКА

Составитель
Неонила Скүдарь

БАТЮШКА
Протонерей
Александр Шүмаев

Жизнеописание

Воспоминания
о Батюшке

Проповеди

Подольск
2011

Печатается по благословению
настоятеля Спасского храма
села Никулино
иерея Алексия Поздникина

Скударь Н. М. Батюшка. — Подольск: 2011.
— 192 с.: ил.

ISBN

Предисловие

Протоиерей Димитрий Смирнов об отце Александре Шумаеве

Однажды, не помню в каком году, ко мне в храм пришел человек замечательной внешности, очень красивый, с синими глазами, слегка выющимися, немного откинутыми назад волосами медного оттенка, с очень сильными руками. Потом я узнал, что он и поэт, и фотохудожник, очень хорошо чувствует красоту музыки и слова: вот слово произнесут, а у него уже возникает какая-то ассоциация. Он и путешествовать любил, в Среднюю Азию ездил, в какой-то Учкудук.

Выяснилось, что он некрещеный, но душой устремляется к Богу. Я его окрестил по его просьбе, и он стал весьма усердным христианином.

Александр был энергичной личностью, ему обязательно нужно было идти вперед, и он многое в своей жизни сделал. Например, своими руками построил дом. Причем, он никогда не был богат, кирпичи брал на «помойке» или разбивал и очищал от раствора обломки разрушенных зданий, и вот из этого построил двухэтажное здание. Он мог своими руками починить любой автомобиль. Помню, у него была древняя «Победа», на которой он ездил.

Вот один эпизод, очень для меня важный. Мне досталась в наследство избушка, из углов которой было видно небо, и он понудил меня строить новый дом, так как для него это не составляло труда. Как я впоследствии убедился, Александр брался за любое дело и делал его с очень хорошим качеством. Обычно он сам выбирал себе занятие по душе.

И вот мы с ним вдвоем сделали сруб. Это было очень хорошее время. Рубили мы зимой, стоял мороз, сверкало солнце. Время от времени стамески падали в снег, и уже до весны нельзя было их найти.

Спали мы у соседки на полу, питались одними макаронами. Мало того, он ещё каждое утро в одних трусах бегал на реку (это метров 200) и купался. Температура воды, как и во всех маленьких лесных реках, 6 градусов тепла, а на улице от -25 до -35 градусов. И вот, он эту процедуру каждый раз на потеху всей деревне совершал. Окунался с головой, выходил, вытирался, и мы приступали к работе.

Как сейчас помню его лицо, бороду, всю в маленьких сосульках. Он представлял собой как бы коненковскую скульптуру: прекрасное мощное тело, совершенно без жиринки — кожа, кости, мышцы; прекрасный профиль, горящие глаза, которые спорят по своей голубизне с небом. Он весь такой загорелый на фоне ослепительного снега, борода и голова в ледяной шапке. Это было потрясающе. Я люблю людей, которые выше меня ростом. А он, хотя и был ниже, но по тому, что он мог сделать, по всем параметрам, меня превосходил, и я всегда с удовольствием смотрел на этого мощного человека.

У Александра рядом с домом был храм в Воронове, куда он ходил. Там он познакомился с Владыкой Мелхиседеком, и тот предложил ему рукополагаться, хотя он был тогда ещё неофит, со времени крещения прошло года 4 или 5. Но ощущался очень большой дефицит ставленников, любой человек, более-менее воцерковленный, был очень востребован. Александр с этим вопросом пошел ко мне, я очень удивился, выразил свой скепсис, но он тем не менее дал согласие Владыке.

И вот его рукоположили, и он в Свердловской епархии построил два храма, изучил церковное пение, научил своих прихожан петь — в общем, создал приход. А потом переехал в Московскую область, стал здесь трудиться, тоже из руин восстанавливать храмы. Первый храм, который он воссоздал, получился замечательный, и он принялся за второй. Вообще, его жизнь была постоянным восхождением. И, видать, Господь призрел на его усилия, посчитал, что он уже созрел, и произошла эта автокатастрофа, чтобы завершить его удивительный земной путь.

Для нас, оставшихся, это, конечно, трагедия. Про таких людей, как о. Александр, всегда говорят: рано ушел, многое ещё мог сделать. Его харизма деятеля, очень яркого, во всех областях талантливого, могла бы ещё пригодиться. Но Божья воля, благая и всесовершенная, совершилась.

Он был старше меня, но как христианин младше, и я всегда смотрел на него с некоторой опаской. Меня тоже никто в бездеятельности обвинить не может, но мне казалось, что я уже нахожусь на каком-то пределе, а что сверх того, тот уже очень рискует. Поэтому я за него всегда беспокоился, но, слава Богу, в этом смысле все обошлось.

Думаю, у тех, кто знал о. Александра, он никогда из памяти не сотрется. Безусловно, ярчайшая и сильнейшая личность, таких, к сожалению, немного...

Вечная ему память!

Жизнеописание протоиерея Александра Шумаева

Воспоминания матушки Татианы

*«В царство Божие идут не от победы к
победе, а от поражения к поражению».*

Святой Тихон Задонский

Появление ещё одного труда графомана не может повредить русской литературе. Да простит меня Господь, не могу молчать. Я должна поведать миру о большом русском православном человеке — отце Александре Шумаеве. Про отца Александра могу рассказать очень много, так как я являюсь живым свидетелем тридцати последних лет его жизни. Кроме того, моя семья жила в коммунальной квартире, нашей соседкой была родная тётя отца Александра — Анна Яковлевна. Она очень много рассказывала о своём замечательном племяннике, о его детстве, юности и зрелой жизни до встречи со мной в 1975 году. Сведения о детстве и юности батюшки я передаю с её слов.

Матушка Татиана Архина

*«Поздний колокол, звучащий
Над равниною большою,
Прогремел над сердцем спящим,
Над коснеющей душою.
Звоном долгим, похоронным,
Всепрощающе-прощальным*

*Прогремел над сердцем спящим,
Безнадёжно-безпечальным.
Может быть, оно проснётся
И стряхнёт своё забвенье,
И, быть может, содрогнётся
На мгновение, на мгновение».*

А. В. Кольцов

Конец июля 1941 года. Подмосковная станция Удельная. Районная больница, в которой молодая учительница истории Елизавета Яковлевна Шумаева рождает своего первенца. Её муж, Александр Гаврилович Шумаев, бывший командир Красной армии, перед началом войны вышел в отставку и находился на пенсии по болезни. В первые дни войны, записавшись в ополчение, ушёл на фронт и погиб в сражении под Ржевом в октябре 1941 года. Уходя, даёт наказ: назвать будущую дочь Наташей и не вступать в ряды Коммунистической партии. Вместо ожидаемой дочери рождается сын, которого в честь отца называют Александром. А вступить в ряды Компартии — «святое дело». Идёт война, немцы бомбят Москву. Весь народ встал на защиту Отечества. А партия — наш рулевой! И Елизавета Яковлевна вступает в её ряды. Она работает на конюшне, кормит и поит лошадей. Ребёнок находится рядом, в яслях, наполненных сеном, и тихо спит, не ведая своей судьбы.

Дальше — голодное военное и послевоенное детство. Ему неведом вкус сладкого. Когда однажды маленькому Саше мать принесла пирожное, его стошнило от незнакомого вкуса. Но веселье и радость детских игр (играли в войну, казаки-разбойники, в лапту и т. д.) ни с чем не сравнимы. Александр всегда весел. С деревянной саблей собственного производства он носит среди своих сверстников. Летом весь день проводят на реке у деревни Шукино, где живёт его тётя. Переплывают Москву-реку и ловят рыбу, запекают её на костре, плавают наперегонки, ныряют в воду с высоты шлюза и только к вечеру возвращаются домой. Матери работают по 12—14 часов в сутки, а дети предоставлены самим себе. Когда однажды Елизавете Яковлевне путём невероятных хлопот удалось достать путёвку в пионерлагерь, Саша пробыл там всего неделю. И матери пришлось отказаться от идеи оставить ребёнка в пионерском лагере.

В школе Саша учился хорошо, проявляя большие способности к математике. В начальных классах мало читал, но писал всегда грамотно. Когда ему было 13 лет, прочёл «Три мушкетёра» А. Дюма. И с тех пор начал читать всё подряд. Прочёл Марка Твена, О. Генри, Катаева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. В 13 лет в первый раз влюбился в полную девочку в круглых очках. Начал писать стихи и очень увлёкся русской поэзией. Читал Пушкина, Лермонтова, Фета, а дальше — стихи поэтов «серебряного века»: А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Белого, Н. Гумилёва, О. Мандельштама и др.

Окончив 8 классов школы, решил устроиться на работу, чтобы помочь маме материально, и перешёл учиться в ШРМ (школу рабочей молодёжи). Так началась трудовая жизнь. Сначала работал разнорабочим на автобазе, затем слесарем, получил водительские права и стал шофёром. Вез на стройки бетон. Окончив вечернюю школу, решил поступить в Институт культуры на музыкальное отделение, так как очень любил музыку и самоучкой освоил игру на фортепиано. В институт поступает и учится там три года. В течение этого времени он организует философский кружок, на собраниях которого молодые люди пытаются осмыслить происходящие в стране события (хрущёвская «оттепель», частичная реабилитация политзаключённых и пр.). За эту деятельность студента А. Шумаева отчисляют из института без права поступления на гуманитарные факультеты ВУЗов страны.

Вскоре подросла и мобилизация в ряды нашей доблестной армии. Александра призывают и зачисляют в «стройбат». Отправляют в Учкудук, где находятся урановые рудники Каракалпакии (Узбекская ССР). Там он работает шофёром, возит урановую руду. Получает свою дозу радиации. Мать в ужасе. Пытается вытащить сына из того ада, «нажимает» на все мыслимые знакомства, но всё безрезультатно.

Осенью 1963 года Александр демобилизуется из армии и начинает самостоятельную жизнь, так как мать покупает себе кооперативную квартиру, выходит замуж, оставив взрослого сына лицом к лицу с жизнью. Что делать? Невеста вышла замуж, мама живёт с новым мужем в другом городе, достойной специальности нет. Как жить дальше? И в чём смысл жизни? Александр в центре диссидентских кухонных разговоров. Недовольное жизнью еврейство начинает тянуться на свою историческую родину. Часть московской интеллигенции — у православного священника о. Меня. Интересные разговоры о Боге, о Православии, о смысле жизни. Отец Александр Мень рекомендует Саше стать священником. Но Саша ещё не готов.

Он даже не крещён. Впереди поиск, много всевозможных испытаний, встреч и расставаний. Поездки в экспедиции от института «Физики земли», работа на метеостанции в горах Тянь-Шаня, сочинение стихов и рассказов, попытки напечатать свои произведения. Но всё — безрезультатно. Стихов никто не печатает, так как в них нет «социальной направленности», «нет борьбы, нет примера для советской молодёжи». Александр работает библиотекарем, в школе, натурщиком в МОСХе и, наконец, фотографом в Сергиевом Посаде.

1975 год. Год нашей встречи. Мы встретились, как два потрепаных бурей кораблика в океане советской действительности. Александр купил себе маленький «горбатый» «Запорожец», на котором колесил по Подмоскovie, фотографируя детские сады и пионерлагеря. Днём делал съёмку, а вечером и ночью проявлял и печатал снимки. Наутро опять ехал к заказчикам, отвозил готовую продукцию. Я, забросив свою работу, с удовольствием присоединилась к нему. По дороге мы собирали грибы, ягоды, ночевали в лесу, т.к. старенький «Запорожец» всё время ломался и Саша чинил его сам, добывая новые детали на МТС за бутылку портвейна. Было весело общаться и лучше узнавать друг друга. К осени была заработана некоторая сумма (400 рублей). Саша предложил мне руку и сердце. Мы подали заявление в ЗАГС. Мои родители, особенно мама, были против нашего брака, т.к. я выходила замуж за человека без определённых занятий, да ещё моложе себя на 6 лет. Но кто же слушает совета родителей, когда влюблён, а я была влюблена и счастлива.

Кончилось лето. После регистрации брака каждый из нас вернулся к своим занятиям. Я работаю на «Комбинате прикладного искусства», делаю рисунки для обоев и плёнки и ухаживаю за своими больными престарелыми родителями. У мамы тяжёлый диабет и рак в стадии «В», у отца большое сердце. Дом на Щукинской улице, в котором мы живём, ставят на капитальный ремонт и всех жильцов расселяют по разным окраинам Москвы. Нам предлагают квартиру в Лианозово на 10-м этаже 16-ти этажного дома. Мы соглашаемся и переезжаем. Александр остаётся на Щукинской в своей коммуналке. Весь поглощён поиском смысла жизни и новых приключений.

Рядом с нашим новым домом Крестовоздвиженская церковь, где по воскресным дням звонят колокола. Я с подружкой Галиной иду, движимая любопытством, посмотреть службу. Входим и слышим проповедь о нашей нерадивости, теплохладности и недостойности называться православными христианами. Проповедь произносит

молодой батюшка Димитрий Смирнов. Эта проповедь в корне изменила мою жизнь. Я, вернувшись домой, рассказываю об услышанном мужу. Он — в восторге и изъявляет желание принять крещение. Но о. Димитрий не спешит крестить взрослого человека, устраивает ему небольшой экзамен, спрашивает: «Почему вы хотите принять именно Православие, а не другую какую-нибудь религию?» На этот вопрос Александр отвечает: «Во-первых, Православие — вера моих предков, а во-вторых — только в Православии Господь посылает собственного Сына на смерть ради любви к людям». Такой ответ убеждает, и отец Димитрий в тот же день крестит Александра Шумаева.

Переполненные новыми впечатлениями и впервые в жизни понимая смысл своего бытия (что-то самое главное вошло в сумбурную жизнь), мы начинаем регулярно ходить в храм, исповедоваться и причащаться.

*«Для нас вера — это приобретение,
а не наследие».*
А. Кураев

Александр живёт в Десне, строит дом для нашей семьи и, чтобы не тратить время на поездки в Москву, посещает ближайший действующий Спасский храм в селе Вороново. Там он знакомится и близко сходитя с настоятелем этого храма игуменом Пантелеимоном — сыном архиепископа Мелхиседека. Отец Пантелеимон привлекает Александра к участию в богослужении. За кратчайший срок тот осваивает чтение Псалтири, изучает церковно-славянскую грамоту. Параллельно помогает о. Пантелеимону (т.к. он тяжело болен) — отвозит его домой после службы, сооружает в его доме камин. Там же знакомится с отцом игумена Пантелеимона Владыкой Мелхиседеком и в частной беседе получает от Владыки приглашение переехать жить и служить на Урал. Владыка считает, что Александр готов к служению.

Окрылённый этим предложением, о. Александр едет в Сергиев Посад, в Лавру, поклониться мощам преподобного Сергия и получить благословение. Там он встречает монаха-схимника, которого привезли на поклонение святым мощам. Проезжая мимо расступившейся толпы, в которой находился Александр, схимник вдруг вскидывает голову и говорит, обращаясь к Александру: «А ты зачем здесь? Тебе велено быть на Урале! Езжай!»

Я «в шоке», всё ещё надеюсь, что он передумает. Но он не слушает и уезжает на Урал. Там Владыка Мелхиседек рукополагает его в диаконы. Несколько месяцев о. Александр служит в Екатеринбурге при Владыке Мелхиседеке. Затем Владыка берёт его в поездку по епархии Свердловской и Курганской, показывает поруганные храмы и предлагает один из них восстановить. Отец Александр соглашается. Перед этим Мелхиседек рукополагает отца Александра во иереи. Это происходит в городе Североуральске в храме иконы Казанской Богоматери в 1988 году 22 октября по ст. стилю. Отец Александр выбирает самый разрушенный храм в селе Сылва Свердловской области. Храм посвящён Сретению Господа нашего Иисуса Христа. Огромный храм находится в плачевном состоянии. Без окон и дверей, в полдень туда загоняют подоить скот. Колхоз — нищий. В стране перестройка. Люди живут только доходами от своих приусадебных хозяйств, да некоторые держат скотину. Православных людей очень мало. Основные жители — староверы, «безпоповцы», «кержаки». К Православию отношение, мягко говоря, настороженное.

Отец Александр с энтузиазмом берётся за восстановление поруганного храма и просвещение людей. Он обладает даром живого слова. И везде, где только появляется, проповедует Слово Божие. Знакомится с людьми. Располагает к себе сердца. Служба идёт временно в избе, переделанной под храм. Пристраивается Алтарь, на крыше возводятся две луковки с крестом. Внутри стоит огромная русская печь. Из частных домов приносятся иконы. Народа на службах набивается — полная изба. Многие приходят, движимые любопытством — посмотреть на заезжего столичного попа.

Мне приходится покупать в Москве и возить в Сылву церковную утварь, богослужебные книги, иконки, свечи, крестики и даже вино для причастия, т.к. в те времена в Свердловске этого всего не было. Действовал пресловутый «сухой закон», и вина в продаже не имелось.

Отец Александр не ограничивался службами в Сылве. Он был единственным православным священником на всю округу, поэтому ему приходилось ездить по всем окрестным деревням и посёлкам, куда приглашали его верующие. Он крестил младенцев и взрослых людей, часто — целыми семьями и отдельными хуторами, где жили «кержаки», многие из которых переходили в Православную веру под действием горячих батюшкиных проповедей. Отпевал усопших и служил литии на местных кладбищах. Постепенно во всех окрестных местах (Шамарах, Вогулке, Илеме, Бизе, Чусовом, Шале, Старой

Утке, Уне и др.) образовывались православные общины. Народ, уставший от тяжёлой жизни, безбожия и нищеты, потянулся к Церкви Православной. В лице отца Александра находили своего защитника и доброго сопереживателя. На выборах в местные Советы отец Александр был избран депутатом. Как представитель местной власти поехал в Москву просить помощи на восстановление храма. Помощи, конечно, не получил. Чуть-чуть не попал в тюрьму за свою настойчивость. Вскоре Патриарх запретил священникам участвовать в выборах в органы государственной власти. Но общественная деятельность отца Александра на этом не закончилась. Его приглашали ветераны войны, молодёжь. Он выступал в клубах, т.к. храмы были повсеместно разрушены или превращены в музеи антирелигиозной пропаганды. В одном из таких «музеев», в Старой Утке, в помещении Православного храма, он проводил с православными и сочувствующими беседы о Вере, о Боге, о Православии, традициях русского православного народа, забытых за 70 лет советской власти. Прекрасное знание истории нашей страны и эрудиция помогали ему в этом трудном деле. Доброта и весёлый жизнерадостный характер покоряли сердца. К нему тянулись сотни людей. Из Свердловска приезжали студенты, помогали восстанавливать храм. Из Москвы потянулись многие знакомые, узнав, что Александр Шумаев стал священником на Урале. Все помогали, чем могли. Времена были тяжёлые. Перестройки с перестрелками следовали одна за другой. Смена власти, смена правительств, смена строя — всё это негативно влияло на наших людей. Сюда ещё примешивались потеря работы, неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие продовольствия в магазинах и на рынках.

Единственным светлым лучом в этом мутном царстве была Русская Православная Церковь, а отец Александр Шумаев являлся ярким её представителем. К нам в Сылу приезжала масса народа. Днём выстаивали службу, а ночи проводили в бесконечных разговорах. Многие вступали в спор, но батюшка таких мягко ставил на место, приводя примеры из своей собственной жизни без Бога. Митрополит Антоний Сурожский говорил: «Если слово мертво, оно убивает, если оно живое, оно может дойти до человеческих глубин и там разбудить возможность вечной жизни». Даром такого слова обладал, как мне кажется, отец Александр Шумаев. За этим словом стояла большая любовь к Богу, природе, людям и всем созданиям Божиим. Он очень любил лес, животных, сбор грибов. Собирал и приносил домой брошенных собак и кошек, птиц с перебитым

крылом, отпускал обратно в реку всю наловленную пьяными рыбаками рыбу. Он не убил ни одного комара или мухи, не раздавил ни единого червяка. Он говорил: «То, что мы делаем с природой, является нарушением нашего человеческого назначения. Мы сами губим себя и закрываем другим тварям путь к преображённой жизни».

Много проводил бесед с людьми, вступающими в брак и желающими обвенчаться. Любил приводить в пример слова Митрополита Антония Сурожского: «Свобода — это состояние, когда два человека так друг друга любят, с таким глубочайшим уважением друг к другу относятся, что они не хотят кромсать друг друга, меняя друг друга. Они взаимно в созерцательном положении, то есть они друг на друга смотрят, как на — говоря христианским языком — икону, как на живой Божий образ, который нельзя трогать: перед ним можно преклониться, он должен явиться во всей красоте, во всей глубине, но перестраивать его нельзя».

Постепенно ведутся работы по восстановлению Сретенского храма. Выгребается мусор, вставляются окна и двери, перекрывается крыша. Денег на восстановление почти нет, зато люди приносят картофель, который обменивается на кровельное железо и др. строительные материалы. Колхоз выделяет церкви поле, которое засеивается кормовыми травами. Осенью огромный урожай сена, которое обменивается на стройматериалы для храма. Жизнь кипит. Отец Александр успевает и служить, и работать на стройке, и несколько дней в неделю служить в окрестных сёлах: крестит, венчает, освящает (пасеку, новый дом, магазин и т. д.). В родительские субботы служит на кладбищах. На старой машине «Победа» он исколесил все окрестные места. За 8 лет службы на Урале, в Сылве, он ни разу не взял отпуск. Изучает службы, организует хор и «крюковое» пение.

Я вышла на пенсию, переселилась к нему в Сылву и помогала, чем только могла. В 1995 году тяжело заболевает мама отца Александра — Елизавета Яковлевна. Я переезжаю в Москву, ухаживаю за больной, т.к. кроме единственного сына и снохи (т.е. меня) у неё никого нет.

Отец Александр подаёт прошение о переводе его в Московскую епархию. Его отпускают, и в марте 1996 года он приезжает в Москву. Здесь он идёт на приём к Владыке Ювеналию и получает благословение на восстановление храма «Спаса Нерукотворенного Образа» в селе Никулино Подольского района Московской области.

Увидев этот храм, мы с батюшкой расплакались — такое жалкое зрелище он представлял собой. Крыши нет, луковица покосилась

и съехала набок, придел вообще весь разрушен, колокольня стоит на трёх углах, вместо четвёртого — железная конструкция; окон и дверей нет. Собрали народ. Объявили об образовании православной общины Спасского Храма села Никулино. Из Никулино не пришёл никто. Стали вдвоём расчищать завалы мусора внутри храма. Наконец к нам присоединились два молодых человека — рабочие, штукатуры из Климовска. Они любили заходить в развалины храма, чтобы распить там бутылочку вина.

Но, встретив о. Александра и побеседовав с ним, они с энтузиазмом взялись помогать расчищать храм. Временно отец Александр служил в Троицком Соборе города Подольска, там он познакомился с первыми будущими прихожанами нашего Спасского храма. Они стали приезжать в Никулино и помогать расчищать храм. Вскоре отец Александр объявил о первой службе, которая состоялась 6 августа по ст. ст. (19 по новому ст.) на Преображение Господне 1996 года. На этом молебне присутствовало несколько старух, да посреди храма стояла корзина яблок из нашего сада в Десне. Так начался последний и основной период батюшкиной жизни.

Народа на службах от воскресенья к воскресенью становилось всё больше. Приходили из соседних дачных посёлков, из военного городка в Толбино. Со спортивной базы, расположенной неподалёку, заглядывали спортсмены получить благословение от батюшки перед спортивными соревнованиями. Появились и первые благодетели, которые жертвовали деньги на строительные материалы для восстановления храма. Один военный полковник подарил материал для церковного дома, другой человек оплатил работу строителей при возведении этого дома. Летом приезжают помощники из Сылвы и Кургана (семья будущего отца Михаила и др.). Местные власти обещают построить до храма шоссе и пустить рейсовый автобус (обещание это не выполнено и по сей день). Огромный вклад в строительство вносит Александр Алекаев. Он покупает кирпич, цемент, заказывает окна и двери. На его пожертвования делается система отопления храма. Он заказывает и финансирует изготовление иконостаса, покупает колокола.

Отец Александр руководит всеми строительными работами. Церковная служба ведётся по воскресным и праздничным дням, не прерываясь ни в зимний холод, ни в осенний дождь. В первую зиму 1996 — 97 гг. в середине храма устанавливается железная печь, оконные проёмы забиваются фанерой и снятым с пола своей дачи в Десне ковровином.

Дефолт 1998 года несколько замедляет темпы строительства. Умирает Елизавета Яковлевна, пролежав без движения в постели два с половиной года. Батюшка отпевает её в холодном недостроенном храме. После смерти матери о. Александр с головой уходит в работу. Дома почти не бывает. Мечтает после окончания строительства храма организовать детскую воскресную школу и библиотеку. Для этой цели покупает тёс для строительства ещё одного дома и нанимает рабочих-строителей. Из московской квартиры перевозится вся домашняя библиотека и помещается в новом доме. По воскресным дням, после службы, занимается с группой детей дошкольного возраста, рассказывает им о Боге, о Православной вере, о природе, о добре и зле. По большим праздникам устраиваются детские утренники. Дети поют, читают стихи, танцуют и играют, после устраивается чаепитие.

Несколько человек из числа молодых прихожан с благословения отца Александра поступают, а через пять лет благополучно оканчивают Свято-Тихоновский Православный институт.

Восстановление храма успешно завершается, назначен день освящения Спасского храма села Никулино.

На епархиальном собрании о. Александру предлагают взяться за восстановление ещё одного храма — Казанской иконы Божией Матери в селе Товарищево Подольского района. Батюшка, со свойственным ему жаром, берётся и за это трудное дело.

Едем в село Товарищево. Храма как такового нет. Стоит покосившаяся колокольня, за которой гора битого кирпича, поросшая молодыми берёзками. Первая служба. Молебен с акафистом на месте бывшего храма — 4 ноября (нов. ст.) 2004 года в праздник Казанской иконы Божией Матери. Присутствуют прихожане Спасского храма да несколько человек из Товарищево. После молебна приступают к расчистке завалов. Храм в Товарищево является памятником архитектуры 18 века. Батюшка отец Александр благословляет молодого архитектора Игоря Владимировича Жукова сделать проект восстановления этого памятника.

Параллельно с этими работами прихожане Спасского храма два года подряд (в 2004 и 2005 гг.), летом, во главе с отцом Александром посещают затерянный монастырь на острове Кий в Белом море, построенный патриархом Никоном. Возводят кресты на куполе храма и на месте захоронения иноков монастыря. Служат там молебны и акафисты. Батюшке так нравится это место, что он мечтает

по окончании всех дел в Московской области перебраться на постоянное жительство в этот монастырь в качестве инокa. К сожалению, этой мечте не суждено было сбыться. Освящение Спасского храма села Никулино происходит 23 октября 2005 года. На торжественную службу приезжает митрополит Ювеналий. Он благодарит батюшку за огромную работу по восстановлению храма и вручает ему орден Святого Сергия Радонежского III степени.

После торжеств о. Александр с удвоенной энергией продолжает работы по восстановлению храма Казанской Божией Матери. Утром 8 ноября на престольный праздник великомученика Димитрия Солунского, перед службой, батюшка спешит на строительную базу заказать древесину для строительства лесов в Товарищево. По дороге ему наперерез по встречной полосе выезжает молодой лихач. Отец Александр не успевает увернуться от страшного удара. Погибает на месте.

Протоиерей Александр Шумаев был погребён при огромном стечении народа рядом с восстановленным им храмом Спаса Нерукотворенного Образа в селе Никулино 11 ноября 2005 года.

Вечная память дорогому, любимому батюшке.

Его доброта и благожелательность завоёвывали сердца многих людей. Где бы он ни находился, везде вокруг него толпился народ. В больнице, где он лечился, двери его палаты всегда были открыты, и несколько человек (выздоровливающих больных) всегда стояли у его изголовья. На привокзальной площади в Шали, куда мы приехали из Москвы, гружённые книгами, вдруг раздавался крик: «Наш батюшка приехал!» И несколько человек уже спешили помочь нам нести груз. Он любил бывать в воинских частях, в госпиталях, беседовал с солдатами и офицерами. Когда он временно служил в Троицком соборе г. Подольска, на исповедь к нему всегда стояла большая очередь, т. к. он внимательно выслушивал каждого и давал мудрые советы. На Урале и в Москве, на даче в Десне наш дом был полон гостей из разных мест. Приезжали знакомые и незнакомые люди из Америки, из Германии, из Екатеринбурга и Кургана, из Москвы и Подмоскoвья, засиживались допоздна. На службу в Спасский храм приезжал даже один африканец, учившийся в Московском университете. Он был католиком и говорил, что в его церкви таких пастырей он не встречал. Каждый раз, уезжая домой, просил у батюшки разрешения приехать ещё раз на службу.

Отец Александр сумел растопить суровые, ледяные устои жизни уральских «кержаков». Многих из них он обратил в Православную веру. Один из них, отец Василий, служит сейчас приходским священником в Сретенском храме села Сылва и живёт в доме, построенном отцом Александром.

Однажды ночью — стук в дверь. Женщина просит батюшку приехать и окрестить умирающую дочь, говоря: «Если суждено ей умереть, пусть умрёт православной». Мы с батюшкой собираемся и едем. Просторная изба, пятеро детишек и отец семейства стоят на молитве на коленях. Больная лежит на диване, не подавая никаких признаков жизни. Батюшка начинает обряд Крещения. Вся семья истово молится, поёт «Отче наш». Девочка открывает глаза и улыбается. На щеках появляется лёгкий румянец. Крещение окончено. Больная тихо дремлет. Нас угощают чаем из листьев земляники с мёдом и провожают домой. Все не могут сдержать слёз умиления и радости. Господь даровал девочке исцеление.

Отец Александр был очень наблюдателен и внимателен к людям. Он умел видеть, что другой нуждается в тёплом общении. Часто останавливался и заговаривал с незнакомыми людьми на улице, в общественных местах, транспорте, в магазине, на выставке, в библиотеке и др., вызывая моё недоумение и, часто, недовольство. Батюшка умел выслушать внимательно человека и принять его недоумения близко к сердцу. Признавал право каждого человека быть самим собой, будь то горький пьяница, бомж или проститутка. В глубине каждого из них он видел добро и Свет. Это был особенный дар, полученный о. Александром от Бога. Это привлекало к нему людей.

И сейчас, спустя четыре года после его кончины, многие не могут найти духовного отца, собеседника, подобного отцу Александру. Но жизнь продолжается. Спасский храм в Никулино процветает под руководством о. Алексия Поздника. Храм во имя Казанской иконы Божией Матери возрождается усилиями о. Михаила Бородина и молодой православной общины. Там устраиваются шумные праздники и молодёжные гуляния. Приглашают казачий ансамбль, из соседней воинской части во главе с офицером приезжают солдаты. Полевая кухня потчует всех солдатской кашей, пекутся блины, проводятся всевозможные игры и спортивные соревнования.

Четыре человека из числа батюшкиных духовных чад стали священниками и служат в православных храмах Урала и Подмосковья. Один стал игуменом мужского монастыря в г. Калуге, несколько мужчин и женщин приняли монашеский постриг и трудятся

в монастырях. Одна молодая семья переехала на постоянное место жительства в Верколу, на север Архангельской области. Ежегодно летом совершаются паломнические поездки наших прихожан на остров Кий.

К могиле отца Александра не зарастает тропа. В память о нём 3 раза в году служатся панихиды: 26 июля — в день его рождения, 14 августа — в день Ангела и 8 ноября — в день гибели батюшки и престольного праздника, посвящённого Димитрию Солунскому в Спасском храме села Никулино.

Светлая память и вечный покой тебе, любимый наш Пастырь!

Священник Михаил Бородин об о. Александре

*Из интервью корреспонденту
газеты «Земля Подольская»
от 9 августа 2007 г.*

Корреспондент — Отчего к отцу Александру тянулись многие?
В чём тайна его необъяснимого влияния?

Отец Михаил — Это фантастически верующий человек. Описать его в двух словах невозможно. Даже книги не хватит, чтобы рассказать о нём.

Корреспондент — Где вы познакомились с отцом Александром?

Отец Михаил — Отец Александр Шумаев родился в Москве, семь лет был на Урале, где я и познакомился с ним в 1990 г. Впоследствии приезжал к нему сюда, помогал восстанавливать храм. Помню, брали с собой два мешка цемента и на УАЗике добирались до храма. Включали музыкальный центр, и окрестность наполнялась чудесными звуками Рахманинова. Батюшка был очень одарённым человеком: музыкант, стихи писал, фотограф, плотник, хороший психолог, разносторонне образованный, обладающий фантастической памятью... Все, кто общался с ним, могли бы сказать: одной встречи было довольно, чтобы влюбиться в него и уже никого не искать. Его смерть стала трагедией для многих. Я исповедовал накануне отпевания о. Александра около шестидесяти человек, практически весь приход. И исповеди свидетельствовали только об одном — стремлении предстать перед наставником в душевной чистоте во время последнего прощания. Батюшка был очень жизнерадостным. Он сохранил ту радость, которую может дать только вера в Бога. Вечная ему память!

Неонилла Скүдарь. Воспоминания о батюшке

23 октября 2005 года митрополит Крутицкий и Коломенский освятил восстановленный из руин Спасский храм в селе Никулино Подольского благочиния. Это был великий праздник! Множество людей присутствовало на этом торжестве...

А через две недели, 8 ноября, в автокатастрофе погиб настоятель этого храма протоиерей Александр Шумаев, восстановивший этот храм.

Смерть батюшки стала настоящим потрясением для всех прихожан и для меня лично. Я знала батюшку 9 лет. С самого начала восстановления храма я почти ежедневно была рядом с ним. И поэтому попытаюсь в силу своих более чем скромных писательских возможностей рассказать о батюшке, о восстановлении храма, о том, каких невероятных усилий ему это стоило.

8 ноября 2005 г. Спасский храм
Престольный праздник

Как странно тишина застыла...
Все ждут начала службы... Вмиг
Как будто громом поразило:
Мужайтесь, батюшка погиб.

Ещё вчера гремела слава —
Храм освятили, наконец,
И патриаршая награда...
Сегодня — траурный венец.

Он называл наш храм военным.
Нас много — мы святая рать!
Со Спасом Нерукотворенным
Не страшно было умирать.

Небесных воинств предводитель
Архангел Божий Михаил,
Великомученик Димитрий
Преславным полководцем был.

И он был воином Христовым:
Безстрашный, честный, как кристалл,
И неспроста в престольный праздник
К Себе Господь его призвал.

Он всех любил, за всех молился,
Построил дивный Божий храм.
И за него всегда молиться
С любовью заповедал нам.

Н а высоком холме в южной части небольшого села в окружении вековых лип и сосен стоит полуразрушенный храм, без крестов, с частично обвалившимися сводами, с зияющими дверными и оконными проёмами. Наклонившаяся звонница подперта металлической «ногой». Так называемый «культурный слой» доходит до окон. На крыше храма толстый слой земли, где растут несколько берёзок и рябинок. И в храме, и около него — крапива в человеческий рост. На стенах — всякие непотребные надписи; внутри — горы мусора и кирпича.

Но, несмотря на такое жалкое состояние, храм полон достоинства. От него исходят невероятное тепло и благодать, и это притягивает не только людей. Территория храма с его вековыми деревьями — настоящий заповедник для птиц, и даже очень редких. Их разноголосое пение — гимн красоте мироздания.

Вот таким-то храм и предстал взору батюшки летом 1996 года. Он только что вернулся с Урала, где восстановил несколько церквей, вернулся вынужденно, из-за болезни матери. Церковное руководство предложило ему самому выбрать разрушенный храм для восстановления.

Они с матушкой Татианой долго ездили по Московской области, смотрели на разрушенные и осквернённые храмы, размышляли, советовались...

«Но когда приехали в Никулино, — рассказывает батюшка, — посмотрели на храм, сомнений как не бывало! Это наш храм! Наш! Остаёмся! Сели на пригорок и заплакали».

Историческая справка

Спасский храм очень древний, ему более трёхсот лет. Первые упоминания о нём относятся к 1628-1630 годам. Это так называемые «писцовые» и приходские книги казначейского приказа по сбору церковной дани.

Сначала это была деревянная церковь во имя Всемилоственного Спаса, уничтоженная неизвестно когда. Потом была построена новая церковь во имя Преображения Господня.

С 1704 года – церковь Спаса Нерукотворенного Образа; в 1722 году церковь была уже каменная. Село Спасское, позже Никулино, где находился храм, было вотчиной знатнейших фамилий: сначала Челищевых, затем Дашковых и, наконец, Хитрово.

Церковь выстроена в формах московского барокко. Храм кирпичный, типа «восьмерик на четверике», с трапезной и первоначально с одним южным приделом. Во второй половине XIX века расширен пристройкой второго придела. Центральный алтарь освящён во имя Спаса Нерукотворенного Образа, южный придел — во имя предводителя небесного воинства Архангела Михаила, северный придел — во имя святого великомученика Димитрия Солунского.

До 1930 года в храме совершались службы, но в 1931 году храм был закрыт. Священник, по свидетельствам старожилов, некоторое время жил в селе и даже тайно совершал крещения, венчания и другие таинства, но потом был выселен, и дальнейшая его судьба неизвестна. Трепетное отношение бывших прихожан к храму некоторое время сохранялось, и его, как могли, оберегали. Но в начале 60-х годов началась новая волна гонений на церковь, и храм был разграблен и осквернён. В 60-70-х годах в нём были размещены ремонтные мастерские. Вибрация и шум привели к окончательному его разрушению.

Начало восстановлению храма положил в 80-х годах директор совхоза «Подольский» Москалёв. Он буквально «спас» колокольню от падения, подперев её металлической «ногой».

Дождливым сентябрьским вечером 1996 года стою на автобусной остановке и читаю объявление: настоятель Спасского храма в селе Никулино отец Александр приглашает потрудиться на восстановлении храма.

На следующее утро иду в храм. Батюшка и матушка Татiana уже там. Матушка топориком отбивает штукатурку и раствор со старых кирпичей; батюшка откапывает цоколь. Он благословил меня, и я стала помогать ему копать. Земля доходила до окон — таков был почти семидесятилетний «культурный слой». Откапывали очень осторожно, как археологи. И что только не находили в земле! И старинные металлические фрагменты церковной утвари, подсвечники, иконы, человеческие кости. Все останки батюшка благоговейно с молитвой хоронил на кладбище (закапывал на могилах).

Через некоторое время с Урала приехали бывшие батюшкины прихожане. Дело пошло быстрее, через несколько дней цоколь был откопан. Потом освобождали храм от завалов, выносили груды кирпичей, кружала (опорная дуга из дерева, по которой выкладывается каменный свод).

Как-то пришли к батюшке два парня — Алёша и Гена.

— Мы восстановим храм! — и сразу же активно включились в работу.

Нужно хоть немного утеплить храм — зима на носу, а у нас ни окон, ни дверей. Утепляли только храм, так как притвор был без свода. Алексей заложил южный придел кирпичом — получилась келлия, в ней мы хранили лопаты, молотки и прочие инструменты. Поставили небольшую газовую плитку, что-то на ней готовили, грели чай. Стали закрывать окна плёнкой, фанерой, ковровым и прочими материалами — что под руку попадалось. Мы все закрывали нижние окна, а Геннадий, как обезьяна, лазал по стенам храма без всякой страховки и закрывал верхние окна. Батюшка, поражённый ловкостью Геннадия, сказал об этом стоявшему рядом Алексею, а тот ответил:

— А что тут удивительного? Он же профессиональный «форточник»!

Но сразу поправился: «Бывший, конечно». Геннадий и Алексей вскоре повздорили с батюшкой и ушли.

Однажды на глазах у батюшки рухнула главка храма.

В крыше алтаря зияла огромная дыра, через неё мы утепляли потолок. Ездили с батюшкой по магазинам и кланчили картонные коробки, потом их разрывали и клали на потолок, а сверху покрывали

сеном (батюшка в совхозе выпросил). Дыру в крыше тоже кое-как залатали. Зацементировали дырки в полу, заложили кирпичом все двери из притвора в храм. Вход сделали с северной стороны, где сейчас находится икона Пресвятой Богородицы.

Батюшка собственноручно соорудил престол и жертвенник. Повесил завесу.

19 декабря 1996 года — первая Литургия, в честь Николая Чудотворца. Холод жуткий, мороз за 20 градусов. В храме темно, так как окна все закрыты. На клиросе горит свеча. На солее стоит какой-то жуткий бензиновый обогреватель (китайский). Воняет больше, чем греет. Руки-ноги отмерзают. Но после службы такая радость!

С тех пор субботние, воскресные и праздничные службы совершались регулярно, несмотря ни на что.

Леса вокруг и внутри храма батюшка строил сам. Я была на тот момент его единственным слабосильным помощником. В лесничестве, куда мы неоднократно ездили, нам разрешили пилить в лесу тонкие деревья — слег. Батюшка пилил, а я таскала их на дорогу. Была уже зима, снегу было по колено. Мы связывали эти брёвна, цепляли к батюшкиному УАЗику и тащили в храм.

Батюшка строил леса не спеша, основательно, с площадками и переходами на верхние ярусы, с перилами. И вот, наконец, леса, очень крепкие и надёжные, вокруг всего храма были построены.

— Нужно воздвигать крест! — заявил батюшка. Крест у нас уже был — большой, дубовый, его соорудил сам батюшка. И вот в один из тихих вечеров, кажется, в марте, мы вдвоём понесли к храму этот крест и начали поднимать вверх. И внезапно погода испортилась: по небу побежали низкие чёрные тучи, налетел резкий холодный ветер. Батюшка тащил крест, да ещё и меня затаскивал «за шкирку» на верхние ярусы. С большим трудом добрались до самого верха. Я держала крест, а батюшка укреплял его — делал провололочные растяжки. А ветер дул с такой яростью, что, казалось, вот-вот сдует нас вместе с крестом и лесами. Наконец, крест был установлен, чуть живые, мы спустились вниз. Ветер стих так же внезапно, как и налетел, выглянуло солнышко. И нужно было видеть, как радовался батюшка! Прямо весь светился!

«Крест установили! Слава Тебе, Господи!»

Леса внутри храма также строил батюшка. Он просто надрывался, затаскивая вверх тяжёлые брёвна и брус. Я помогала ему, сколько было сил. Зачастую он ругался, забывая, что я женщина и сил у меня значительно меньше, чем у него. Особенно трудно было установить

иконостас. Батюшка прибил брус (тябла) под иконы и вставил их. Иконы были из ДСП, застеклённые и очень тяжёлые. (Позже, когда установили новый, теперешний иконостас, эти иконы были переданы военному госпиталю в Подольске. Там батюшка с уже многочисленными прихожанами в большой комнате оборудовал госпитальный храм).

Наконец-то начала формироваться община. Пришли Андрей, Александра, Людмила, Владимир, Сергей, Евгения. С приходом Александра Алекаева началось регулярное финансирование строительства.

Мы с батюшкой часто ездили на лесоторговый склад, что у Курилово. Там нам бесплатно давали некондиционные доски для лесов. Однажды зимой поехали втроем: батюшка, Александра и я. Зашли на территорию склада. Вся древесина и лесопильная техника находились под огромным деревянным навесом площадью примерно 40 кв.м. По углам навеса и посередине стойки — толстые брёвна. Сверху на навесе — метровый слой сырого снега. Мы стали вытаскивать доски и грузить их на машину, и уже почти заканчивали работу, как вдруг стойки под навесом со страшным скрипом медленно стали крениться в одну сторону, и навес с грохотом рухнул на землю. Нас всех спасло то, что мы находились у края навеса и успели убежать. Как сейчас помню побелевшее, как мел, лицо Александры и испуганные лица бегущих работников склада. Они подумали, что нас придавило. Единственным, кто не испугался, был батюшка. «Видите, как милостив Господь? Мог бы придавить нас, как комаров, но помиловал. И нас, и идиотов, соорудивших этот навес!»

Зима. В храме очень холодно. Нужна временная печка. Батюшка сложил её из кирпича, она стояла примерно в центре храма. Съездили на завод сельхозтехники. Р.Б. Степан дал нам металлические секции для трубы. Она получилась высоченная, под самый купол, диаметром примерно 40 см. Каким образом шестидесятилетний батюшка её поднимал, как выводил в какую-то дыру под куполом и привязывал — известно одному Богу! Это вообще находится за гранью человеческих возможностей!

Тяга была очень плохая, труба за ночь промерзала: пока растопишь печку — полный храм дыма. Но всё-таки она нас спасала, не давала замёрзнуть. Во время богослужений прихожане стояли по её периметру, образуя своеобразный круг. Несмотря на внешний холод,

в душе каждого было тепло и радостно. Батюшка рассказывал нам про первых христиан, проводил некоторые параллели.

Но однажды утром приходим в храм и глазам своим не верим: труба упала прямо на иконостас! Но, к счастью, ни одна икона не пострадала, труба верхним концом упёрлась в брус. И слава Богу, что в момент падения в храме никого не было. Всё это было таким потрясением, что не помню, как потом поднимали эту трубу в исходное положение.

Долго думали и гадали: разбирать старый свод над северной частью притвора или ремонтировать? Но когда нам на стол, за которым мы пили чай в прекрасный летний день, упал кирпичик весом в 6 кг (слава Богу, не на голову!), сомнения исчезли.

На следующий день батюшка, Сергей и я начали ломать свод. Почему-то было очень весело (ломать — не строить). Орудовали ломами, ежеминутно рискуя вместе с куполом свалиться вниз. Слава Богу, пронесло!

Рябинку, которая росла на своде, батюшка бережно откопал и посадил на территории храма. Теперь она уже большая. А потом выносили груды кирпичей за пределы храма. Сколько кирпичей перетаскали с одного места на другое! А больше всех — батюшка. А ведь старинные кирпичи были в два с лишним раза больше и тяжелее современных. Красивого темно-красного цвета. «Умели же строить наши предки!» — восхищался батюшка. В конечном итоге, ни один из старых кирпичей не потерялся, а, наоборот, занял своё место в восстановленном храме.

В самом начале службу вели батюшка и матушка. Батюшка не только проводил службу, но был и диаконом, и псаломщиком, алтарником, чтецом и певцом. Он читал и Евангелие, и Апостол, и Псалтирь. Но постепенно все, приходящие в храм, становились на клирос и каким-то чудесным образом быстро выучивались петь и читать. С самого начала пели знаменным распевом. Других распевов батюшка не признавал. «В Православной церкви, — говорил он, — на Западе и на Востоке существовало изначально монофонное церковное пение. Одной из великих трагедий Церкви в России была замена традиционной монофонной, унисонной мелодической формы пения, полифонией — гармонизацией, так называемой партитурой... Древнее церковное монофонное пение неизреченным образом помогает в духовной жизни, оно собирает духовные силы человека, учит живой вере, страху Божию. С другой стороны, какое воздействие может иметь на душу обычное сейчас в церквях партесное пение?

Будучи произведением людей не святых и, нередко, даже церковно невежественных, многоголосные композиции могут лишь возбуждать в душах слушателей различные эмоции: от нервной, игривой радости до меланхолической грусти. Святые отцы были против партесного пения».

Параллельно со строительством храма начали строить церковный дом. Один майор Толян (так он представился батюшке) продал нам железобетонные блоки для фундамента и брёвна. Выгрузили всё это у ворот, а мы по снегу верёвками тащили их на место строительства дома. Рыли траншеи для фундамента и укладывали блоки солдаты из воинской части, что в Толбино. Брёвна (сруб) укладывал сам батюшка с немногочисленными помощниками. Большую печь тоже сложил батюшка. А крышу, обшивку вагонкой делал брат Владимира И. — Николай, приехавший из другого города на заработки. Платил ему батюшка. Но потом он сказал мне «по секрету», что платит-то Владимир, но через батюшку. Он хотел помочь нуждающемуся брату, но так, чтобы тот не знал. Батюшка рассказывал обо всём этом, и по щекам его текли слёзы.

Через какие мытарства прошёл батюшка, занимаясь проводкой электричества! Безконечные хождения по инстанциям, стояния в очередях — даже и вспоминать не хочется. Порой чиновники доводили его до белого каления, он бросал папки и с гневом убегал из кабинета. Но, справедливости ради, надо сказать, что внушительный вид батюшки, его несомненная вера, убедительный тон, глубокая внутренняя культура и образованность всегда производили сильное впечатление, и очень многие шли нам навстречу.

Летом всем миром копали траншеи под электрический кабель. Было очень много людей, даже из других храмов. Копали от храма — к избе; от избы — к воротам. Ставили столбы, протягивали провода от фермы к храму — морока жуткая, но когда дали свет — жить стало веселей!

В храме уже работает бригада профессиональных строителей. Восстанавливают притвор. У батюшки всё под контролем. Каждый день с утра до вечера он в храме. Зачастую ругал строителей, заставлял переделывать, взывал к их совести: « Вы храм строите! Понимаете вы это или нет? » Вроде бы понимали или делали вид. Но, если надо было, переделывали безоговорочно. Постепенно храм стал преображаться. Александр Алекаев заказал иконостас у известного иконописца Ольги Клодт. Батюшка молился, очень волновался: получится или нет? Получилось! У нас великолепный иконостас.

Мы-то все уже привыкли, а кто видит впервые — делает шаг назад от удивления и восторга.

С благословения батюшки многие прихожане поступили в Свято-Тихоновский университет. Некоторые его уже окончили, некоторые ещё учатся.

Андрей Ш. почти год жил в храме, был послушником (или трудником?). Трудился с утра до позднего вечера, а батюшка давал ему всё новые и новые послушания (для смирения, говорил он). Андрей как-то фантастически быстро (конечно, по молитвам батюшки) научился читать и петь на клиросе. Наверное, за эти успехи батюшка и отпустил его в двухнедельную поездку на остров Валаам.

Возвратился он как раз в день своего рождения — 21 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы! Солнечно. Тепло. Радостно. Сидим на веранде, поздравляем Андрея с днём рождения. В шутку сочинила ему стишок:

Ты родился неспроста
В день святого Рождества.
Это тайна. Иль залог?
Мы не знаем. Знает Бог!

С днём рожденья поздравляем.
И тебе напоминаем:
Да, прекрасен Валаам,
Но милее — Спасский храм.

Из руин преобразился
Божьей милостью. Стоит!
И, быть может, нас, убогих,
Хоть чуть-чуть преобразит.

Батюшка задумался, потом говорит мне тихо: «Да, он родился в этот день неспроста, и в нашем храме не останется — будет монахом. И слава Богу!»

Теперь Андрей Ш. — иеромонах Тихон, восстанавливает монастырь Крестовоздвиженский в городе Калуге.

А Сергей В., окончивший Свято-Тихоновский университет, уже два года служит священником.

Наконец, привезли колокола. Батюшка отслужил молебен, освятил их. Начали поднимать на колокольную: привязывали верёвку к колоколу, перекидывали её через перекладину на звоннице и тянули за другой конец человек 10-12, первый — батюшка.

Золотые кресты воздвигали при большом стечении народа. Было центральное телевидение, а вечером всё это торжество показали в новостях.

Однажды пришли на молебен. Смотрим, у ворот храма стоит трейлер с прицепом, гружённый гранитными плитками для полов в храме и брусчаткой для отмостки вокруг.

— Вот вам и молебен! За работу! — сказал батюшка. И первый полез на машину. Мы с ужасом посмотрели на эту гору плитки, потоптались на месте, но ничего не поделаешь, полезли на машину.

И свершилось чудо! За полтора часа пять женщин с шутками и прибаутками разгрузили эту махину с тяжёлой плиткой. И ни у кого ничего не заболело, ну, разве что волдыри выскочили на руках. На следующий день я подошла к горе выгруженной плитки, попыталась поднять одну из них и не смогла.

— Ну, как мы смогли это сделать? — спрашиваю у батюшки.

— Это не вы разгружали, а Ангелы! — ответил он.

Кстати, потом никто не верил, что пять женщин и батюшка за полтора часа смогли это сделать.

— Не верю! На это нужен целый рабочий день, — сказал бригадир строителей, которые работали в храме.

Батюшка порою был резок и нетерпелив, раздражался, мог отругать, но быстро остывал и всегда просил прощения. Особенно доставалось Александре. Однажды на Литургии она поднялась на солею, чтобы поправить лампадку, потом попятилась и упала с соеи вниз навзничь, задев подсвечник, который с грохотом опрокинулся. Лампадка разбилась.

— Ну, всё, — с ужасом подумала я, — разбилась насмерть.

Все кинулись к Александре, а она, как ни в чём не бывало, с улыбкой поднялась с пола. И даже не ушиблась! Потом она говорила: мне как будто кто-то руки подставил. Наверное, Ангелы... Батюшка выбежал из алтаря, но, к удивлению всех, не стал ругаться. Может быть, увидел их, Ангелов?

Батюшка часто говорил в проповедях: «Мы все такие умные-преумные, учёные, в чернилах мочёные, а знать-то надо всего одну истину: любите друг друга. Вы не представляете, как я вас всех люблю!» — говорил он. Он любил всех, хотя ругал многих и обижал. Он любил всех и молился за всех.

Силу его молитвы я много раз испытала на себе. Два раза я падала в храме и ломала рёбра. Через 3-4 дня я была уже здоровой. Однажды

с р.Б. Тамарой красили церковный домик. Я подняла тяжёлую мраморную плитку, она выскользнула у меня из рук и упала на ногу. Большой палец всмятку — кровь, боль дикая. Кое-как перевязала палец. Батюшка отвёз меня на дачу, но к вечеру палец так разболелся, что пришлось ехать в травмпункт. Сделали рентген: открытый оскольчатый перелом большого пальца стопы. Звоню батюшке: так, мол, и так. А он в ответ: «Не расстраивайтесь, через три дня заживёт». Я подумала с обидой: да, сейчас! Месяц, как минимум, буду шкандыбать с лангеткой.

Три дня палец сильно болел, а на четвёртый, в воскресенье утром, всё как рукой сняло. Никакой боли, даже при сильном нажатии. Разбинтовала палец, и раны нет! Надела туфли и пошла на Литургию.

Очень жалею, что сразу же не сделала контрольный снимок: это было бы безусловным свидетельством чудесного исцеления по молитвам батюшки, так как даже простой перелом срастается не раньше 3-4 недель.

Раба Божия Раиса вспоминает о своей первой встрече с батюшкой. В храме было много людей, но он подошёл именно к ней, положил руку на её плечо и сказал тихо: «Мужайтесь!» И пошёл в алтарь. Она была удивлена, но вскоре забыла об этом. Через несколько месяцев она тяжело заболела. И сколько же ей понадобилось мужества и терпения, чтобы переносить жестокие боли в суставах, многочисленные операции, оставаясь при этом добрым, смиренным, жизнерадостным и, несмотря на болезнь, необыкновенно трудолюбивым человеком!

По усердным молитвам батюшки во многих бездетных семьях родились дети.

Когда роженицу отвозили в роддом, он открывал Царские Врата, молился за неё. Очень переживал и нервничал. Ждал с нетерпением звонка. А когда, наконец, ему сообщали, что ребёнок родился — сам радовался, как ребёнок.

— Мужика родила!!! Понимаете? Мужика родила!!! — кричал он.

Когда же рождалась девочка, он возвещал уже спокойнее:

— Девку родила! Слава Богу!

Батюшка был непритворен в быту, носил одежду и обувь абы какую, что пожертвуют. Всё своё имущество раздавал налево и направо. Одному многодетному священнику он отдал «Волгу», которую ему подарили, и о которой он давно мечтал. Многодетному

нашему прихожанину благословил свою московскую трёхкомнатную квартиру. Нуждающимся давал денег.

Душа у него была нежная, тонкая, деликатная и возвышенная. Он любил поэзию, знал на память множество стихов, глубоко знал историю, литературу, архитектуру, живопись. Он постоянно читал. Любил всё живое: лошадей, кошек, собак — вообще всех зверюшек и птичек. «Всякая-то травка, всякая букашка, муравей, пчёлка золотая, все знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют. Не мучьте, не возносите над животными, — говорил он, — они безгрешны, живут в законе Божиим, а мы со своим величием поганим землю».

Батюшка чувствовал глубокую связь природы с молитвой и поэзией.

На одной из подаренных мне книг батюшка написал: *«Дорогая Неонилла, познать мир Божий невозможно, но восхищаться им и благодарить Господа за лицезрение его — наш долг. Дай Господи Вам для этого силы и разума».*

Как-то летом под раскидистым и высоким кустом сирени в густой траве батюшка заметил маленький прутик с единственным листочком. Дубок! Как он здесь вырос? Каким ветром его занесло? Ведь поблизости нет ни одного дуба! Батюшка вырвал траву и вскопал землю вокруг деревца, огородил его, поливал и ухаживал. И всем с восторгом показывал его — дубок!

Дубок потихоньку рос, но после смерти батюшки о нём как-то забыли. И однажды он чуть было не погиб.

Отец Алексей (новый настоятель храма) купил бензопилу и начал выпиливать гнилые ветки на деревьях и рубить поросль. И вот этот всеми забытый дубок вдруг приснился мне во сне. Утром прихожу в храм, а о. Алексей уже вовсю рубит поросль возле дубка (он-то ничего о нём не знал). Ну, всё, думаю, пропал дуб. Подхожу — нет, чудом уцелел. Уберёг его батюшка!

В прощенное Воскресенье батюшка выходил на солею, каялся перед всеми в своих грехах, просил прощения у всех, кого обидел, со слезами на глазах. Становился на колени и кланялся всем до земли. А мы тоже стояли и плакали.

Батюшка очень любил старообрядцев, восхищался их твёрдой верой и приверженностью традициям. Многие старообрядцы на Урале под влиянием батюшкиных проповедей крестились в Православие.

Из рассказов батюшки

У одной молодой учительницы из старообрядцев умирала пятилетняя дочь. Никакое лечение не помогало. Мать ни на минуту не отходила от неё и уже как глубоко верующая женщина смирилась: на всё воля Божия! И вот однажды, задремав в изнеможении у постели дочери, явственно слышит голос: окрестишь дочь — выздоровеет. Она, проснувшись, тотчас же побежала ко мне, и мы с матушкой сразу же приехали. Девочка была без сознания, черты лица её заострились, губы и кончик носа посинели. Мы начали крещение. После первых же молитв губы её начали розоветь, она открыла глаза. Щёки её тоже стали розоветь: постепенно к ребёнку возвращалась жизнь. Мать её, суровая молодая женщина, в чёрном платке, который закрывал почти всё лицо, была потрясена, благодарила нас с матушкой. А мы стояли и плакали...

Через некоторое время женщина тоже крестилась и стала ревностной прихожанкой.

На Урале батюшка восстановил несколько церквей в сёлах Сылве и Шали. Его помощниками были, в основном, пожилые женщины, бабушки. Помогали, старались изо всех сил.

В одном из разрушенных храмов власти устроили склад минеральных удобрений. Бабушки всё выбросили, вычистили, вымыли, но на следующий день руки у всех без исключения покрылись жуткими язвами. Батюшка часто со слезами на глазах вспоминал об этом.

На Урале в деревнях было очень много брошенных стариков, которые страдали, голодали, умирали в нищете. И это болью отзывалось в сердце батюшки. Он купил старый деревянный дом неподалеку от храма, отремонтировал его, и первыми насельниками этого дома престарелых стали две бабушки, Зиновия и Катерина, о которых батюшка очень много и с любовью нам рассказывал. И здесь, в Никулино, сразу же, еще не начав восстановление храма,

он уже думал о домиках для стариков и начал хлопотать о выделении земли около храма. Он часто говорил в проповедях об этом; говорил, что все наши Татианы (а их у нас на тот момент было аж 7) будут ухаживать за стариками, а матушка Татiana, у которой большой опыт по уходу за тяжелобольными стариками, будет диакониссой.

В селе Сылва, на Урале, есть большое живописное озеро. Но местные жители поговаривали, что там водится нечистая сила. И вот однажды один пьяный молодец подошёл к озеру и заорал во всю глотку: «Не верю!» И вдруг как бы гигантская плеть с шумом рассекла всё озеро от берега до берега. Хмельной молодец в ужасе бежал куда глаза глядят.

«Приходит ко мне женщина, — рассказывает батюшка, — и просит освятить квартиру. Говорит, что у неё есть двухлетний внук. Он ещё почти не разговаривает, но прекрасно рисует, очень одарённый мальчик. Лежит он однажды в своей кроватке, смотрит на потолок и показывает пальчиком: «Бяка!» Бабушка ему:

«Внучек, где бяка? Чистый белый потолок!»

А он упрямо — бяка! Взял карандаш и нарисовал... рогатого, хвостатого беса.

Батюшка благоговел перед памятью патриарха Московского и Всея Руси Никона, считал его великим деятелем Русского Православия. Незадолго до своей гибели, в июле 2005 года, он направил прошение Митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювению с просьбой разрешить прихожанам Спасского храма воздвигнуть святы кресты на храмах Крестопоклонного монастыря на острове Кий. И кресты были воздвигнуты!

Очень любил батюшка Владыку Мелхиседека — Архиепископа Брянского и Севского. Владыка тоже очень его любил. Он благословил батюшку поехать на Урал восстанавливать храмы. Живёт Владыка неподалёку, в Климовске.

Однажды Владыка прогуливался по окрестностям Никулино и зашёл на развалины нашего храма. Посидел в задумчивости, погоревал, глядя на разруху, размышлял, потом задремал от усталости. И вдруг явственно почувствовал запах ладана. Заволновался, стал думать: откуда? Походил, подумал и пришёл к выводу, что ладаном пропитаны стены храма с тех далёких времён, когда в нём совершались службы.

Немного успокоился, и вдруг его осенило: «Да сегодня же 29 августа! Престольный праздник! Это Ангелы служат Литургию! И заплакал от восторга и умиления».

«Была у меня на Урале старенькая прихожанка, тихая, смиренная. Очень часто исповедовалась, каялась даже в самых, казалось бы, незначительных грехах.

Приходит ко мне Великим постом и чуть не плачет: «Батюшка! Я «обмолочнилась»! Варила внуку манную кашу на молоке и попробовала. Простите Христа ради!»

«Ну, Варвара,— говорю ей, — нам бы твои грехи!»

И вот, перед смертью зовёт меня, чтобы исповедаться и причаститься. И оказалось, что на протяжении многих лет она травила своего мужа, алкоголика, ядом от тараканов. Регулярно подсыпала его в пищу и очень удивлялась и возмущалась в душе, что муж жив-здоров, и никакой яд его не берёт».

Батюшка часто рассказывал нам эту историю в назидание.

Иногда батюшка мог и похулиганить. Прочитав только что изданную книгу об о. Павле Груздеве, батюшка прямо-таки вспыхнул любовью и восторгом к нему. Некоторое время только о нём и говорил, с восторгом и благоговением. Он часто его цитировал, даже с амвона. Говорил, например: «Сейчас все грамотные, а культуры нет. А раньше грамоты не знали, а были культурными». Или спрашивал: Знаете, какое любимое выражение было у о. Павла? Нас рать! (эти два слова он произносил слитно, с ударением на последнем слоге). У всех — оторопь, шок. Пауза. И батюшка, вдоволь насладившись произведённым эффектом, продолжал: «Нас рать (уже отдельно)! Нас целая рать!»

Когда начали восстанавливать наш храм, я была уверена, что все окрестные жители и мои соседи по дачному кооперативу толпой побегут в храм. Но не тут-то было! Подхожу к одному, к другому — или вежливое молчание, или ссылки на нехватку времени и т. д.

А одна бабка от моего предложения пойти поработать в храме пришла в такое бешенство, что и вспомнить страшно: «Все церкви надо разрушить, а попов поубивать!» Я в ужасе побежала от неё и слышала, как в след мне неслась жуткая хула на церковь. Рассказала обо всём этом батюшке. Он говорит: «Бог накажет её. И очень скоро».

И, действительно, через месяц она умерла. Рак горла. Болезнь очень редкая у женщин. А была здоровая и сильная. Каждый день таскала из совхоза всё то, что плохо лежало. Прости её, Господи!

В моем дачном кооперативе жил мужик — горький пьяница, буян, драчун и сквернослов. Все почему-то звали его Будулай. Высокий, свирепого вида, необыкновенной физической силы человек. Все его боялись, даже милиция ничего не могла сделать (или не хотела?) Однажды он убил ножом сторожевую овчарку, большого свирепого пса. Ему не понравилось, что тот на него залаял.

Так вот, повадился этот Будулай ходить к батюшке. Всё время что-то ему доказывал, кричал, размахивал кулаками, оскорблял. Батюшка долго его терпел, уговаривал, увещевал, не обижался на грубости и даже стерпел, когда тот схватил его за бороду. Но когда этот Будулай стал хулить Господа и Пресвятую Богородицу, батюшка схватил его за шиворот, вытолкнул за церковную ограду и дал такого пинка, что тот кубарем летел по дороге. Больше он в церкви не появлялся. А вскоре в пьяной драке собутыльники проломили ему голову, и он умер. Прости его, Господи!

Отец Николай из Кургана вспоминает: «Я встречался с батюшкой на Урале, много слышал о нём. Однажды на епархиальном собрании оказались рядом. Он похвалился, что приобрёл для церкви большой грузовик. Я сказал: «Так ведь он много «ест» бензина!» Батюшка в ответ: «Ну, когда это церковь была без бензина?»

О. Николай далее рассказывает:

«Троица. Великий праздник. Храм полон народа. Я готовлюсь в алтаре к Литургии, думаю, что сказать на проповеди.

«Господи, — взмолился я, — помоги, хоть немного приоткрой тайну Святой Троицы!»

Отслужили Литургию, вечерню с коленопреклоненными молитвами. Люди стали расходиться. И вдруг подходит ко мне знакомый прихожанин, говорит: «Вот, смотрите, купил три свечи, положил во внутренний карман пиджака и забыл поставить. И смотрите, что получилось!» Протягивает три свечи, каким-то чудесным образом переплетённые между собой, а три фитилька были рядом и составляли как бы единое целое.

Я смотрел на это чудо, и вдруг меня осенило: «Вот! Это Святая Троица!»

Потом мы сделали для этой «Троицы» ковчезек и поставили на аналой. Кстати сказать, потом пробовали из трёх свечей сделать нечто подобное. Ничего не получилось! Свечи гнулись и ломались».

К 2005 году храм был полностью восстановлен, но батюшка всячески оттягивал его освящение. «После освящения я умру», — сказал он однажды. Мы все были удивлены таким заявлением, встревожены. Но когда он стал часто говорить об этом, привыкли, даже стали шутить (Прости нас, Господи!):

«Ну, что вы, батюшка, вам ещё жить да жить. А как же храм в Товарищеве? Кто его будет строить?» И т. д. (Вот уж, поистине, нет пророка в своём отечестве!)

Великое освящение храма состоялось 23 октября 2005 года. Его совершил митрополит Ювеналий, которого мы встретили хлебом-солью, цветами и колокольным звоном.

Стояла чудесная тёплая погода. Храм был полон народа. По окончании Божественной Литургии митрополит Ювеналий поздравил прихожан с праздником и отметил огромные заслуги батюшки в восстановлении храма. Владыка пожелал батюшке многих лет жизни для дальнейших трудов на благо Святой Церкви и вручил ему патриаршую награду — орден преподобного Сергия Радонежского III степени. Орденами и благословенными митрополичьими грамотами были награждены и некоторые наши прихожане.

На следующий день после освящения храма батюшка говорит радостно: «Освятили! И я живой! Слава Богу!»

Но через неделю он погрузился, стал прощаться в отдельности с каждым из нас, некоторым говорил — я ухожу к Богу, давал советы, напутствия...

7 ноября после вечерней службы он подошёл ко мне и, впервые обращаясь ко мне на «ты», сказал: «Как жить без меня будешь?» А потом грустно прочитал Пушкина:

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит!
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

И вот 8 ноября. Престольный праздник. Все ждут батюшку, но он почему-то задерживается. И вдруг — страшное известие — Батюшка погиб! Нет нужды описывать, что с нами происходило, ужас, растерянность, одиночество... Все сразу осиротели...

И в это время как-то стихийно у очень многих возникло желание, даже потребность, исповедоваться, просить прощения у покойного батюшки. Народу было очень много — весь притвор — и всех исповедал отец Михаил Бородин. Батюшка очень любил отца Михаила, который был его духовным сыном. Он каждое лето приезжал к батюшке в гости с Урала, приезжал и на освящение храма, а через две недели приехал на похороны. Отец Михаил буквально почернел от горя, из глаз всё время текли слёзы, и, тем не менее, он взвалил на себя этот тяжкий труд — исповедал огромное число людей. Он выслушивал всех нас: как мы обижали батюшку, обижались на него...

Вечером 9 ноября гроб с телом батюшки был поставлен в храме. Началось чтение Евангелия священниками Подольского благочиния. Отпевание совершил архиепископ Можайский Григорий. Народу было великое множество и в храме, и около него. Приехали из Москвы, из Московской области, с Урала; прилетели даже из Америки.

Во время отпевания со словом о подвижнической жизни батюшки к собравшимся обратился протоиерей Димитрий Смирнов.

Он сказал, что знал батюшку более двадцати лет, что он был чрезвычайно и разносторонне одарённым от Бога человеком. Именно Церковь дала ему возможность в полной мере проявить свои дарования, незаурядную физическую силу и огромную душевную энергию. Это был настоящий мужчина. Несмотря на свой возраст, он был полон сил и планов на будущее. Он мог прожить до девяноста и даже до ста лет, так что можно сказать, что Господь призвал его в зените его жизни и служения, когда он являл всем достойный пример самоотверженного служения на благо Церкви и людей.

После отпевания гроб с телом почившего батюшки был обнесён с крестным ходом вокруг храма. Похоронили его здесь же, рядом с его мамой.

Вечный покой подаждь Господи, любящему Тебя протоиерею Александру.

**Посвящается
памяти нашего Батюшки.
О. Александр (Шумаев)**

Сердце моё, не истекай
Болью и кровью слепых изысканий.
Сердце мое, не уставай,
В Вечность стучись и ищи расстояний.

Время в пути — не напрасное бремя,
Мучит, но учит, живи и внимай.
Есть и в ничтожестве — Истины семя!
А без сравненья поймешь ли, где рай?

Книжная мудрость нам много открыла!
Впасть в фарисейство — так просто, держись!
Все собери, чтобы свято хранила
Каждый урок из Сокровища — Жизнь.

19 апреля 2006 года.
Жанна Подсевалова

Воспоминания Александра Алекаева об отце Александре

*«Поминайте наставников ваших, которые
проповедовали вам Слово Божие,
и, взирая на кончину их жизни,
подражайте вере их»
(Евр. 13:7)*

Так получилось, что в начале 90-х годов прошлого века мне удалось приобрести небольшой участок земли недалеко от Подольска, в 28 км от Москвы. Многие наши знакомые строили загородные дома, был настоящий «строительный бум», мы тоже не оказались в стороне от него. Объездив несколько строящихся домов, немного подумав, мы с женой «разработали проект» (не имея абсолютно никаких понятий об этом) 3-х этажного дома со всеми удобствами и, не откладывая дело в долгий ящик, приступили к строительству, желание было огромное. Долго ли коротко ли, но в течение трёх-четырёх лет дом их кирпича с правильным фундаментом был готов.

К тому времени я был уже 5 лет как крещён, причём покрестился я чудесным образом вместе с сыном. На 40-ой день после его рождения я понёс его в Храм Воскресения Словущего (рядом с Тверской, где мы жили), а жена мне и говорит: «Что же ты сына идёшь крестить, а сам некрещёный?» Я буркнул в ответ, что я ещё не готов, но, подойдя к храму, какая-то сила толкнула меня, и я подумал про себя: «Либо — сейчас, либо — никогда», — и помчался домой за белой рубахой. Так мы и покрестились с сыном в один день — сразу после Пасхи в мае 1990 года. Итак, после постройки возникла мысль

освятить дом, тем более, что у нас в семье уже было принято освящать квартиры и машины. Мы в то время изредка посещали богослужения в прекрасном храме тоже под названием Воскресения Словущего в г. Климовске Подольского благочиния, где настоятелем был о. Борис. Как мне показалось тогда, это был очень строгий батюшка, и когда я в первый раз пришёл к нему поговорить об освящении дома, он меня не принял, сказав прийти в другой раз, но, в конечном счёте, дом был освящён осенью 1996 года. Спустя некоторое время, когда я подошёл к о. Борису после воскресной службы и предложил свою помощь в восстановлении его храма, то услышал неожиданный ответ: «У вас рядом с вашим домом в деревне Никулино назначили нового священника, вот иди туда и помогай ему, если хочешь. Тем более, что ко мне ты едешь на машине, а там пешком 10 минут», — добавил отец Борис. Я в тот момент не придавал большого значения этим словам и не представлял, где мог находиться этот храм, ведь за время строительства своего коттеджа я исколесил все окрестности, но никакого храма нигде не видел. Сын мой к тому времени уже был первоклассником и посещал воскресную школу в Донском монастыре, рядом с которым мы жили в Москве. И вот однажды на весенних каникулах, в конце марта 1997 года, мы были всей семьёй на даче, и я весенним солнечным утром предложил сыну пойти погулять в лес с собакой (с нами жила азиатская овчарка Рокки). Отойдя метров двести в лес от нашего дома, вдруг слышу неожиданное предложение от своего, как мне ещё казалось, маленького сына: «Пап, а хочешь я тебе покажу старое кладбище?» Я с недоумением посмотрел сверху вниз на него: «Какое ещё, сынок, кладбище? Я знаю все окрестности, здесь ничего подобного нет». Сын упрямо тянул меня за руку, и через несколько минут мы вышли на опушку леса. Солнце освещало небольшое поле, за ним виднелись деревенские дома. Снежный наст ещё был крепкий после зимы, и сын с собакой уверенно потянули меня в сторону деревни. Не прошло и 5 минут, как мы наткнулись на заброшенное кладбище, а оно, в свою очередь, примыкало к разрушенной церквушке. Как это и было традиционно на Руси — церковь, а рядом — захоронения. Сын воскликнул, как бы подтверждая, что он не обманул меня: «Вот, пап, тебе и кладбище». Я был просто поражён. Чуть вниз под горку от первых крестов, рядом с полностью разрушенным алтарём, я заметил какое-то энергичное движение и стук то ли топора, то ли молотка. Мы втроём: я, сын и собака — двинулись на этот стук. Высокий, статный мужчина в чёрном и со скуфеей на голове, из-под которой

выбивались густые, тронутые сединой пряди волос, занимался утеплением сохранившихся оконных проёмов. Мужчина обладал благородными правильными чертами лица и огромной густой бородой с проседью. Также он излучал радостную энергию и какой-то тёплый свет. Это был священник отец Александр Шумаев и тот храм, куда направил меня о. Борис. Мы по-братски поздоровались и разговорились: как оказалось, первая служба состоялась всего 3 месяца тому назад на Николе зимнего, т.е. 19 декабря 1996 года. Я предложил о. Александру свою помощь, а он в ответ пригласил меня на воскресную службу в храм. Так промыслительно получилось, что ранним весенним солнечным утром мой маленький сын за руку привёл меня в храм (он же фактически раньше невольно содействовал и моему крещению). Я начал посещать богослужения в Спасском храме Подольского благочиния, и у меня возникло желание восстановить разрушенный храм (вернее, посодействовать о. Александру в этом деле). Моё желание укрепилось, когда я увидел, что батюшка все свои силы, энергию и средства отдаёт на восстановление храма и создание общины. Его линию жизни я коротко сформулировал для себя так: «Храму и людям — всё, себе — ничего».

Отец Александр обладал глубокой и искренней верой, он жил по Божьим заповедям. Апостол Павел наставляет в своём послании к Евреям: «Имейте нрав несребролюбивый, довольствуйтесь тем, что есть. Ибо Сам сказал: не оставляю тебя и не покину тебя» (Иис. Нав. 1:5). И на самом деле, Господь не оставлял о. Александра (и нас вместе с ним). Как и положено священнику, о. Александр питался от алтаря, он не имел привычки ходить в магазин. Что приносили прихожане, то и ставилось на стол, причём трапезе по окончании богослужения батюшка придавал большое значение. Он приглашал всех за общий стол (называя агапу неотъемлемой частью воскресного богослужения). «И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже всё готово... Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой» (Лк. 14:17,23). Он действительно звал всех, всегда давая нам безкорыстно и духовную, и обычную пищу. Батюшка никому и ни в чём не отказывал, когда к нему обращались за помощью, его телефон был доступен в любое время суток, и на другом конце провода всегда был доброжелательный и радостный голос. Приведу несколько характерных примеров. У моего друга Алексея заболела раком мама. Мы все, его друзья, её очень любили, она всегда нам помогала, чем могла, и относилась к нам, как к своим детям. Мне наивно показалось,

что моя молитва к Богу может ей помочь выздороветь; как мог, я взывал к Господу, надеясь на выздоровление р. Б. Юлии, но болезнь забирала силы этого жизнелюбивого и энергичного человека. Как-то перед Новым годом я заехал в гости к Юлии Сергеевне с огромным букетом жёлтых роз: мне хотелось духовно поддержать её. Она недавно крестилась, и мне казалось, что нам есть о чём побеседовать, хотя внутренне у меня была определённая робость — о чём говорить (и надо ли) со смертельно больным человеком? Но безучастным я остаться не мог. Юлия Сергеевна радушно встретила меня и предложила вкусные рыбные котлеты с гарниром (шёл Филиппов пост). Была середина дня, предновогодняя суета, я был голодный и с удовольствием согласился. Заметно было, что каждое движение ей даётся с трудом, слабость была и в голосе, и в замедленных движениях, но Юлия Сергеевна старалась не подавать виду. Мы больше часа проговорили на разные темы, в том числе коснулись и вечных христианских истин — таинств: исповеди, причастия, тайны воскресения и бессмертия души. Я, как мог, старался поддержать маму своего друга и, когда я уходил, то увидел благодарность в её глазах. К сожалению, это была наша последняя встреча, вернее разговор. Болезнь развивалась стремительно. Спустя две недели я позвонил Алексею узнать, как дела, и услышал в ответ, что мама в онкоцентре на Каширке в реанимации, и шансов нет. На мой вопрос о причастии я получил отрицательный ответ (мол, не до этого). Я тут же связался с отцом Александром, он мне сказал, что ехать надо немедленно. Я отпросился с работы, прыгнул в машину и помчался загород. Счёт шёл на минуты. Когда я приехал в с. Никулино, о. Александр с запасными Дарами для причастия был наготове, и мы сразу же поехали в больницу. Онкоцентр на Каширке произвёл на меня гнетущее впечатление. Попадая туда, сразу же ощущаешь себя одной ногой в могиле. В отличие от 1-ой или 3-ей городских больниц, в которых есть свои церкви, существует возможность духовной поддержки, на Каширке этого нет. Мы успели вовремя, Юлия Сергеевна приняла причастие. Сложилось такое впечатление, что она нас как бы ждала, потому что в эту же ночь она умерла. Царство ей Небесное и вечная память! Оказалось очень важным, что, не зная человека, отец Александр тут же откликнулся и, как ангел-хранитель, своевременно оказался рядом с умирающим человеком.

Священник должен быть готовым в любое время прийти на помощь нуждающимся. Мне о. Александр рассказал такой случай. Однажды ему позвонили из соседней деревни и попросили

покрестить мужчину, но женский голос предупредил, что времени мало, т.к. человек очень плохо себя чувствует. Батюшка быстро собрался, взял всё необходимое и поехал к страждущему. Войдя в дом, он увидел лежащего на кровати мужчину без памяти. Как только о. Александр приблизился к нему, он пришёл в себя, как будто умирающий ждал священника. Батюшка его покрестил, исповедовал, причастил, и у него на руках тот отдал Богу душу. Тут же уже по православному обряду священник совершил отпевание и закрыл его очи. Как оказалось, умерший был добропорядочным человеком, всю жизнь тянулся к Богу, хотел покреститься, но строптивая жена была категорически против и только перед смертью, сжалившись, исполнила последнюю волю своего мужа. «Доведётся ли нам успеть исповедовать свои грехи перед Господом и принять причастие перед смертью — одному Богу известно», — закончил со слезами на глазах свой короткий рассказ отец Александр.

Как и любой мужчина, о. Александр любил автомобили и хорошо разбирался в них, мог сам выявить и устранить любую неисправность. Долгое время он ездил на полувоенном УАЗике, затем прихожане подарили ему «Ниву». Однако пределом мечтания и воплощением совершенства для него была «Волга» ГАЗ-3102. И вот однажды я увидел возле храма чёрную «Волгу 3102»; мне подумалось: наконец-то сбылась мечта о. Александра. Каково же было моё удивление, когда примерно через месяц я узнал, что он эту «свою мечту» подарил священнику о. Сергию (который очень сильно пострадал после большого пожара в своём доме). «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп. 2:4).

Отец Александр мог, как никто, «утешить надеждою». У меня есть близкий знакомый, известный архитектор, мы долго дружили семьями. И вот в его дом пришла беда. На старый Новый год по дороге в Суздаль (они с женой ехали в отпуск) его машину занесло, и произошло столкновение с встречным транспортом. В результате жена погибла на месте, а наш знакомый оказался в больнице, получив многочисленные травмы. Но главное, погибла любимая жена, а виновником смерти он считал себя, так как был за рулём. Я не мог себе представить, какими словами можно утешить человека в таком состоянии, и я обратился за помощью к о. Александру. Он с готовностью откликнулся и не раз в больнице беседовал с безутешным нашим знакомым, находя единственно нужные слова. Отец Александр был хорошим священником и на самом деле жил по

Божиим заповедям. Апостол Павел писал: «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью... Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы... Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12:10. 12. 15).

Вернёмся, однако, к началу моего повествования. Итак, я в 1997 году стал посещать богослужения в Спасском храме Подольского благочиния. Храмом эти руины можно было назвать с большой натяжкой: стены и крыша алтаря практически отсутствовали, от приделов св. Димитрия Солунского и св. Архистратига Михаила остались жалкие огрызки из кирпича, сам храм сильно пострадал, не было маковки с крестом, все окна были выбиты, отсутствовали пол и двери. Чудом сохранилась колокольня, под основание одной, полностью разрушенной стороны, была подведена железная опора. Храм отапливался «печкой-буржуйкой», вокруг которой в зимнее время концентрировался хор и прихожане. Дневной свет внутрь не проникал, т.к. проёмы окон были задрапированы ковролином. Но батюшка источал необыкновенный оптимизм, работал не покладая рук, за ним тянулись, ему помогали все мы, но главным помощником, опорой была и остаётся сейчас регент храма р. Б. Неонилла. Она не только занималась физической работой (разборка кирпичей, покраска, уборка), но и вела всю бухгалтерию, накрывала на стол и убирала, пекла просфоры, кормила огромное количество кошек и собак, но самое главное — составляла службы, пела на клиросе и дирижировала хором. С Божией помощью она успевала и по хозяйству у себя дома — у неё были самые вкусные в округе помидоры и огурцы, а об их урожае всегда ходили легенды. Особенно вкусными и хрустящими получались солёные огурчики. Я с радостью вписался в это движение по восстановлению храма. Первая задача была восстановить стены, причём весь старый кирпич был аккуратно собран и сложен, и он был полностью использован, т. е. это было настоящее воссоздание храма. Вторым этапом была работа по установке окон. Наш знакомый архитектор (о котором шла речь выше) разработал переплёты окон в соответствии со стилистикой и архитектурой храма, и нам их изготовили на специальной фабрике в Москве. Когда мы вставили окна, это был настоящий праздник, так как теперь солнечные лучи стали проникать внутрь — в храме и в наших душах стало светло и радостно. Но ещё до того, как мы вставили эти красивые окна, осенью 1997 г. мы с моей женой решили венчаться в церкви. Хотя наш (я уже считал его своим) храм был в

руинах, в оконных проёмах свистел ветер, а в центре топилась «печка-буржуйка», сомнений где венчаться у нас не было. Да и наш батюшка для нас стал настоящим духовным наставником — отцом. Поначалу наши свидетели удивились, почему не в Москве, а в загородном полуразрушенном храме, но потом, после общения с о. Александром и окунувшись в необычно радостную атмосферу внутри нашего прихода, вспоминали этот день 23 ноября 1997 г. с необычайной теплотой. В нашей памяти остался приглушённый свет, тихо горят венчальные свечи, свидетели долго держат венцы над нашими головами, мы слушаем проникновенную проповедь о. Александра, с клироса звучит его любимый знаменный распев, батюшка ещё не стар, здоров и полон творческих планов. Кажется, что это было вчера, а прошло уже 12 лет.

Учёба в Свято-Тихоновском университете. Надо отметить, что многие наши прихожане, в том числе и молодёжь, закончили или учатся в различных духовных высших учебных заведениях. В конце 90-х годов прошлого века о. Александр рассказал мне о богословском университете, который находился в Москве, и о том, что мне неплохо было бы там поучиться. К тому времени у меня было уже 2 высших образования (МИНХ им. Г. В. Плеханова и Академия Внешней торговли МВТ СССР), и поначалу я эту идею не воспринял, тем более, я не представлял себя в 40 лет сдающим вступительные экзамены. Однако, немного поразмыслив, я решил для себя, что лучше учиться, нежели сидеть по вечерам дома у телевизора или ходить по ресторанам. В университете всё было по-настоящему: никаких скидок на мой возраст и дипломы не было: вступительные экзамены я сдал на общих основаниях. Предварительно я собрал кучу необходимых документов, включая рекомендацию от настоятеля Спасского храма, моего духовного наставника. Чтобы не провалиться на экзаменах, я нашёл свою старую учительницу по русскому и литературе, которая готовила меня к поступлению в Академию Внешней торговли, и засел за учебники (мне предстояло написать письменную работу — изложение). Параллельно я штудировал «Закон Божий» по учебнику протоиерея С. Слободского. Времени свободного катастрофически не хватало, приходилось заниматься по выходным (после службы в храме) и по ночам. Не поступить в университет и подвести отца Александра я не мог, но Закон Божий давался мне с огромным трудом. К тому же у меня, как назло, в то время страшно болела голова, и длилось это больше года. Экзамены я сдал успешно

и осенью 2000 года был зачислен на 1 курс миссионерского факультета (заочного отделения Свято-Тихоновского богословского университета). Учиться мне предстояло 5 лет. Тогда я ещё не представлял себе, насколько это будет трудно. Достаточно сказать, что из 90 человек поступивших диплом через 5 лет получили лишь 25 человек. «Выживших» на курсе и окончивших его ректор университета о. Владимир (Воробьёв) на выпускном окрестил «православными спартакцами».

На первый взгляд всё было достаточно просто — в начале учебного года тебе предлагалось написать 15–17 достаточно больших контрольных работ по разным предметам, причём по каждому из них давалась методичка и обширный список литературы. Ставились определённые сроки сдачи работ (в среднем на написание давалось 25–30 дней), т.е. необходимо было систематически самостоятельно заниматься, причём работы были составлены таким образом, что списать её с одного источника, либо из интернета не представлялось возможным. Необходимо было «перелопатить» большое количество учебной литературы, в том числе, первоисточники. Заставить себя сесть за письменный стол (после окончания работы в 8–9 вечера было крайне трудно, несмотря даже на то, что как профессиональный спортсмен я обладал определённой волей и умением сконцентрироваться на выполнение определённой задачи. Как это обычно бывает, поступить было относительно легко, а вот переходить с курса на курс было крайне сложно. Поскольку в университете учились студенты со всей страны и они приезжали на сессию на короткий срок — экзамены шли через 2 дня на 3-й, график был жёсткий. Но главное было, чтобы тебе зачли все контрольные работы (за каждую ставилась оценка, которая учитывалась на экзамене) и допустили до сессии. В отличие от обычной системы образования, наша, православная, была безкомпромиссной: хочешь учиться — учись. Не хочешь — не отнимай время ни у себя, ни у преподавателей. Отец Александр всегда живо интересовался моими успехами и, по возможности, меня морально поддерживал. На удивление, я достаточно хорошо сдал самую трудную первую сессию, и, когда вышел с зачёткой после хорошо сданного последнего экзамена, я был самый счастливый человек на свете. Я гордился тем, что не подвёл своего духовного наставника и преодолел все трудности; моя семья и прихожане нашего храма радовались вместе со мной. В день завершения сессии я, как на крыльях, «полетел» за город в наш храм, и мы до поздней ночи с о. Александром обсуждали все перипетии моей учёбы. Воистину: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими».

О. Александр говорил мне (да и я сам это понимал), что для качественной проработки материала необходима концентрация внимания, может быть, даже уединение. И вот однажды весной 2001 года по рекомендации одного хорошего знакомого я поехал в Тульскую область в пансионат «Краинка», который известен своими целебными источниками. У меня впереди было 15 дней (шёл Великий пост), я набрал с собой целую сумку учебников, взял благословение, сел на машину и отправился в санаторий.

Пансионат «Краинка» находился на линии так называемых «засечных» городов — Одоев, Лихвин, Белёв, Козельск. Городок Лихвин уникален тем, что до революции в нём было два монастыря и более десятка церквей. Стоит он на высоком берегу реки Оки, а на противоположном низком берегу расположилось это удивительное место — «Краинка». Ещё при Государе-императоре Николае II там были обнаружены четыре уникальных источника с лечебной минеральной водой, по своим свойствам близкой к Кавказским минеральным водам. Как потом выяснилось, источники не просто так там появились, в этом месте была обнаружена положительная аномалия (если так можно выразиться).

Действительно, первое время я спал «как убитый», вокруг царилла какая-то умиротворённость и спокойствие. За две недели я отдохнул так, как не отдыхал никогда в жизни, хотя условия в этом пансионате довольно «спартанские». Но, самое главное, я проработал почти весь курс заданий по линии Свято-Тихоновского университета. День у меня начинался с небольших процедур, а затем я садился за письменный стол (я оборудовал его в своём номере) и до поздней ночи погружался в науку. Пятьдесят минут занятий, потом 10 минут физкультуры и так до позднего вечера. Занятия я также совмещал с небольшими прогулками.

С тех пор я каждую весну Великим постом выбирался в «Краинку» и там нагонял всё, что не успевал по учёбе в Москве. В хорошую погоду я обходил окрестности, чувствовалось, что это как бы святые места, ведь с «Краинкой» граничит территория древнего села Доброе, в котором сохранились большая церковь и рядом (в относительно хорошем состоянии) мужской монастырь, вернее, огромные крепостные стены, и Покровский храм на его центральной площади. Монастырь также расположен на высоком берегу Оки в очень живописном месте, а на его территории до сих пор растут многовековые липы и сосны. Слава Богу, сейчас началось постепенное восстановление этой древней обители.

Исторически Добринский монастырь был духовно, через братию и настоятелей, связан с Оптиной Пустынью, которая находится примерно в 40 километрах от этого места. В Оптиной Пустыни в это время подвизался наш прихожанин, тоже духовное чадо о. Александра, инок Тихон (сейчас он уже наместник Крестовоздвиженского монастыря в Калуге). Я с удовольствием вырывался из «Краинки» на 2–3 дня и переселялся в монастырь, который назывался Клыковская Пустынь. Он находится в 10 километрах от Оптиной, и в нём также ощущается влияние этого мощного монашеского центра. Например, старец Илий, духовник Патриарха Кирилла, очень любит восстанавливать свои силы в Клыково, где у него «своя» маленькая избушка, да и вся братия, в том числе и о. Тихон — духовные чада духоносного старца. Мне тоже удалось познакомиться с о. Илием и даже получить у него сугубое благословение. Расскажу подробнее об этом.

Находясь в Москве, я посещаю богослужения в Иоанно-Предтеченском женском монастыре, где настоятельницей игуменьи Афанасия (Грошева). И вот однажды, когда я уже учился на старшем курсе в Свято-Тихоновском университете, о. Александр в разговоре со мной затронул тему алтарничества. Я к этому относился благожелательно, и спустя какое-то время мой духовный наставник благословил меня помогать в алтаре, когда я нахожусь в Москве. С этой информацией я пришёл к матушке Афанасии. Она меня внимательно выслушала, сказала, что не против, но в то же время предупредила меня: «Алтарь — дело серьёзное, и благословения простого священника тут недостаточно, нужно благословение опытного старца». Я, немного смущённый, вернулся домой и стал думать, к кому же мне обратиться. На память пришёл архимандрит Феофан из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, который давал мне благословение на поступление в Свято-Тихоновский университет, отец Илий из Оптиной, отец Николай (Гурьянов), архимандрит Власий..., в общем, голова шла кругом.

К каждому из них под простое благословение попасть нелегко, а тут ещё предстоял и очень важный для меня разговор, с этими мыслями я и уснул. Ночью мне снится сон, что я как бы обретаю в Оптиной Пустыни чьи-то святые мощи, очищаю от земли каменную табличку, а на ней читаю надпись: Анатолий. «Какой, — думаю во сне, — старший или младший? Ведь их два старца в Оптиной...» Проснувшись поутру, я понял, что надо ехать в Оптину Пустынь.

пришёл к матушке Афанасии, рассказал про сон и про свои мысли, она их одобрила. В тот же день я позвонил о. Тихону и попросил оказать мне содействие во встрече с о. Илием. Мы понимали, что дело это не простое, и уповали на Божий промысел. Вечером того же дня я приехал в Клыковскую Пустынь, отец Тихон разместил меня в монастырской келье для паломников и обнадёжил, сказав, что о. Илий на месте и что ему самому необходимо с ним повидаться. Так что всё складывалось довольно удачно. Наутро мы были в Оптиной и после службы направились в келью к о. Илию. Я понимал, что поговорить мне вряд ли дадут, ведь вокруг старца всегда 5–6 человек с просьбами, разговорами, вопросами. Придя в братский корпус, мы сели на небольшой диванчик на первом этаже, стали ждать. О. Тихон сказал мне, что о. Илий скоро выйдет. Действительно, через некоторое время он спустился к нам, к счастью, в то время в этом небольшом помещении практически никого не было. О. Тихон коротко переговорил со старцем и попросил его уделить мне немного времени. Мы сели вдвоём на диванчик, и о. Илий, ласково посмотрев на меня, сказал: «Не смущайтесь, рассказывайте, зачем приехали». Я коротко рассказал о себе и попросил благословение на помощь в алтаре. Наша беседа длилась не более пяти минут, и в конце старец благословил меня, сказав, что дело это хорошее, и я с лёгким сердцем вернулся в Москву. Матушка подвела меня к старшему священнику собора. Это был удивительный священник старшей школы о. Сергей (Крашенников), который провёл со мной небольшую, но серьёзную беседу. Он сказал, что перед вводом меня в алтарь необходимо подготовиться соответствующим образом и исповедаться. И вот на осеннюю Иверскую 2004 года, на вечерней службе, после исповеди протоиерей Сергей, взяв меня за руку и накрыв её епитрахилью, ввёл меня в алтарь. Для меня была установлена своеобразная черда: понедельник — вечерняя служба, вторник — утреннее богослужение (в выходные дни я стараюсь не пропускать службы в Подольском благочинии). Уже, слава Богу, более 6 лет я алтарник в Иоанно-Предтеченском монастыре.

На память приходит ещё один эпизод, связанный с алтарём, но только уже в Спасском храме у о. Александра. После архиерейского освящения всех 3-х престолов нашего храма 23 октября 2005 г. митрополитом Ювением благочинный нашего района о. Олег предложил нашему алтарнику (сейчас это уже о. Сергей) перейти в его храм в Подольске. И вот на вечерней службе, через 2 недели после освящения, наш настоятель остался без помощника. Я к этому времени

уже имел определённый опыт в том деле и предложил свои услуги о. Александру. Таким образом, две последние службы — вечернюю в субботу и Божественную Литургию в воскресенье я провёл в алтаре, как бы прощаясь навеки со своим духовным отцом. Я считаю, что это была самая большая награда для меня за мои скромные усилия и помощь настоятелю в деле восстановления Спасского храма. Я этого никогда не забуду. После Литургии в алтаре я подошёл к о. Александру и попросил благословение на изготовление надгробия на могиле отца моей жены Елены. Отец Александр сказал мне, что у него давно уже отложены деньги для памятника его маме, и он попросил меня заодно передать в гранитную мастерскую небольшой эскиз, который он тут же при мне в алтаре и нарисовал. Передавая эскиз, он как бы сказал мне: «Ибо то, что о Мне, приходит к концу» (Ис. 53:12). И я с радостью согласился оказать помощь в этом святом деле; кто бы знал (кроме Бога), что через день о. Александра не станет. Он погиб по пути на службу престольного праздника своего храма св. вмч. Димитрия Солунского 8 ноября 2005 года. Вечная память о. Александру. А этот небольшой эскиз, нарисованный священником, мы, прихожане, воплотили в жизнь. Он теперь украшает могилу нашего настоятеля, которая находится рядом с делом его жизни — Спасским храмом села Никулино. Но главное всё же не стены храма, а люди, его верные духовные чада, которые помнят его и молятся за своего наставника. Мы верим, что он там, за гробом, нас не забывает. Так завершился мой суточный богослужебный круг в алтаре Спасской церкви.

Отпевало и провожало в последний путь о. Александра огромное количество священников из Подольского благочиния. Батюшка лежал в своём храме, и у его гроба непрестанно шли необходимые службы, читалось Евангелие. На похороны приехал из Екатеринбургской епархии о. Михаил Бородин, духовное чадо о. Александра. Он, в конечном итоге, и продолжил дело по восстановлению Казанского храма в с. Товарищево. Этот храм приписали о. Александру примерно за полтора года до его гибели, и там им уже велись восстановительные работы. Похороны всеми любимого и уважаемого священника возглавил архиепископ Можайский Григорий. Первый раз в жизни я ощутил какую-то торжественность на похоронах, не было на душе уныния и тоски, была лишь лёгкая грусть. Так бывает, когда ты провожаешь в дальнюю дорогу близкого человека. Проститься и проводить в последний путь приехал к отцу Александру и его давний товарищ о. Дмитрий Смирнов. Ведь, как оказалось, это именно он крестил

будущего настоятеля Спасского храма в Крестовоздвиженской церкви в с. Алтуфьево в далёких уже 70-х годах прошлого века. О. Димитрий и не предполагал, что его подопечный станет маститым протоиереем. Когда архиепископ Григорий по окончании службы предоставил ему сказать прощальное слово, о. Димитрий образно сформулировал именно то, что у каждого из нас, прихожан, было на сердце. Символично, что он поставил и наставил о. Александра на духовный подвиг, он же и подвёл итог его священнического служения.

Ещё одна нить связывает меня, о. Александра и о. Димитрия. Так получилось, что на своих заупокойных службах о. Александр поминал героев Белого движения генералов В. О. Каппеля, С. Л. Маркова, П. Н. Врангеля, адмирала А. В. Колчака. Это было в конце 90-х годов прошлого века. Где-то в то же время ко мне в офис пришли незнакомые мне люди и подарили книгу, которая называлась «Белый свет России». Какое-то время она лежала у меня на полке, всё не хватало времени её почитать, но однажды мой взор упал на неё, стало как-то неловко, что добрые люди подарили книгу, а я её даже не пролистал, и я взялся за чтение. Книга оказалась посвящённой Белому движению, и, в том числе, в ней была информация о генерале С. Л. Маркове и марковцах. Я заинтересовался колоритной фигурой Маркова, про которого раньше говорили только то, что он якобы отличался особой жестокостью и был даже карателем, но подробной информации о нём в то время нигде не было. Но ещё до чтения книги фотография этого офицера, его образ убедили меня совсем в другом. Мне показалось, что такой благородный человек, Георгиевский кавалер с аксельбантами Генерального Штаба, просто не может быть ни карателем, ни душегубом. Потом, когда я стал изучать биографию генерала Маркова, я только укрепился в первоначальном впечатлении. Как выяснилось впоследствии, Марков был одним из самых храбрых офицеров русской императорской армии, одним из самых молодых генералов, получившим генеральские погоны от Государя Императора, одним из самых талантливых преподавателей Академии Генерального Штаба. Так у меня зародилась мысль рассказать людям правду об этом герое.

По благословению о. Александра вышла в свет правдивая книга о белом генерале — «Марков и марковцы», а затем родился проект «Белые Воины» (включая одноимённое информационное агентство). В рамках проекта помимо работы о Маркове уже вышли книги «Каппель и каппелевцы» (2 издания), «Генерал Дитерикс», «Дроздовский и дроздовцы», «Граф Келлер», «Верная гвардия»,

«Генерал Кутепов», сейчас выходит в свет книга о генерале Скобелеве. О. Александр также благословил и установку первого памятника белому генералу, здесь нам большую поддержку оказал о. Димитрий, который в то время возглавил синодальный отдел РПЦ по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами. Он не только нас поддержал морально, но и как специалист (у него высшее архитектурное образование) дал много дельных советов по созданию и установке памятника. Он всегда курировал наш проект «Белые Воины», а в деле обретения останков генерала Каппеля в г. Харбине он принял непосредственное участие. Наша экспедиция в Китай продолжила дело, и он как бы заместил выбывшего к тому времени из наших рядов о. Александра. Я уверен, что без духовного руководства о. Димитрия наша экспедиция в Китай не увенчалась бы успехом. Проект «Белые Воины» тесно переплёл мою судьбу не только с героями Белого движения, но и с их небесными покровителями — св. Сергием Радонежским, св. Князем Владимиром, св. Феодором Стратилатом, Михаилом Архангелом, св. Александром Католическим, с уважаемыми пастырями нашей церкви о. Александром и о. Димитрием. В 2004 году проект «Белые Воины» получил личное благословение Святейшего Патриарха Алексия II, а по возвращении нашей удачной экспедиции из Харбина, меня лично представили нашему Патриарху, который одобрил и благословил наше дело по восстановлению исторической правды.

Расскажу ещё один эпизод. Как-то по окончании Божественной Литургии, во время проповеди, о. Александр рассказал нам об архимандрите Павле (Груздеве) и порекомендовал нам прочитать книгу об этом удивительном человеке. Купив и прочитав книгу, я был поражён искренностью, глубиной и духовностью этого простого человека. Мне казалось, что от книги, исходит доброта и тёплая энергия. Книга надолго осталась на моей прикроватной тумбочке.

Иногда, проснувшись ночью, я открывал её на любой странице и, читая, чувствовал какое-то успокоение, как бы сам о. Павел беседовал со мной. Сердце успокаивалось, мысли и чувства приходили в порядок, а вместе с тем приходил и спокойный, глубокий сон. Воистину, это был святой человек. И вот однажды мне пришлось посетить г. Читу, я привёз Владыке Евстафию киот с иконой св. равноапостольного Князя Владимира, небесного покровителя генерала Каппеля. Я хотел получить благословение Владыки на перезахоронение доблестного генерала в ограде Казанского Кафедрального

Собора. Владыка очень тепло встретил меня и после освящения киота с иконой пригласил меня посетить один из женских монастырей, который был основан им недалеко от Читы. Осматривая вместе с настоятельницей монастырь, мы зашли в реставрационную мастерскую, где инокини монастыря восстанавливали старые иконы. Вдруг мой взгляд упал на прекрасную икону Спаса Нерукотворного северного письма, которая была в относительно благополучном состоянии. Икона источала какой-то удивительный неземной свет. Я, обращаясь к Владыке, воскликнул: «Какая прекрасная икона. Я в Подольском благочинии являюсь прихожанином храма, который назван в честь этой иконы». На это мне Владыка спокойно отвечает: «Это икона о. Павла Груздева, он перед смертью благословил меня этой иконой и подарил мне её». Я был поражён: где Читинско-Забайкальская епархия, а где Ярославская? Как эта реликвия могла попасть за Байкал? Позже Владыка рассказал, что он являлся духовным чадом о. Павла и, будучи наместником Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря в Ростове Великом, каждое воскресенье посещал о. Павла, а последние месяцы перед смертью неотступно находился у кровати архимандрита, ухаживая за ним. Фактически, Владыка и проводил его в последний путь. Много интересного рассказал мне Владыка Евстафий об о. Павле. Внимательно пролистав иллюстрации книги, я почти на каждой увидел наместника Спасо-Яковлевского монастыря архимандрита Евстафия. Так, через о. Александра Шумаева, через проект «Белые Воины», Господь свёл меня с Владыкой Евстафием, а через него опосредованно с архимандритом Павлом Груздевым. Удивительно, что на фотографиях рядом с о. Павлом я увидел знакомых мне священников, которые часто посещали Троицкий храм села Верхне-Никулинское. Это протоиереи о. Владимир Воробьёв, о. Димитрий Смирнов. В книге остались их воспоминания об этом удивительном человеке.

Дело протоиерея Александра продолжает его ученик о. Михаил Бородин, который восстанавливает Казанский храм в с. Товарищево Подольского благочиния. В Спасский храм, который за две недели до смерти о. Александра освятил митрополит Ювеналий, назначен настоятелем о. Алексей Поздникин. Хотя часть духовных чад о. Александра посещает службы в Казанской церкви, а часть осталась в с. Никулино (Спасский храм), мы все считаем себя одной дружной семьёй. Все престольные праздники проводим вместе, посещая друг друга и молясь за всех и за вся. Слава Богу за всё, а отцу Александру вечная память.

Воспоминания Людмилы Петуховой об о. Александре (Шумаеве)

Знакомство

Мои поиски «духовности» начались в начале 90-х. И, как водится у интеллигенции, с Рерихов, Блавацкой, какой-то йоги — в общем, с эзотерики. Соответственно, начался поиск Учителя.

Через сложные жизненные ситуации и проблемы Господь решил помочь заблудшей овце. У меня появились мысли об исповеди. Я стала просить подругу съездить в сельский храм (почему-то мне казалось, что именно в сельском храме я найду Учителя). Но она посоветовала пойти в Подольский Троицкий собор, в котором появились новые священники.

Списав 4 страницы грехов из книги об исповеди, я решилась на «глобальную» исповедь.

Был праздник Петра и Павла, 12 июля 1996 года. Храм битком набит бабушками и единичными молодыми людьми. И все плотным полуколыцом окружили священника. Бабушки, естественно, напирали, оттискивая неопытных.

И вдруг священник начал громко давать ответы на те вопросы, которые не были интимными. Вся наша толпа затихла. Бабушки вдруг стали мирно пропускать тех, кто помоложе. Внезапно меня просто озарило: вот тот человек, которого я так долго искала! Это был о. Александр.

Естественно, что когда подошла моя очередь исповеди, у священника уже не было времени слушать все мои 4 листа. Но самое главное — начало поворота в моей жизни — произошло!

Тот вопрос, который меня очень мучил, об абортах, с которыми по роду службы я была связана (работала в женской консультации акушером-гинекологом), был решён. Батюшка твёрдо сказал, чтобы я шла к заведующей и категорически отказалась давать направления на аборт. «А если мне откажут?» — «Скажи, что ты уволишься!»

Кое-какие вопросы мы ещё успели обсудить, но батюшка сказал, что для более подробной исповеди лучше прийти ещё раз, когда будет поменьше народа. Я выпалила, что слишком долго его искала и теперь от него не отстану. Обняв меня и рассмеявшись, он сообщил, что ему дали назначение в разрушенный Спасский храм с. Никулино.

«Отлично! — сказала я. — Мне и хотелось найти священника из сельского храма!»

Если сказать, что я практически летала от счастья, то всё равно не описать того моего состояния. Может быть, так чувствует себя человек в Раю?

Приехав на работу, я твёрдо заявила заведующей, что больше не буду давать направления на аборт. А на возражения я ответила словами о. Александра: «Тогда я уволюсь!» И, что вы думаете, сработало! С этого дня больше ни одной женщине не дала направления на аборт. Естественно, ещё более усилила разъяснения о сути этой операции. Вот так первая встреча с о. Александром повернула мою жизнь на 180 градусов.

Первая встреча в Никулино

Надо было знать о. Александра, чтобы поверить в наличие объявления или расписания на разрушенном храме! Развалины храма мы нашли быстро, войдя в него через разрушенный алтарь, а вот о. Александра мы искали долго.

Но кто ищет, тот всегда найдёт! И 7 ноября 1996 года, когда вся страна выпивала и закусывала по поводу революции 1917 года, мы, наконец, нашли о. Александра в Никулино! Состоялось знакомство с ним моего мужа и дочери. И наше знакомство с верной помощницей батюшки Неониллой.

Какими же неразумными детьми мы вошли в Никулино! Даже не знали, как обращаться к священнику. И тогда я прямо задала батюшке вопрос об этом. О. Александр, как всегда, рассмеялся и сообщил, что официально он называется иерей Александр или отец Александр, а близкие зовут батюшкой. На вопрос, как же нам его называть, он ответил просто — батюшкой.

Как же здорово было тогда таскать кирпичи и расчищать завалы, а потом есть гречневую кашу! Батюшка был прекрасный рассказчик. Мы, раскрыв рот, слушали то, по чему давно так истосковались наши души. Всё было легко и просто. А Неонилла всё время улыбалась. «Никаких проблем!» — было любимой батюшкиной фразой.

Все истории, которые он рассказывал, были поучительными и раскрывали ту настоящую простоту христианства, которая легко впитывалась нами.

Он рассказал интересную притчу о Православном. У одного хозяина был православный работник. Хозяин насмехался над ним и предупреждал, что не потерпит в своём доме проповеди христианства. Но тот работник был кроток и любил всех. На любые оскорбления просто улыбался. Смирненно выполнял любую работу и никогда не проповедовал. И через 3 года хозяин подошёл к работнику и произнёс: «Научи меня быть христианином!» Батюшка пояснил эту притчу так, что православный человек делами показывает свою истинность и красоту нашей веры.

А мне, как «любительнице йоги», говорил, что в Православии есть всё, необходимое для здоровья. Посты (а не строгое вегетарианство, которое я тогда практиковала) — это очищение организма, поклоны — физические упражнения, а молитва — не сравнится ни с какой медитацией.

Мы стали приходить в разрушенный храм чаще. Так же таскали старые битые кирпичи, разгребали завалы. А потом под кусочком уцелевшей крыши в притворе были трапеза и беседы с батюшкой.

Иногда он рассказывал с юмором про свою ту, прошлую, жизнь, которая была до священства. Вспоминал посещение о. Александра Меня, который предрёк ему будущее священство (в тот момент батюшка посчитал это шуткой).

Был рассказ про одного человека в зарубежье, который «нечаянно» зашёл в православный храм, потом ещё и ещё. Через какое-то время он полюбил туда ходить и крестился. И вот друзья спрашивали его, что, может, жизнь изменилась после этого или проблем и печалей стало меньше? Но тот человек отвечал, что ни проблем, ни печалей не уменьшилось, мир тот же, но отношение ко всему изменилось.

Так же происходило и с нами.

Руки у батюшки были «мастеровые». И с топором, и с пилой, и с молотком он обращался лихо. Хорошо знал азы строительства.

Как-то мы увидели странную деревянную конструкцию в разрушенном притворе и спросили, что это. Батюшка ответил, что

мастерит кружала для свода притвора. Последовало его любимое «никаких проблем», описал, что он собирается делать. И всё это практически один.

Он не сидел без дела, не ждал «доброго дядю», а всё начинал делать сам. И, видя это, люди начинали постепенно к нему тянуться.

Я говорила ему тогда, что это лучшее время нашей жизни, но мудрый батюшка отвечал, что лучшее время будет тогда, когда начнём служить в храме. И он очень спешил начать служить в этом храме.

Как могли, залатали дыры, отделили самодельной дверью разрушенный притвор, заделали окна полиэтиленом, и 19 декабря 1996 года состоялась первая Литургия.

Мы тогда думали, что совсем не обязательно часто ходить на службы, главное — «верить в душе». Но батюшка это быстро пресёк, сказав, что если христианин раньше не посещал 4 Литургии, то на него накладывали строжайшую епитимию.

Пришлось начать посещать длинные, непонятные Литургии. Ноги и спина отваливались, мысли уносились в тёплый дом. А службы, казалось, были безконечными. Мы мёрзли в холодном храме (на улице был мороз). А батюшка был на службе без верхней одежды и совершенно не мёрз. Глаза его излучали доброту и свет. Мне кажется, что он горел изнутри каким-то огнём. И это начинало передаваться всем присутствовавшим.

Потом в храме появился обогреватель на бензине. Теплее не стало, да и не прожил он долго. А через некоторое время объявилась «печь-буржуйка» с огромной трубой. Около неё было значительно теплее.

Батюшка говорил, чтобы мы обязательно знали службу, и тогда будем понимать и любить её. Все, кто был в храме (3–5 человек), были и так называемым хором. А регентом с самого начала была Неонилла.

После службы была долгожданная трапеза, которой батюшка придавал огромное значение. Все дружно готовили незатейливую еду из того, что сами же и принесли. И начиналась трапеза. Первое время в разрушенном притворе, а потом в построенном рядом уютном деревянном домике. Батюшка был потрясающим рассказчиком. Столько мудрости и простых истин мы тогда слышали! Совсем уже не хотелось идти домой. Мы чувствовали, что этот разрушенный храм в с. Никулино и есть наш дом.

Мы приезжали в Никулино на машине. Но дорога кончалась ещё задолго до храма. Поэтому в непогоду машина увязала в грязи. Мы бежали за батюшкой. И тот с неизменной улыбкой садился в свой издавший виды «Уазик» и на тросе вытягивал нас.

Как-то раз мы с друзьями куда-то торопились и не хотели остаться на трапезу. А он так печально произнёс: «Я не понимаю, куда вы спешите?» Мы приводили какие-то важные доводы. Но он всё равно был печален. И что же? Моя машина просто не завелась! Она замёрзла так, что не работало ничего. Друзья потащили меня в обледенелой машине в автосервис. Весь день до позднего вечера мы мучились с этой машиной и всё время вспоминали отца Александра. И зачем мы на самом деле спешили? Лучше бы с ним посидели.

Вся наша семья очень любила батюшку. В то время у мужа случились серьёзные проблемы на работе. К кому бежать за помощью, советом и молитвой? К батюшке. Мы садились в машину и мчались к нему домой. Он всегда принимал нас очень тепло, как своих любимых детей. Всегда обнимал, успокаивал. Матушка начинала готовить чай.

Господи, как же хорошо нам было! Все печали отступали, и по молитвам батюшки решались проблемы. Да и поговорка у него любимая была: «Никаких проблем».

Дом он строил сам, и там было необыкновенно уютно и тепло. Много старинных икон, старинная люстра над старым столом, много книг, фотографий, всегда много кошек, которые ласкались, старый пудель Артемон. Мы приезжали достаточно часто и всегда говорили, что на полчаса. Но время за разговорами летело так незаметно, и ... уже час ночи.

А как-то я сказала, что до сих пор не чувствую себя взрослой, и спросила у батюшки: «Когда люди взрослеют?» Он хитро улыбнулся, обратившись к матушке: «Матушка, когда люди взрослеют?» «Не знаю, — ответила матушка, — я до сих пор чувствую себя девочкой». И все дружно засмеялись.

О. Александр любил книги, он любил поэзию и часто хорошо читал наизусть стихи.

Он разбирался в вопросах строительства. Он благословил нас купить недостроенный дом, в котором прорабом стала я, правда, до этого настоящие дома видела только на картинках. Так что батюшка был главным дизайнером, архитектором, конструктором. Он регулярно приезжал на нашу стройку, контролировал ход работ, давал очень ценные советы. Если бы не батюшка, его постоянная помощь, то, пожалуй, и не было бы у нас никакого дома. А потом он его освящал.

Никулинский приход постепенно увеличивался. Мы старались даже дни рождения отмечать там. Как трогательно звучали поздравления в стенах храма после службы и волшебное «Многая лета»! На 40-летие моему мужу батюшка подарил старинную икону.

до сих пор у нас бережно хранится фотокарточка: голые кирпичи полуразрушенного храма и улыбающийся отец Александр, мой сияющий муж с иконой в руках.

А какие венчания были в этом ещё не восстановленном храме! Душа просто ликовала!

А батюшкины проповеди!

Часто приезжали с телевидения, и батюшка говорил что-нибудь поучительное для программы «Задушевное слово». Он был прекрасный оратор, говорил неторопливо и очень «задушевно». Неоднократно снимали сюжеты для передачи «Русский дом». А после съёмок, естественно, были трапеза и продолжение беседы уже без телекамеры.

Когда наши прихожане в очередной раз отпрашивались в какую-нибудь паломническую поездку, он всегда недоумевал: «Зачем? Посмотрите, как у нас хорошо». А потом — любимая фраза: «Где воткнул, там и прорасти».

Он сам очень любил ездить на святой источник прп. Сергия Радонежского в Гремячий Ключ. Незабываемая поездка на машинах туда была в 1997 году. Сначала мы заехали в Троице-Сергиеву лавру, приложились к мощам прп. Сергия, а потом поехали дальше на его источник. Ну, насчёт «поехали» — это громко сказано. Мы доехали до большого оврага, и машины пришлось бросить. Грязь, по тому, что называлось дорогой, проехать было нельзя. Мы закатали кто юбки, кто брюки, разулись и пошли пешком. Прошли овраг, поле, и вдруг нас догоняет на своём, как мы называли «Уазик», «броневике» батюшка и весело кричит: «Садитесь!» Как он там проехал? Одному Богу известно.

Все искупались в источнике, отслужили акафист прп. Сергию в часовне, потом, усталые, но счастливые, добрались до своих машин, устроили настоящий пир прямо на поле. Естественно, батюшка опять нам много интересного рассказывал, вспоминал о. Димитрия Смирнова, который его крестил и венчал. Они с матушкой длительное время были прихожанами его храма, а потом наш батюшка помогал ему строить дом как раз здесь, рядом с источником.

Дорогой наш батюшка! Как нам не хватает Вас сейчас! Память о Вас живёт в наших сердцах.

Воспоминания о батюшке Татьяны Садовниковой

Где начало моего пути к Богу? Может быть, в далёком детстве, когда на всё лето мы уезжали в деревню под Клином, где даже названия деревень — Никольское, Поповка, Троицкое — говорили о любви к Богу, что люди были верующие. В магазин мы бегали в Троицкое, где посреди села стоял большой храм обезглавленный, а на крыше росли деревья. Оказывается, батюшка со своей мамой ездил по грибы в эти края и тоже бывал у этой церкви.

И в доме мы жили необычном, почерневшем от времени, это мезонин от дома художника Шишкина (после его смерти брат распродал дом по частям). В комнате, в которой я спала, висели портреты хозяев в рамах, в кадках стояли большущие фикусы, а в Красном углу висели иконы, иногда зажигали лампаду, и я смотрела на лики Спасителя, Божией Матери, не понимая, Кто Они и почему Они здесь.

Или, может быть, с того дня, когда я однажды ехала в деревню в переполненном автобусе. Это было начало весны, в ложбинах ещё лежали остатки снега, а на пригорках желтели цветы мать-и-мачехи. Радостно порхали какие-то птицы. Ярко светило солнце, всё просыпалось от зимней спячки. У всех было радостное настроение, я смотрела в окно автобуса и думала: «Какой сегодня чудесный день!» Передо мной сидела женщина с девочкой лет тринадцати. Девочка повернулась к маме и как-то тепло и радостно сказала: «Какой чудесный день подарил нам Боженька! А ведь никто этого не знает, просто радуются хорошей погоде!» Сказав это, она положила голову маме на плечо, и весь оставшийся путь они ехали молча. Про себя я подумала: «Какие они счастливые, что верят в это, а у меня такой веры нет».

Позже, учась в институте, я работала на севере в экспедиции, и как-то раз меня уговорили погадать по руке (это был единственный раз в моей жизни). И мне предсказали, что личная жизнь у меня сложится не очень хорошо, но через много лет я встречу человека, который полностью изменит мою жизнь. После окончания института я вышла замуж, отношения с мужем действительно не сложились, у меня росли двое детей, которых я очень любила. Несчастной я себя не ощущала, мне всегда везло с людьми. Я часто думала: кто и как может изменить мою жизнь? Я даже не могла предположить, что этот человек — священник Александр Шумаев, что он крестит меня, моих детей и станет нашим духовным отцом.

Я узнала о батюшке от моей дочери задолго до моего с ним знакомства. Настя дружила с девочкой из класса, Сашей, а её родители были одни из первых, кто начал помогать о. Александру восстанавливать храм в Никулино. Настя встретила с батюшкой в доме у Саши, он приходил в школу, беседовал с ребятами. Бывая в доме у Саши, общаясь с её родителями и батюшкой, Настя решила креститься. Собралась креститься и я. Приехали в храм, погода стояла пасмурная, промозглая. Я очень нервничала, т.к. раньше не общалась со священниками. Я думала: «О чём я буду говорить?» У меня даже сердце заболело, как будто какая-то заноза поселилась внутри меня.

И вдруг, открыв калитку и войдя на территорию храма, я ощутила удивительное спокойствие и тепло. Мы проходим к дому, нам открывает дверь батюшка — высокий, статный, пышные седые волосы струятся по плечам, красивая окладистая борода и светящиеся добрым светом глаза. Он посторонился, приглашая нас в дом: «Проходите, проходите, я вас давно жду». Скованность моя удивительно быстро прошла, и разговаривать мне с ним было легко. Оказалось, что наши жизненные пути часто пересекались. В один и тот же год мы работали на Нижней Тунгуске; я работала в Средней Азии, и батюшка тоже. В Подмосковье мы каждый год летом жили в деревне под Клином. Оказалось, что и о. Александр с мамой ездил в те же места по грибы. Мне было очень радостно от этой встречи.

Потом было Настино крещение. Я помню, как она стояла в крестильной рубашке со свечой и вся трепетала, и мне казалось, что я, стоявшая рядом, некрещеная, не достойна видеть этого чуда. Батюшка мне сказал: «Теперь очередь за вами».

Приехали домой. Всю неделю я вспоминала эту удивительную встречу. Настя с Сашей по воскресеньям стали ездить на службу в Никулино, а я оставалась дома. Вдруг мне позвонила Настина крёстная

Людмила Петухова и спрашивает: «Ты куда пропала? Батюшка велел, чтобы ты приехала для разговора». Еду в Никулино. Холодно, пасмурно, думаю: о чём батюшка будет со мной говорить?...

В доме тепло, Неонила готовит обед, попросила подождать батюшку, посмотреть книги. Время идёт, а батюшки всё нет. Приехали какие-то рабочие насчёт работы, но решили не ждать, а поехать к батюшке в Десну. Мы с Неониллой решили доехать с ними до шоссе (они были на машине). Едем, и вдруг нам навстречу едет 48-ой автобус: «А вдруг в нём батюшка?» Мы разворачиваемся и едем за автобусом. Автобус весь грязный, заднее стекло забрызгано, и вдруг Неонила говорит: «Кажется, батюшка!» И правда, батюшка! Он нас тоже заметил. «Как ты его заметила?» — спрашиваю у Неониллы. «Мне Господь помог его увидеть», — отвечает она.

У поворота на Спортбазу батюшка сошёл с автобуса, мы к нему подъехали, Неонила переговорила с батюшкой о делах и уехала в Подольск. Я осталась сидеть в машине. Батюшка сел на переднее сиденье.

Мне показалось, что он меня не увидел. Но он слегка повернул голову в мою сторону и, как мне показалось, строго спросил: «А вы, мадам, как здесь очутились?» — «Вы просили, чтобы я приехала для разговора...» И вот опять я в батюшкином доме. Сидим за столом, горит свеча, пьём чай, приготовленный о. Александром, и всё очень радостно. Говорим о многом, мне запомнились его слова: «Совершая обряд крещения, вы только чуть-чуть приоткрываете дверь на путь к вере, к Богу, и пойдёте ли вы по этому пути или тут же закроете дверь и будете жить прежней жизнью — решать вам самой, но путь этот, если пойдёте по нему, будет трудным, но светлым». Батюшка меня спросил: «Когда вы придёте креститься?» Я говорю ему: «Я ещё не созрела». Батюшка: «Ну, и как же вы, голубушка, будете созревать? Сидя на диване или ещё как?» Через неделю к вечеру я приехала на крещение. В храме монтировали нижний ряд иконостаса, поэтому батюшка крестил меня в доме. Была жарко натоплена печь, стол был накрыт красивой скатертью, на столе приготовлено всё необходимое для крещения. Саша принёс из колодца воду. Началась служба, и потом батюшка облил меня ледяной водой, не давая даже передохнуть. Надел рубашку, крестик. Потом была трапеза, было очень радостно. И это чувство какой-то неземной радости было со мной почти месяц. Наверное, такую радость испытывают младенцы. Мне даже мой буровик говорил: «Что с тобой происходит? Ты вся светишься от радости?»

Я была очень счастлива, что наконец-то встретила этого замечательного человека, моего духовного отца протоиерея Александра Шумаева, с которым я была рядом шесть лет. 5 ноября 1999 года я крестилась, 8 ноября я первый раз была на службе и причастилась. А ровно через 6 лет 8 ноября 2005 г. на престольный праздник батюшка трагически погиб.

А 8 ноября 1999 года на престольном празднике было человек двадцать. Приехал Александр Болотников, привёз икону Димитрия Солунского, найденную им на помойке — выносил мусор, увидел в контейнере уголок рамки. Подумал, что картину из рамки выбросит, а рамка хорошая, для чего-нибудь пригодится. Вытащил — оказалось, что это икона Димитрия Солунского.

С тех пор мы с Настей стали прихожанами Спасского храма. Первое время мы приезжали на службу только по воскресеньям, потом стали приезжать чаще. Моя дочь готовилась поступать в МГУ, много занималась, но на неделе обязательно бывала у батюшки и приезжала от него радостная, полная сил. Прихожане нашего храма попросили меня читать за батюшку акафист. Молитвы наизусть я ни одной не знала, они мне, правда, объяснили, что если вдруг что-нибудь произойдёт — крестись. Я стала каждый день читать акафист. Однажды во время чтения я вдруг слышу грозный мужской голос: «Не смей за него молиться, он не достоин, чтобы ты за него молилась, выброси все иконы и книги из дома». Это было сказано мне два раза. Я сильно испугалась, хотела перекреститься, а рука правая не поднимается, как будто гирию тяжёлую подвесили. Взяла левой рукой правую, с усилием перекрестилась, и сразу голос исчез.

В субботу вечером я поехала на вечернюю службу, рассказала о случившемся батюшке. Он меня благословил читать, но посоветовал ещё съездить за благословением в монастырь.

В воскресенье я поехала в монастырь. Подошла на исповедь к духовнику монастыря о. Никону, всё ему рассказала. Он благословил читать дальше, но с оговоркой, если будет тяжело, то подавать записки. И ещё он мне сказал: «Будьте осторожны при переходе через дорогу, не ходите под крышами домов и, вообще, будьте предельно внимательны». После службы все молящиеся подходили к кресту и брали у священника благословение на молитву о ближних, с крестом стоял молодой иеромонах. Высокий, тёмные волосы, орлиный нос, глаза полузакрыты, он крестил каждого просящего благословение. Я подхожу и говорю: «Благословите, отче, читать за священника».

Он вдруг встрепенулся, открыл глаза и каким-то гортанным голосом три раза произнёс: «Благословляю, благословляю, благословляю!»

И вот, я продолжаю читать акафист, с благословением намного легче. Я радовалась, что больше не слышу голосов, которые меня старались запугать. Батюшка мне говорил: «Не обольщайтесь, враг хитёр, он пойдёт на разные уловки, чтобы вы не молились».

И вот два раза я чуть не погибла. Забыв предостережения о. Никона не ходить под крышами домов, я шла зимой по дорожке вдоль дома, и передо мной, буквально в каких-то миллиметрах, падает огромная глыба льда. Слава Богу, она меня не задела! Второй случай произошёл со мной весной. Погода стояла солнечная, тёплая, на пригорках появилась зелёная травка, зацвели сады. И вот, в один из таких дней со мной произошёл, как в то время мне казалось, странный случай. Я работала геологом на буровой установке, на объектах будущего строительства брали грунт. Утро выдалось солнечное, тёплое, я шла пешком на работу в институт, а удивительным было то, что во мне, как будто журчит ручеёк, кто-то непрерывно читал Иисусову молитву. Я разговаривала со своими сослуживцами, получала очередное задание на работу, а кто-то, не переставая, читал во мне молитву. Приезжаем мы на объект — цветущий заброшенный сад; пока буровики готовили машину к работе, я облюбовала себе бугорок поодаль от буровой и, присев на него, люблюсь красотой вокруг меня. (Чтобы объяснить, что произошло, расскажу о буровой установке. Это ударный снаряд длиной 8 метров, весом около 500 кг, подвешенный на тросу на мачте высотой 8 метров. Снаряд опускается и поднимается с помощью троса и лебёдки). И вдруг слышу ребята кричат: «Беги!» Я не поняла, что случилось, а происходило всё очень быстро, повернулась в сторону буровой и увидела, что лебёдка не сработала (за много лет моей работы это случилось впервые), и снаряд — 8-метровая тяжеленная колонна — летит прямо на меня. А голос всё это время читает Иисусову молитву, и на словах «Помилуй мя, грешную» снаряд зависает в метре над моей головой. Ребята потом мне говорили: «Снаряд летел прямо на тебя». С Божьей помощью я осталась жива.

И ещё один случай. У меня перед квартирой на лестнице жила маленькая собачонка Зося. Ребята принесли её с улицы, была зима холодно, и она прижилась у нас. Я ходила с ней гулять, кормила, она всегда нам радовалась. И вдруг как-то раз прихожу домой, поднимаюсь по лестнице, Зося, увидев меня, сначала радостно помахала мне обрубком своего хвоста, а потом вся ошетижилась, и пока я доставала

ключ от квартиры, злобно лаяла, на кого-то набрасывалась, как будто кто-то стоял у меня за спиной. Такой я её раньше не видела, мне стало страшно, я лихорадочно открыла дверь, зашла в квартиру и быстро захлопнула за собой дверь, а Зося продолжала злобно лаять на кого-то невидимого.

В очередную поездку в монастырь я рассказала об этом случае о. Никону, на что он мне ответил: «Обязательно крестите дверь перед тем, как входите в дом, если бы вы видели, что нас окружает — вы бы ужаснулись. Не зря Господь закрыл нам на это глаза». Отец Александр говорил: «Страх и уныние — это от лукавого, сразу же читайте «Отче наш» и креститесь; он этого боится».

Вспоминается первый год, когда мы начали ходить в храм. Батюшка нас ставил на клирос, чтобы мы учились читать и петь. Он объяснял нам смысл прочитанных псалмов, говорил: «Вы только представьте, царь Давид написал всё это более 2000 лет назад, а здесь всё про нас, как будто это было написано вчера». Батюшка доносил до нас смысл только что прочитанного Евангелия, говорил: «Ведь это было написано для нас; если бы люди читали и понимали бы это, то не было бы вокруг столько зла».

Я помню батюшкины службы, его удивительные проповеди. По прошествии первого года я задавала себе вопрос: вот прошёл год, прочитано много книг, прошёл весь круг служб, а что дальше? И вдруг ответ на мой вопрос — вся проповедь: «Некоторые учёные, в чернилах мочёные, всё узнали за год, прочитали много умных книг, а теперь задают себе вопрос, для чего это и как жить дальше? Господь во всех своих притчах говорит о любви друг к другу. Любите друг друга!» Батюшкины слова: «Уповайте только на Господа, прощайте гонящих и обидающих вас, терпите болезни и скорби, до конца несите свой крест, и во всём должна быть любовь, без неё мы г...но, и жизнь наша не имеет смысла».

Общение с о. Александром было интересным, он был удивительным рассказчиком, очень много читал, знал наизусть много стихов. Старался нам, прихожанам, привить интерес и любовь к чтению. Делал он это ненавязчиво, стараясь нас не обидеть. Начинал он так: «Вы, конечно, читали Газданова; я сегодня полночи перечитывал его рассказы, как же хорошо он пишет!» Я молча рассуждала: «Про этого писателя я и не слышала, но хотелось его почитать». А наши девочки целую неделю бегали по Москве, чтобы найти и подарить батюшке трёхтомник этого писателя, чему он радовался, как ребёнок.

Одна отличительная черта отца Александра — он ко всем, даже к детям, уважительно обращался «на вы».

Что притягивало к нему людей? Иногда он кого-нибудь просто подвозил по пути, и человек после 10–15 минут общения приезжал к батюшке, а с ним — его родные и близкие.

Это было чувство любви, сопереживания каждому человеку, его готовность каждому придти на помощь. Двери его дома были открыты для всех в любое время суток; для него не существовали такие понятия, как поздно, рано, устал, не вовремя. Люди ехали к нему со своими проблемами и бедами отовсюду, и все уходило от него утешенными. Я помню, как он приходил из храма после очередной беседы, говорил: «Можно я немного прилягу?» Только батюшка соберётся отдохнуть — опять кто-то приехал. Я выхожу, встречаю, прошу немного подождать, но он уже слышит голоса и спрашивает: «Что, кто-то приехал?» Облачается и ведёт людей в храм. Помню, приехала батюшка и рассказывает, улыбаясь: «Приезжала одна баба, плакала — проблемы у неё с мужем, просила помолиться за него. Я молюсь, а она пропала совсем и не показывается. А сейчас еду в автобусе, она меня окликает, радостная, вся разодетая, разукрашенная, улыбается. «Батюшка, у меня всё в порядке, спасибо за молитву!» «Не меня — Бога надо благодарить, хоть бы приехала молебен благодарственный отслужила». «Да всё некогда, спасибо вам». Батюшка улыбается, говорит: «Некогда! Опять что-нибудь случится, прибежит — помолитесь! А Бога поблагодарить ей некогда!»

Батюшка приучал нас, что если у нас всё, что задумали, удалось, обязательно не забудьте поблагодарить Бога. В нашем храме часто служились благодарственные молебны.

Дочка моя поступала в МГУ на мехмат, участвовала в математической олимпиаде, батюшка за неё очень переживал, перед каждым экзаменом мы с ней приезжали на молебен. И она поступила по его молитвам в МГУ на мехмат.

Батюшка обладал особым даром располагать к себе людей. Ему как-то предложили поехать на камнеобрабатывающий завод, посмотреть камень для пола в храме. Приехал он озадаченный: «Камень красивый, но это же стоит огромных денег, где их взять?» Через два дня мы договорились приехать на благодарственный молебен. Подходим к храму, вдруг видим: стоит машина с большущим прицепом. Такого, наверное, не бывает. Только по молитвам о. Александра нам без всякой оплаты привезли 16 огромных ящиков облицованного камня на храм. Нас было всего 5 человек, и мы дружно разгрузили все ящики.

Наш храм в Никулино небольшой, очень уютный. Батюшка называл его исповедальный, он даже шутил: «Если кто пришёл в первый раз — всё: сразу надо исповедоваться».

Люди шли со своими проблемами, со своим горем. Иногда людям казалось, что проблема не решается. Батюшка мог как-то особенно мягко положить руку на плечо, склонить по-отечески голову и дать тот совет, который именно нужен был человеку сейчас. И слёзы отчаяния сменялись слезами радости.

Когда я исповедовалась по-настоящему, батюшка плакал вместе со мной, а потом обнимал и говорил: «Как же хорошо!» Я выходила после исповеди с чувством радости и лёгкости. Как-то раз он мне сказал: «Я после вашей исповеди три ночи не спал». Я говорю: «Батюшка, я больше так не буду, чтобы вы из-за меня не спали». А батюшка: «Если священник не сопереживает с тем, кого исповедует — грош цена такой исповеди».

Идёт исповедь в храме, мы в домике готовим ужин, ждём батюшку. И вот он заходит в дом, о чём-то шутит, но глаза усталые — сегодня много исповедников. Снимает подрясник, отдаёт мне — он мокрый, хоть отжимай. «Татьяна, высушите к завтрашней службе, исповедовалось много народу, а настоящих исповедей только две, но каких!»

Батюшка уезжает домой в Десну, а мы срочно стираем подрясник, высушиваем на улице на ветру, потом вешаем в доме над обогревателем, а утром чуть свет досушиваем утюгом.

Столько проблем, горя пропустил через себя этот человек, и ни один не ушёл от него не утешенный.

Храм восстанавливался тяжело. Даже оплатить электричество было для нас проблемой. Один Московский завод помогал нам бытовыми пластмассовыми изделиями (тазы, вёдра и т. д.). Мы отбирали, что получше, батюшка подвозил к моей работе, и за каких-нибудь 1,5 часа всё раскупалось нашими сотрудниками. Денег было не много, но хватало на оплату электричества. Батюшка очень радовался — хоть одна проблема на короткое время была решена.

Электропроводку в нашем домике делал один молодой человек бесплатно, ну, а всё, что нужно: провода, светильники, выключатели — покупал батюшка. Приехал этот молодой человек, подсчитал сколько нужно для этого денег. Батюшка отдал ему всё, что у него было. Когда тот уехал, сел за стол и говорит: «Ну, вот, отдал всё, не на что даже машину заправить. Ну, ничего, Господь нас не оставит».

Встал перед иконами, помолился. Смотрим в окно — подъезжает машина, из неё выходит мужчина и быстрой походкой идёт к дому. Батюшка встретил его радостно, они о чём-то недолго поговорили, батюшка попросил, чтобы я проводила его до ворот. Уже у калитки мужчина суёт мне в руку деньги: «Передайте, пожалуйста, о. Александру, мне самому неудобно». Я возвращаюсь в дом радостная, отдаю деньги батюшке, а там такая же сумма, какую он перед этим отдал на покупку электрики.

Батюшка встал перед иконами, перекрестился: «Господи, спасибо Тебе, что Ты нас не оставляешь!» Оборачивается ко мне радостный: «Я говорил, что Господь нас не оставит? Всегда уповайте на Господа!»

У Матронушки

Батюшка редко благословлял на поездки по святым местам: «Ну, что толку ездить со своими грехами?!» Меня он не благословлял 3 года, правда, один раз в самом начале моего прихода в Никулино я поехала в Москву в Покровский монастырь к Матронушке.

Батюшка каждого нового прихожанина ставил на клирос и пытался научить петь и читать. У меня было такое ощущение, как будто внутри стоит заслонка. Я специально приезжала к батюшке учиться читать Псалтирь. Он мне показывал, как можно по-разному красиво читать псалмы. Но у меня ничего не получалось.

Я поехала к Матронушке, два раза подходила к мощам и просила только об одном: «Матронушка, мне очень хочется читать на клиросе, помоги».

Приезжаю домой, меня встречает моя дочь Настя, спрашивает: «Ну, как ты съездила?» И вдруг я начинаю говорить нараспев. Настя — удивлённо: «Что с тобой?» «Я просила Матронушку».

Два дня (это были выходные) я говорила нараспев и не могла перейти на нормальную речь. Приехала в Никулино, стала читать во время службы. И вдруг выходит из алтаря батюшка и спрашивает: «Где вы научились этому монастырскому чтению?» «Батюшка, я была у Матронушки». Вечером дома я опять говорила нараспев. Настя спрашивает: «Мама, как ты завтра пойдёшь на работу, ведь тебя не поймут?» Утром я стала говорить как обычно, зато научилась читать в храме.

В ту поездку я купила масло от Матронушки. Приезжаю в субботу на вечернюю службу, захожу в дом, батюшка встречает меня на пороге, лицо всё в глубоких царапинах, а глаз весь залит кровью.

Я подумала, что на батюшку напали. А он говорит: «Татьяна, не волнуйтесь, на меня никто не нападал, просто я кормил петуха». У нас был очень клевачий петух. Он никому не давал проходу, на всех бросался, некоторые в шутку говорили: «С таким петухом и собак держать не надо».

У меня с собой было масло от Матронушки, я помазала батюшке царапины и вокруг глаза, на следующий день ещё раз и через 2–3 дня от царапин не осталось и следа, и глаз был совершенно здоров.

Спасибо тебе, Матронушка.

Январь 2000 г.

Батюшке много раз предлагали обменять петуха на спокойного, но он говорил: «Пусть живёт для нашего смирения».

Бон

Я только что окрестилась и вдруг во сне вижу дом, очень похожий на батюшкин, рядом со ступеньками на корточках сидит какой-то человек, весь согнувшийся. Я подхожу, трогаю его за плечо, он поднимает голову, с удивлением вижу, что это батюшка. Я помогаю ему подняться, говорю: «Батюшка, обопритесь на моё плечо». И мы начинаем подниматься по лестнице всё выше и выше, и вдруг открывается дверь, как веер, и мы видим чудесный сад с диковинными деревьями и цветами, а сверху струится тёплый мягкий свет. Батюшка зашёл в этот сад, и двери за ним закрылись, а я осталась.

Я рассказала об этом сне батюшке, а через несколько лет он меня как-то спросил: «И что, я оперся на ваше плечо и вошёл в этот дивный сад?» — «Да, батюшка».

Отец Власий

Пафнутиево-Боровской монастырь.

У меня сильно стали болеть тазобедренные суставы, пробовала лечиться, но результатов никаких. От своей сослуживицы я узнала об отце Власии, она ездила к нему в монастырь за благословением на операцию, которая потом прошла успешно.

Я продолжала работать, бывать в Никулино, но чувствовала себя всё хуже и хуже. Просила благословение на операцию у о. Александра, но он меня не благословлял. И вот как-то в воскресенье батюшка мне говорит: «Я благословляю вас на этой неделе съездить к о. Власию,

но чтобы вас привезли, и ещё попросите его помолиться о нас, чтобы нам побыстрее восстановить храм в Товарищево».

Приехали в монастырь. Стоим в очереди. Людей очень много, некоторые ждут очереди вторые сутки. Очередь движется очень медленно. Наконец, я у кельи о. Власия. Вхожу, делаю земной поклон, довольно легко встаю. Передо мной стоит улыбающийся о. Власий, на лице на капли усталости, а ведь он принимает с 4 часов утра. Я села напротив за круглый столик, положила статью о нашем храме в Товарищево.

— Батюшка, я приехала по благословению...

О. Власий — Кого-кого благословению?

— Отца Александра, настоятеля Спасского храма села Никулино.

О. Власий — Я давно знаю его, и о нём всегда молюсь. А ты у него староста?

— Нет, я забыла, как это называется.

О. Власий — Председатель приходского собрания. Это одно и то же. Ты была у него на клиросе, а теперь у тебя другое послушание.

— Певица из меня никудышная, да и ноги болят долго стоять, батюшка благословил меня на свечной ящик, я записки принимаю.

О. Власий — Это тоже очень хорошее послушание.

Мы долго разговаривали с о. Власием, на операцию он меня не благословил. На просьбу помолиться о восстановлении храма в Товарищево грустно ответил: «Восстановите, но не скоро, замечательный будет храм. Казанской иконы Божией Матери и двух молитвенников и печальников Сергия и Серафима».

На следующий день я рассказала батюшке о своей поездке, о том, с какой любовью и теплом о. Власий говорил о нём, что он давно о нём молится. Я спрашиваю: «Откуда он знает, что я была на клиросе, а теперь у меня свечное послушание? И то, что мы храм расчистили в Товарищево и даже отслужили молебен под звонницей? Он знает о нас всё!» Батюшка сидел на диване, посмотрел в окно, перекрестился, на глазах его были слёзы, и сказал: «Господи, за что Ты меня любишь, такого грешного?»

Через некоторое время я опять поехала к о. Власию, но и на этот раз он не благословил делать операцию: «Потихоньку ходишь и ходишь и ешь белорыбицу с костями. А операцию пока делать погоди».

И вот, за неделю до своей гибели батюшка говорит мне: «Всё, я благословляю вас на операцию, больше никуда за благословением не ездите. Договаривайтесь с Королёвым (это наш Подольский хирург). Всё будет хорошо!»

В воскресенье я сидела около стола, он подошёл, обнял меня за плечи, поцеловал в макушку и говорит: «Чадце моё, у тебя всё будет хорошо, ты будешь ходить, я в этом уверен. Мы приедем всем приходом в больницу, отслужим молебен, я тебя исповедую и причащу. И деньги дадим от храма». Я сидела за своим свечным ящиком и плакала.

После службы я сидела в машине Игоря Жукова, смотрела на батюшку, он прогревал мотор своей машины, и говорила про себя: «Дорогой мой, любимый батюшка, я так хочу, чтобы у тебя всё было хорошо». Мне очень, очень хотелось, чтобы он посмотрел в мою сторону. Он повернулся, улыбаясь, посмотрел на меня, перекрестил и уехал. Я видела его в последний раз (06.11.2005).

Благословение

Хочется особо рассказать о том, как батюшка благословлял. Когда подходили к нему под благословение, он радостно как бы припечатывал тебя крестом, пожимал мягко руку, и все ощущали, как будто получили подарок. После Урала о. Александр полгода служил в Троицком соборе г. Подольска, прихожане его очень любили, на исповедь к нему всегда стояла большая очередь. Когда он стал служить в Никулино, многие приезжали к нему за советом.

На некоторые праздники священники со всего благочиния служили в Троицком соборе. Батюшка входил в храм, высокий, статный, красивый, шёл своей всегда стремительной походкой, и весь храм при его появлении оживал, всем хотелось взять у него благословение. Многих он знал по именам, расспрашивал про их дела. Успевал коротко пожелать именно того, в чём человек в данный момент нуждался.

У нас на работе решили организовать поездку в Оптину Пустынь. Батюшка меня благословил. И вдруг в очередное воскресенье перед самым уходом он мне говорит: «Татьяна, я благословляю вас на этой неделе съездить в женский монастырь». Я растерялась: куда? В какой? Я всю неделю работаю, в мои планы не входило никаких поездок. И вот, мы приехали в Оптину, уже собирались в обратный путь, и нам вдруг говорят: «У нас есть время, мы заедем в женский монастырь в Шамордино». И только тогда я поняла смысл батюшкиного благословения.

Если о. Александр благословлял на поступление в институт, на сдачу экзаменов или на какое-либо другое дело — всё получалось.

Хочу рассказать ещё про один случай. Был праздник Крещение, отслужили службу, все собрались ночью обливаться водой из колодца.

После трапезы мы с Серёжей (теперь он о. Сергей) стали брать благословение у батюшки на дорогу, на последний автобус времени оставалось впритык. Батюшка проводил нас до калитки, благословляя, сказал: «Ну, если опоздаете, то возвращайтесь». Мы с Серёжей опоздали, стоим на остановке, мороз, ветер дует со снегом, редкие машины не останавливаются. Сергей мне говорит: «Мне кажется, батюшка нас благословил, чтобы мы вернулись». Одна машина притормозила, Сергей вышел в Толбино, а я у ГАИ на Симферопольском шоссе. Конечно, никаких автобусов в такое позднее время. На нескольких попутных машинах с большим трудом в час ночи всё же добиралась домой. Звонит телефон, Серёжа спрашивает: «Добралась? А то я переживаю». «С большим трудом, но добралась». Потом через некоторое время я спросила у батюшки: «Батюшка, помните, в ту Крещенскую ночь, вы нас с Серёжей благословили ехать или остаться?» «Остаться».

Таких случаев было много. Хочу рассказать ещё об одном. К о. Александру приезжала за советом семья — родители, дети с множеством проблем. Батюшка говорил родителям (а они были уже в возрасте): «Начните с того, что вам надо венчаться». Но муж не хотел об этом даже слышать, когда жена заводила об этом разговор. Батюшка благословил их поехать к о. Власию в Пафнутиево-Боровский монастырь.

Я помню, они приехали от о. Власия радостные, и вот что они рассказали: «Приехали мы в монастырь поздно, в 11 часов, народу очень много, записались 250, шансов попасть никаких. Муж остался в машине. Время идёт, я решила (жена) его проведать, села в машину. Вдруг из ворот выходит священник, подходит к нашей машине и спрашивает: «Вы не могли бы подвезти до Обнинска, а я потом помогу вам пройти к о. Власию?» Муж тут же согласился, батюшка сел рядом с водителем, а я сзади. Батюшка сам завёл разговор и сказал всё то, что я пыталась сказать мужу. И с о. Власием мы поговорили». Через месяц они венчались в нашем храме. Слава Богу, у них и у детей всё хорошо.

Крещение

Мне приходилось много раз помогать о. Александру при крещении. Батюшка проводил крещение не формально, он объяснял для чего человек должен креститься. Когда батюшка миропомазывал младенца, он ласково говорил: «Чтобы своей головой ты думал».

когда позовёт тебя Господь, чтобы ушки твои слышали, что говорит тебе Господь, а не какой-нибудь обормот, чтобы делами своими ты славил Господа! Чтобы ножки твои ходили путём Христовых заповедей».

Моя знакомая крестила у о. Александра своего внука, это было незадолго до смерти батюшки. Он на всех произвёл огромное впечатление, весь вечер все гости только и говорили о батюшке. Все ощутили необыкновенную радость от этого краткого общения с ним. Для них крещение стало настоящим праздником.

Как-то пришли к батюшке две девочки 13 и 12 лет, старшая привела свою подругу. Договорились о крещении. Старшая спросила: «Батюшка, а сколько это будет стоить?» «Сколько пожертвуете». После крещения батюшка, радостный, входит в дом и говорит мне: «И смех, и грех, книгу мне подарили и дали 10 рублей, спрашивают меня — Хватит? — Да мне-то их деньги не нужны, ведь главное, что сами захотели креститься!»

У одной нашей прихожанки заболела подруга, осложнение на уши — гнойный отит — гной ушёл в голову, женщина несколько дней лежала в коме. Сыну врачи сказали, чтобы готовился к худшему. Из Ташкента, чтобы проститься, прилетела сестра. Наша прихожанка сказала сыну, что хорошо бы креститься, и ему и сестре, чтобы молиться за болящую. Батюшка крестил и сына, и сестру этой женщины. После крещения он говорит: «Теперь мы вас оставим, можете помолиться и попросить у Бога, что вы хотите».

Из храма они поехали в больницу, вскоре женщина пришла в сознание, а через некоторое время на своих ногах ушла из больницы домой. У Бога всё возможно!

Запомнилось ещё одно крещение. Шла война в Чечне, мужа нашей прихожанки, он был офицером, должны были туда отправить. Он был некрещеный, родные просили его креститься, чтобы можно было молиться за него. Военный приехал к нам в храм, батюшка подошёл к нему, я слышала, как он сказал: «Приезжай ко мне на неделе, когда никого не будет, сядем, поговорим как мужик с мужиком».

Они поговорили, а в ближайшую субботу было крещение, пришла вся родня. Во время крещения военный едва сдерживал слёзы. После крещения подошёл и обнял каждую из нас, кто был на клиросе: «Сестрички, спасибо вам!» Было очень трогательно.

В Чечне он прослужил 2 года и вернулся живым и здоровым по молитвам батюшки и его близких.

Молитвенная помощь при родах

Батюшка всегда радовался, если женщина ждала ребёнка. Во время службы говорил: «Помолитесь особо о непраздной Елене, Марии и т. д.» И добавлял: «Как хорошо, что у нас в храме много беременных». Объяснял, как важно для мамы и малыша исповедоваться и причащаться. Предупреждал, чтобы как только начнутся роды, сообщили ему, чтобы он помолился.

Я вспоминаю, были случаи, когда врачи говорили: «Боремся за жизнь матери, ребёнка спасти вряд ли удастся». Батюшка шёл в храм, открывал Царские Врата и молился. И через некоторое время ему звонили и радостно сообщали: «Всё порядке, благополучно сама родила здорового малыша». Потом этих малышей батюшка крестил.

Одной нашей прихожанке из-за плохого здоровья врачи не рекомендовали рожать. Приезжает она к батюшке: «Что делать?» «Конечно, рожать, я буду за тебя молиться, всё будет хорошо».

Я была в Никулино, вдруг звонит муж этой женщины — начались роды. Батюшка побежал в храм, молился. Потом пришёл в дом, мы сидели, ждали звонка, очень волновались. Вдруг звонок, батюшка вышел на улицу, пошёл к воротам (в доме плохая связь) и вдруг развернулся, идёт к домику и плачет. Я побежала к нему, думала, что что-то случилось. Но это были слёзы радости: «Представляете, всё хорошо, сама родила богатыря».

И таких случаев было много. Спасибо, батюшка, за ваши молитвы!

Венчание

Батюшка часто венчал пары. Особенно трепетно он относился, когда венчались немолодые, прожившие много лет вместе, люди.

Как-то он венчал одну пару, женщина тяжело болела, у неё было онкологическое заболевание, она отговаривала мужа, говорила, что ей будет трудно долго стоять. Муж был непреклонен: «Буду держать тебя на руках, но всё равно обвенчаемся». Батюшка их венчал, потом он нам говорил: «Вы только представьте, она умирает, а он настоял, чтобы их обвенчали! Вот как надо любить!»

Конечно, он венчал и молодые пары и радовался за них. Про некоторых говорил: «К венчанию относятся, как к какой-то моде, а ведь это очень серьёзно, а они этого не понимают».

Ещё вспоминается одно венчание. Муж был серьёзно болен, жена была намного моложе, настояла, чтобы они венчались. Через некоторое время у них родилась девочка, батюшка её крестил. А болезнь отступила, сейчас они живут и растят дочку.

Неделя скорби

Батюшка погиб 8 ноября 2005 года в престольный праздник — великомученика Димитрия Солунского. Случилось это так. Батюшка решил перед службой заехать в лесхоз в Лукошкино, чтобы купить материал для Товарищево. Он очень торопился, позвонил Неонилле, чтобы без него начинали читать часы, а сам он немного задержится. Было утро, дорога пустая, он ехал с большой скоростью, как и всегда. На встречной полосе в правом ряду ехал грузовик, его стала обгонять иномарка, и вдруг с боковой дороги её подрезает «девятка». Чтобы избежать с ней столкновения, иномарка вылетает на встречную полосу, сталкивается с батюшкой.

Батюшка, не приходя в сознание, умер от травм и болевого шока.

Так угодно было Господу, он ушёл на пике славы, завершив свой путь на земле. В воскресенье отслужил Литургию, причастился; завершил блестяще одно из своих главных дел: Во Славу Божию восстановил наш прекрасный храм. Блестяще прошло его великое освящение Митрополитом Ювением. Награждён самой высокой наградой для священника — орденом Сергия Радонежского. В аварии не было его вины, он принял мученическую смерть.

Когда прошло освящение, он сказал о. Михаилу: «Даже странно: мы освятили храм, а никто не умер; обычно храмы освящаются на мученической крови». Он и стал тем мучеником.

Он не боялся смерти, хоть очень любил жизнь и строил планы на долгие годы вперёд: Казанский храм в Товарищево, монастырь в Добром, монастырь на острове Кий. Главное то, что он заряжал своей энергией окружающих, и всем хотелось трудиться во Славу Божию рядом с ним.

Гон (февраль 2007 г.)

Мы находимся в деревянном доме, много людей из нашего прихода. Все собираются пойти на гору, что-то смотреть. Я про себя думаю: могла бы я ходить, я бы им все красоты показала, я ведь знаю эти горы.

Среди нас находится о. Александр, я у него взяла благословение, он очень красивый в жёлтом облачении. Я вдруг выбегаю из дома, потом опять захожу в дом, чувствую, что ноги у меня не болят. Подхожу к батюшке, говорю ему: «Батюшка, благословите меня пойти со всеми на гору». Он, улыбаясь, мне говорит: «Я ведь вас уже благословил, ну, ладно, давайте благословлю ещё раз». Я, радостная, выхожу на улицу, напротив дома гора, и люди поднимаются на гору по тропинке, которая в виде ступенек.

Про Андрюшеньку

Моя дочь ждала ребёнка. За десять дней до родов Настя приехала ко мне радостная. Она была у врача, ей сказали: «Вы здоровы, ребёнок здоров, ждём вас».

В среду Насте во сне явился наш батюшка о. Александр. Вот что она мне рассказала: «Батюшка был как живой. Одет был в рясу, комилавку, хорошо выглядел, радостный. Он подошёл ко мне, обнял и говорит: «Лапушка моя дорогая, всё будет хорошо, не переживай, только обязательно завтра причастись».

Настя причастилась, как сказал ей батюшка. Она очень переживала по поводу родов. Я её успокаивала: «Батюшка тебе сказал, что всё будет хорошо, значит, так и будет». Настя успокоилась, мы тогда ещё не знали, что смысл этих слов совсем в другом. Это ещё раз подтверждает, что батюшка всегда с нами и молится за нас на небесах.

4 октября, под утро, Настю отвезли в роддом (Центр планирования семьи). Роды были затяжными и тяжёлыми. Ребёнок родился бездыханным, с тяжёлой асфиксией лёгких. Околоплодная жидкость попала в лёгкие, и малыш задохнулся. Его сразу же отвезли в реанимацию.

Настя позвонила мне и сквозь слёзы рассказала, что случилось. Врачи сказали, что жить будет, но последствия непредсказуемы (риск ДЦП и т.д.). Настя сразу же позвонила о. Михаилу, он сказал, что ребёнка надо срочно крестить, чтобы можно было за него молиться. Доктора разрешили, и о. Михаил приехал и крестил малыша. После крещения Настя сказала: «Теперь слова, сказанные о. Александром, я поняла совсем по-другому, и мне легче».

На следующий день врачи сказали, что лёгкие очистились, вошли в норму сердце и печень, заработали почки. Через неделю его перевели в другую больницу для выхаживания. За Андрюшеньку много

людей молились и молятся. По молитвам врачи, которые его вели, оказывались верующими людьми, советовали почаще малыша причащать, что мы и делали.

Год для всех был тяжёлым в моральном смысле, нам постоянно напоминали, что есть риск серьёзных заболеваний. Но вопреки всему мальчик растёт подвижным и сообразительным. В 1 год 2 месяца начал ходить, говорит «мама», «папа», всем интересуется, любит улыбаться.

Недавно возили его к врачу-невропатологу, которая ведёт его с рождения, она сказала: «Откровенно говоря, то, что с ним случилось при рождении, и как он из этого вышел — это чудо! Такого не бывает».

Слава Богу за всё, у Бога всё возможно. Спасибо всем за молитвы за Андрюшеньку.

24 декабря 2010 г.

Операция

В конце января 2008 года мне предстояла вторая операция по эндопротезированию тазобедренного сустава. Операция тяжёлая, мне было страшновато. Я взяла благословение у о. Михаила. Операцию делали под общим наркозом. Что со мной было, я не знаю. Я летела в светящемся, необыкновенной белизны огромном тоннеле. Повсюду были такой же ослепительной белизны цветы, напоминающие хризантемы. Вдруг я очутилась в комнате, свет был приглушённым, на стене висели иконы. Вышел священник, встал перед иконами на колени и начал молиться. Я стояла за ним, видела его согнувшуюся спину и подошвы его ботинок. Я тоже стала молиться. Потом я ощутила себя лежащей на кровати, надо мной склонился о. Александр, несколько раз меня поцеловал, я ощутила на своём лице прикосновение его бороды. Я пришла в сознание, у меня было ощущение, что я держу в своих руках батюшкину руку, я даже ощущала её тепло. Я открыла глаза, ко мне сразу сбежались врачи и медсёстры. Стали меня о чём-то спрашивать. Я подняла руки — они были неестественного, жёлтого цвета и синие, как у покойника, ногти.

Пробыв ещё пару часов в реанимации, я была переведена в палату. Через неделю я благополучно выписалась домой.

Гон (апрель 2006 г.)

Батюшка подходит ко мне и говорит: «Ну, что вы всё грустите, я же всегда с вами». И добавил 2 раза: «Поживём — увидим».

Серафим

Наш регент Неонила вспоминает: «Знойный летний вечер. В храме душно; не спасают даже открытые окна и двери. Идёт вечерняя служба. Батюшка читает ектению, мы с Татьяной тихонько поём на клиросе. Вдруг слышу — к нам на клирос кто-то тихонько подходит. Оборачиваюсь, а передо мной стоит широко улыбающийся негр, абсолютно чёрный, с ослепительно белыми зубами, с головы до ног обмотанный широкой ярко-зелёной тканью в красный цветочек. Если бы рядом с ним не стояла улыбающаяся Настя — я бы точно бухнулась в обморок с перепугу. Уж больно необычно было видеть в нашем храме негра, да ещё в таком живописном национальном костюме».

Это был Серафим. Он приехал к нам из Франции, учился в МГУ, был ревностным католиком.

В МГУ есть православная организация, и Серафим вместе со студентами ездил по святым местам, был в Дубровицах и в Никулино, видел разрушенный храм. Когда моя дочь Настя с ним познакомилась, он был уже аспирантом. Они разговорились, и, узнав, что она из Подольска, вспомнил, что 6 лет тому назад он был в Никулино, видел поруганный храм, сказал, что у них во Франции к храмам очень бережное отношение. Узнав, что храм уже восстановлен, очень обрадовался и через Настю попросил у батюшки разрешения приехать в храм. Батюшка разрешил. Потом Серафим съездил в Ватикан, попросил благословения в канцелярии Папы Римского на посещение нашего храма, и ему разрешили. Серафим стал часто приезжать в наш храм, очень полюбил батюшку, говорил, что таких священников никогда не встречал. Сейчас он преподаёт в Сорбонне.

Воспоминания Ольги Клодт

В 1997 году Александр Алекаев пригласил меня поработать над иконостасом для храма, который восстанавливался неподалеку от его дачи. Я приняла предложение, и вот мы приехали в село Никулино.

В памяти знакомство с отцом Александром.

Мы идем по дорожке к церковному домику. Сначала к нам навстречу выбегают с гавканьем собаки, за ними важно выступают кошки. (Радостно удивилась, поймала себя на мысли, что обычно почему-то не принято православным допускать в дом животных). Но тут все необычно. Вот мы входим в дом, и там повсюду восседают кошки, котята, лежит больная лохматая собака. Появляется сам отец Александр, с которым с первой минуты чувствуешь себя легко.

Помню долго не оставлявшее меня чувство нечаянной радости встречи с близким, родным, понимающим человеком.

Пошли смотреть храм. В задних приделах были сложены стройматериалы. В переднем — клали полы. Отец Александр сразу поставил условие, чтобы иконостас был высокий, по образцам классических иконостасов Древней Руси. Стояли вместе перед алтарной перегородкой. В голове стали возникать какие-то идеи по поводу иконостаса, и пришло четкое чувство, что в нижнем местном ряду должны стоять большие образы с большими ликами. Притом, что пространство придела маленькое, большие иконы давали бы возможность молящемуся предстоять им, быть наедине с образом.

Я поделилась своими мыслями с отцом Александром, и он согласился, одобрил и благословил делать эскиз иконостаса.

Началась работа, которая продолжалась около четырех лет. Сначала был написан центральный иконостас придела Спаса Нерукотворенного, затем — правый малый придел Архангела Михаила, последний — Св. Димитрия Солунского. Несомненно, эта работа была Божиим подарком в моей жизни.

Когда иконописец один целиком пишет весь иконостас, по времени это, естественно, происходит значительно дольше, чем если бы работала бригада мастеров, но он может на каждом этапе работы согласовывать иконы между собой по цвету, композиции, образному строю. Исполняя каждую икону, я имела представление обо всем иконостасе как едином целом. (Хотя, конечно, никогда художник заранее не может точно знать конечный результат. На то оно и творчество...) Я увидела, что отец Александр, будучи сам человеком творческим, понимал это. И за его доверие мне безконечная моя ему благодарность.

Правда, из-за того, что мы все со временем так или иначе растем, меняемся, со временем многое воспринимаем по-другому; сейчас в тех иконах кое-что очень хотелось бы изменить, переписать заново. Увы, остается смотреть на недостатки и терпеть.

Даровал мне Господь общение с о. Александром в последние четыре года его жизни, и всегда встречи с ним были праздником. Разговоры о работе переходили в чаепития с долгими иногда беседами, с чтением стихов. Как замечательно о. Александр знал русскую поэзию и часами мог наизусть читать стихи!

Неоднократно приезжала к нему на исповедь. И исповедь сопровождалась духовной беседой, неторопливой, и тогда из глубины души могло выявиться на поверхность сознания то, что давно позабыто.

Как-то удалось вырваться из города в Никулино в Великую Среду, и подарена была особенная пронзительная тишина Страстной недели, и долгая исповедь в этой тишине, и казалось, Господь все примет, и хотелось все говорить, говорить... Отец Александр тихо слушал, наверно, молился, и мне думалось, тоже ощущал эту особенную, наполненную тишину, которую невозможно нарушить.

Как бывает с талантливыми личностями, его суждения о жизни, о духовности никогда не были стереотипными, но неожиданным углом зрения, под которым он воспринимал жизнь, непредсказуемы и трогали своей глубиной.

В личности о. Александра для меня особо значимым было то, что он духовно свободный человек. Не внешняя свобода, которую так

хотят обрести многие в нашей жизни, а свобода внутренняя, которая может быть только выстрадана колоссальной духовной борьбой, болью, душевными переживаниями и лишь затем обретением главного..

Оттого христианство в нем не книжное, но живое. Вспоминаю слова митрополита Антония Сурожского о том, что лучшим свидетельством истинности христианства является человек, в глазах которого виден Свет вечной жизни. Мне думается, к о. Александру можно отнести эти слова.

Верю, что о. Александр пребывает в Божьем Свете, в Свете той Истины, которая была для него дорожкой всего, к которой он всем существом стремился, в Свете Христа.

Пишу с благодарностью ко Господу за общение с отцом Александром и с упованием на будущую встречу.

Воспоминания раба Божия Константина

Познакомился я с протоиереем Александром в феврале 2004 года. Обстоятельства и душевное состояние привели меня в храм. Был будний день, среда, утро.

У ворот меня встретил Василий Иванович Шепеленко, показал дорогу к нижнему дому, запомнилась его фраза: «К священнику и доктору всегда удобно». Из дома вышел отец Александр в чёрной рясе и полувоенном бушлате и без лишних вопросов проводил меня в храм. Содержание разговора приводить не буду, но казалось, что длится он минут 15–20, оказалось — около часа.

В ходе беседы спросил у батюшки, когда можно приезжать на службу, ответ запомнился на всю жизнь: «В четверг мы молимся, читаем Священное писание (подразумевалось, что мне, как человеку неподготовленному, будет трудно), а вот в воскресенье у нас Литургия — сплошная радость!»

Сплошная радость. Утро, служба ещё не началась, люди собираются в храме, и каждого о. Александр благословляет, находит несколько слов, но именно для тебя; с кем-то пошутит, кого-то пожурит. И потом, во время службы, при каждении храма, продолжается это радостное и непосредственное общение между священником и паствой.

Духовное пение вместе с клиросом и прихожанами. Бас у о. Александра замечательный.

Однажды регент Неонила что-то возразила батюшке во время службы, реакция была мгновенной: «Вы кто, регент? Молчать!» Сказано было негромко, но больше попыток прений во время службы не было.

Чтение Евангелия, тут же, за аналоем, среди прихожан, затем тот же отрывок, но на современном русском языке и — проповедь.

Однажды о. Александр рассказывал о начале своего служения в церкви. Был у него прихожанин, который на каждой исповеди каялся в одних и тех же грехах. Молодой священник в душе осуждал этого человека: «кается и не исправляется, грешит снова». И только потом, как рассказал нам батюшка, с годами, обладая духовным опытом, он перестал осуждать этого грешника, который падал, но вставал или пытался встать вновь.

Запомнилась его фраза о самом себе, о своём отношении к Богу, к жизни: «Слава Богу, Бог детей не дал...»

И — чувство осиротелости, одиночества, непоправимой беды, когда пришла страшная весть о гибели о. Александра.

Прошли годы. Горечь утраты не ушла, но и не исчезла, осталась та «сплошная радость», которую нёс нам, которой учил нас протоиерей Александр.

Воспоминания Виктора Шпакова

Быль

В 1974 году я, по окончании Ленинградского политехнического института, был распределён в город Климовск на оборонный завод. Через год после моего прибытия в Климовск произошло несчастье с соратником по работе, моим ровесником — он погиб. Родом он был из села Дмитрово, и его мама решила похоронить сына на кладбище села Никулино. Мы опустили тело товарища в могилу. Я, кинув горсть земли, пошёл посмотреть находящуюся рядом заброшенную церковь. Пройдя несколько шагов в сторону церкви, я наткнулся на белую овцу. Она стояла ко мне задом. На моих глазах у неё что-то мокрое, розовое вывалилось. Этот комочек вдруг зашевелился и, пошатываясь, встал на тоненькие дрожащие ножки. Рождение ягнёнка на кладбище, среди могил, — необычное событие. Но меня больше поразила глубокий смысл бытия: только что схоронили одного, а на свет появилось новое живое существо. Жизнь продолжается. С такого необычного явления началось моё знакомство с храмом Спаса Нерукотворенного Образа в Никулино.

Тогда храм был в запустении. Дверей и окон не было, но своды ещё не обрушились. И колокольня стояла на четырёх опорах. С тех пор я стал приезжать к этому храму один и со своими детьми. Почему-то меня тянуло сюда. Я видел как он разрушается, но не знал, как это остановить. Печально было.

Но однажды, подъехав, увидел почти восстановленный храм. Я поспешил к нему и у входа встретился с отцом Александром.

Он беседовал с двумя женщинами, но, увидев меня, сразу пошёл ко мне. Батюшка благословил меня и сразу начал расспрашивать, кто я такой. В его вопросах, словах было столько доброжелательности, что я сразу проникся к нему доверием. Рассказал батюшке о моём знакомстве с храмом, о рождении ягнёнка. Этим случаем он заинтересовался, спросил какого цвета были овца и ягнёнок. Сказал, что это добрый знак, что они белые.

Так я познакомился с отцом Александром. Мы поддерживали дружеские контакты. Моя младшая дочь венчалась в этом храме.

По прошествии нескольких лет, вспоминая, считаю, что отец Александр был большой человек. Его активная жизненная позиция, доброжелательность, напористость, хозяйственность сыграли главную роль в восстановлении практически разрушенного храма Спаса Нерукотворенного Образа в Никулино.

Письмо подруге

Наше знакомство с Батюшкой продлилось чуть меньше пяти лет. Сколько раз я приезжала в Никулино за это время? Десять? Пятнадцать? Ругаю себя за лень, за тяжесть на подъём, за все упущенные возможности, а потом благодарю Господа за каждую из встреч с отцом Александром. В сущности, за те короткие минуты нашего общения он помог мне решить все самые главные проблемы, которые возникли в моей жизни за это время: какую выбрать кафедру, идти ли в аспирантуру, выйти замуж... Своим мудрым советом, лёгкой рукой и отеческим благословением он направлял меня (как и всех вокруг) в нужную сторону. И самое главное — он просто и ясно объяснял, что за всем этим стоит Христос, что об этом надо помнить и не забывать о конечной цели и открывающейся перспективе любого нашего действия. Как в притче строителей: я ношу камни или строю дом?

Дорогая Настя! Я счастлива, что однажды на первом курсе ты привезла меня в Никулино и познакомила с отцом Александром. Я даже не могу представить, как могла бы пройти моя жизнь, если бы не эта судьбоносная встреча. Помнишь, мы сидели у меня на кухне и готовились к ГОСу, и на мою жалобу, что я уже года два не учусь, а доучиваюсь, ты сказала: «Я вообще, по-моему, доучиваюсь только потому, что когда-то поступила». Смысл некоторых вещей открывается не сразу, а много позже, и, наверно, в твоём поступлении и учёбе было очень много смысла, но даже если всё это было задумано только для того, чтобы я тебя встретила и ты привела меня в Никулино, — это уже очень много. Спасибо тебе.

Сейчас я собираю по крупичкам в своей памяти все эти драгоценные встречи, стараюсь припомнить каждую мелочь, каждое слово. Удивительно, проходит время — а каждый его совет, каждая фраза наполняется всё большим смыслом. И каждое воспоминание о нём вызывает тихую светлую радость. И как только становится трудно, подумав о нём и чувствуешь — он рядом. И верное решение тут же приходит на ум, значит, не забывает нас батюшка, молится за свою паству.

Помнишь наш первый визит? Зима, мороз, снег скрипит, я ужасно боюсь, что в юбке будет холодно, я замёрзну. Но там есть печка... Приезжаем — собаки лают, такой деревенский запах на веранде, в углу стоит большая старая икона, неотреставрированная, лика не различишь, куча кошек, и ты всех их знаешь по именам, а для меня они такие одинаковые! Печка! Отогреваемся, я начинаю ощущать себя очень по-домашнему, как у бабушки в Архангельске, в её старом деревянном доме. Кажется, вот сейчас заглянешь в кладовку, а там обязательно будет висеть коса лука. Выходит батюшка — высокий, статный, борода красивая до невозможности, я и не думала, что священники бывают такие... обаятельные! Нет, обаятельных я до этого видела. Если б не сан, я бы сказала «импозантный мужчина». А глаза с лукавинкой, сейчас начнёт подтрунивать. И как он сказал: «Я думал, математикой занимаются только склонные к рефлексии мужчины. А оказывается, девушки тоже туда же...» И сразу весь наш мехматовский пафос куда-то растворился. Так, одной фразой был сражён наповал. И стало ясно, что и это — не главное. И больше того, сразу стало ясно, что главное.

Сейчас я попыталась мысленно убрать из своей жизни всё то, что связано с отцом Александром. И знаешь, почти ничего не осталось. Так пятнадцать встреч — это много или мало? Сколько всего он привнёс в мою жизнь! Он подарил нам красоту Знаменного распева, познакомил с Газдановым, Гессе и Рильке, белогвардейским движением, заново открыл мне Ахматову и Блока, так прочитал пасхальную проповедь Иоанна Златоуста, что я до сих пор готова плакать от счастья, когда слышу её... Убери это, убери всё то, что родилось в твоём сердце из этого, — что останется? Не пустота ли?

Лето первого курса. Сдаём сессию, остаётся последний экзамен — математический анализ. Обе трясёмся, сидим у тебя дома, как последние идиотки гадаем на обручальном кольце твоей мамы — сдадим, не сдадим. И ты говоришь мне, что пятёрки мне не видать. Ну, как же так! Ну, ведь больше всего зубрили именно матан, ведь последний экзамен, и все предыдущие уже на пять, ну, почему? Злюсь ужасно, нервничаю. Хорошо, что мы тогда поехали в Никулино. А батюшка, заметь, он и не спрашивал ничего никогда. Он всё и всех насквозь видел. Он только взглянул на меня и говорит: «А вы, Мария, не нервничайте. Вы домой придёте и что-нибудь из женской поэзии, Цветаеву, Ахматову...» И подсунул сборничек стихов одной своей знакомой монахини, имя уже не помню. И сразу так легко сделалось, так хорошо. И экзамен мы тогда обе сдали, и пятёрку свою я получила. И мы поехали служить в Никулино благодарственный молебен.

В конце третьего курса меня без конца одолевала мысль, что я жизнь впустую проживаю, что я только тем и занимаюсь, что мечтаю. Могла часами сидеть за письменным столом и мечтать. Сплошная маниловщина. А потом злюсь на себя, что ничего не делаю, что всё это пустое, и никогда этому не бывать. И вот ты вытаскиваешь меня в Никулино. Народу много, кажется, был какой-то праздник, а, может, и просто воскресенье. Я даже расстроилась. Значит, все будут подходить к батюшке, и мне с ним поговорить не удастся, а так нужен совет, так хочется поделиться. И вот он проходит мимо меня, вдруг останавливается, оглядывает и говорит одну единственную фразу: «Вы построили замок на песке? Не бойтесь! Подводите фундамент». И все страхи исчезли. И опять легко-легко.

Почему-то сильные люди редко отличаются оптимизмом. А оптимистичные — жизненной силой. А вот отец Александр сочетал в себе два этих замечательных качества. Он прямо излучал энергию, казалось, что чем больше людей он обогреет тёплым и мудрым словом, тем больше силы даст ему Господь. Светлый человек. Как-то мы с тобой приехали на Первопрестольный. Литургию отслужили, и застолье уже подходило к концу, народ потихоньку разъезжался. А я всё не могла налюбоваться на эти липы, на такую родную церквушку, выглядывающую из-за деревьев, и такая роскошная погода стояла, тёплая, тихая, сочная. И вот стою я с такой довольной, восторженной, слегка разморенной от вкусной еды физиономией, дура душой, подошёл батюшка и так вздохнул:

—Как же поздно ты родилась! Как поздно! Сколько тебе ещё предстоит пережить!

Видно, почувствовал, как часто в жизни мне нужен будет его совет и опора, а его не будет рядом.

А я радостно ему ответила:

—Много-много хорошего!

И он тоже обрадовался и воскликнул:

—И правда, много-много хорошего!

И благословил.

Помнишь, как мы с тобой подарили батюшке трёхтомник Газданова? И он радовался ему, как ребёнок. Он вообще умел радоваться так искренне, как никто другой.

А под середину службы мне всегда хотелось спать. Мне порой казалось, что я вот прямо стоя и засну. Буду стоять, петь и спать. И тут выходил батюшка, снимал очки (он всегда их снимал, когда начинал говорить «от себя», и мне даже казалось, это потому, что так говорить «от себя» можно только заглянув глубоко-глубоко внутрь себя, а для этого очки не нужны) и начал проповедь. И весь сон проходил. Мне казалось, что вот он заговорил — и весь приход аж встрепенулся. Вдруг голос его пробирал всех до самых косточек. Какой у него был красивый голос! Мягкий и сильный, вкрадчивый и выразительный. А какая речь! Какая образность! Как все сложные моменты Писания он моментально прозрачно истолковывал и объяснял, как это актуально именно сегодня, здесь и сейчас. О чём бы он ни говорил, я готова была слушать и слушать, лишь бы это не кончалось.

Последний раз я его видела 24 июня, в день своего венчания с мужем. Он произвёл колоссальное впечатление на мою маму. Одна встреча — а она до сих пор во всех сложных ситуациях говорит про себя: «Батюшка! Помоги мне советом!» Да он на всех производил огромное впечатление, этот человек просто завораживал с первой встречи. И самые атеистичные и настроенные против Церкви люди вдруг обещали приехать в Никулино снова и снова, и ведь приезжали! Ведь приезжали, приходили, со всех сторон просто стекались и уже не могли без батюшки, без служб воскресных, без благословения, без причастия. Какое чудо.

И наш вечно спорящий Шириков склонил голову и безропотно принял всю батюшкину критику:

—Что же ты, свидетель, а без креста ходишь? Маша, наденьте на него крест!

И добавил ему: «Ты её слушайся, она Богом умудрённая».

Эта фраза до сих пор утешает и радует меня. Значит, эти пять лет не прошли даром. Значит, всё самое важное и нужное он успел в меня заложить, если итогом стали именно эти слова.

Когда мы уезжали, он снова поздравил меня с замужеством и пожелал счастья. Я ответила:

—Да, теперь осталось ещё Настю замуж выдать.

—Ну, подождём немного и выдадим, конечно. У неё всё будет хорошо.

Слышишь? У тебя всё будет хорошо. Он с нами и молится за нас. Спасибо.

Мария

Проповеди

Батюшка был пламенным проповедником. Он проповедовал Христа всегда и везде, с амвона, в беседах, на трапезе, даже в общественном транспорте и в учреждениях, куда мы с ним ходили по церковным делам.

В 1997–98 годах батюшка выступал с проповедями по Центральному телевидению в передаче «Задуманное слово». Эти проповеди имели большой успех, батюшка получал множество писем, отвечал на них, многие люди приезжали к нему.

Благодаря усилиям Людмилы Петуховой, сохранилось довольно много аудиозаписей проповедей о. Александра в нашем храме. Работая с этими записями, я старалась перенести каждую проповедь на бумагу «слово в слово». Но разве может проповедь на бумаге, даже дословно записанная, выразить ту пламенную веру, тот эмоциональный подъём, с которым проповедовал о. Александр? Нет, конечно. Но тем не менее, видео- и аудиозаписи со временем приходят в негодность, а что написано пером...

Неонилла Скударь

Проповеди на Центральном телевидении

Доброе утро, дорогие мои!

Мы решили с вами встретиться в чудесном месте. Это место в Подольском районе, с. Никулино. Здесь старинное кладбище, старинная церковь, которая начала, наконец-то, своё восстановление, свою новую жизнь. Ибо эта жизнь была в 1930 году прервана, и до 1996 года церковь разрушалась, никому не нужная, никем не окормляемая, как и большинство церквей в нашей стране. Сегодня у нас такой вроде подъём в стране, и мы начали обретать те ценности, которые у нас незаконно украли.

И вот теперь мы восстанавливаем этот храм. Храм древний, храм, который простоял уже более 300 лет.

Первое упоминание о нём как о храме, уже приносящем доход в Патриаршую казну, означает 1704 годом, хотя на этом месте храм был ещё раньше. Храм, который упоминается, был деревянный в 1604 году. Это намоленное русское место. И вот теперь мы потихоньку начинаем восстанавливать его. Хотя, конечно, всё в полной разрухе, и главное, что в разрухе самая главная основа — душа христианина.

За эти многие годы она попиралась, уничтожалась, и, в конце концов, враги нашей церкви, враги нашей страны, добились очень многого: мы теперь — на развалинах собственных ценностей.

Но время проходит, и постепенно, я надеюсь, мы восстановим этот храм. Хотя сил-то почти никаких и нет. Вот недавно было Преображение Господне. В этот день, казалось бы, должно быть множество людей — храм-то ведь сельский. Много людей должно было придти для освящения плодов, для радости, которую даёт нам этот праздник — Преображение Господне.

Ибо только преображение и является целью нашего общения с Богом. Но людей не было. Это печально, но это так. Но самое главное даже не в этом. Самое главное, что те, которые живут вокруг храма, у которых есть полная возможность его посещать, чрезвычайно редкие гости в храме. Но и это, в конечном итоге, одолимо. Потому что восстановление храма — это как бы зажигание свечки в этом тёмном месте. И если будет свеча, то будут из этих тёмных углов выходить хотя бы взгляды вначале, потом уже будут дела. Поэтому восстановление храма играет огромную роль.

Разговоры, которые ведутся часто о том, зачем восстанавливать храм, когда верующих-то нет — совершенно необоснованны.

Самое главное — восстановить храм, зажечь эту свечку, а там, с Божьей помощью, мы восстановим всё то, что было у нас отобрано, всё, что мы утратили. И обретём, наконец, то дыхание, которое нам заповедал Господь. Храни вас Бог. Аминь.

место
клад-
ец-то,
жизнь
алась,
нство
стране,
рали.
храм,

ход в
е храм
ный в
оньку
ухе, и
на.

конце
очень

новим
было
быть
ажно
ет нам

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Дорогие мои! Мы сегодня с вами встречаемся здесь, рядом с этой церковью уже зимой, а приехал я сюда, когда было лето. Радостно было, весело, приходили люди, которых удивило то, что эта развалившаяся церковь вдруг готовится к восстановлению. А потом наступила зима, и тревоги наши начались совершенно иные, у людей появились совершенно другие заботы. И теперь мы здесь почти в одиночестве. На богослужения приходит мало людей, но те, которые приходят, тоже о восстановлении храма уже не думают. О помощи нашему храму тоже мало кто вспоминает. К сожалению, все организации, что вокруг нас, имеют руководителей неверующих и нецерковных. Поэтому мы можем ожидать восстановления этого храма только от самих себя. Но это радостно, хоть и не по себе становится, что оттягивается завершение восстановления. Но, тем не менее, сам процесс делания для нас очень важен. Этот храм обрёл священника в моём лице всего-навсего один год тому назад. За это время мы всё-таки хоть немного продвинулись. Служба наша проводится уже целый год. И сам храм отапливается маленькой печуркой. Построили маленький дом рядом с храмом. На большее мы, к сожалению, пока не способны. И что будет дальше — только Богу ведомо. Но самое главное, мы с вами должны делать то дело, которое делали всегда наши предки. Если не было средств, то делали медленно, тем не менее, всё равно двигались вперёд. И я думаю, что наш храм, который находится в совершенно чудесном месте, в конце концов, станет восстановленным во всей своей красе. Некоторые из наших прихожан уже рисуют такие великолепные картины будущего, когда у нас здесь будет и ограда, и дом для пожилых людей, и когда каждый найдёт себе здесь место. И когда каждого человека, который придёт в храм, мы сможем и будем иметь силы и возможности накормить и, может быть, даже поселить здесь. Дай Господь, чтобы это свершилось, ибо в этом смысл нашей жизни. И не только меня как священника, но и тех очень немногих, истинно верующих людей, которые мне помогают в восстановлении храма. Хранит вас всех Господь и помилует! Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Это наша земля, наши деревья, наши церкви, это наша с вами Родина.

Сегодня мы вспоминаем тех, кто жил здесь, кто любил эту землю и кто положил за неё жизнь. Сегодня родительская Дмитриевская суббота. Поминование усопших, поминование всех людей, всех воинов, которые любили эту землю и жизни свои отдали за неё.

Нет более высокого подвига, чем положить живот свой за други своя. Так сделал и наш Спаситель. Он не просто возлюбил человека, как Самого Господа, но Он и жизнь свою отдал за него. Так вот, сколько людей, подобных Господу, в нашей, я бы сказал, священной, истории России! Кто только не попираал нашу землю! Кто только не приходил на эту землю для того, чтобы её унижить и растоптать нашу веру. Приходили хазары, печенегы, татары, поляки, приходили французы, немцы, шведы. Кто угодно! Но каждый раз русский народ вставал на защиту этой земли. И не просто земли, на которой человек родился, а земли, в которой он выпестовал своё стремление к Богу. Пожалуй, это самое главное в жизни каждого человека — его устремление к Богу.

Когда мы об этом часто говорим, то не задумываемся о том, что Господь Бог наш — это Истина жизни. И эта Истина прорастает в каждой земле по-своему. И глубоко заблуждаются те люди, которые хотят, чтобы всё было так, как у всех. Нет! Каждый народ по-своему исповедует Господа, и за эти свои принципы, за этот свой взгляд на Бога, за это своё исповедание Его русские люди положили свои жизни, а их были миллионы и миллионы. Сейчас наше время тоже не отличается от тех, прежних времён. И сейчас наша земля, как прежде, является невероятно лакомым куском для всех супостатов со всех сторон. Правда, теперь это проявляется в несколько иной форме: в форме экономической, идеологической, но, тем не менее, цель та же.

Мы же с вами почитаем тех, кто служил нашему Отечеству. В этом суть нашей жизни. Мы почитаем всех, кто ушёл от нас. Мы почитаем тех, кто погиб в 1380 году, мы благодарны Государю Императору Николаю II за то, что он в 1903 году издал указ о поминовении всех убиенных за Веру, Царя и Отечество в нашей Отчизне во всех войнах, которые претерпевала наша страна.

Господи! Дай, чтобы мы с вами, живя, помнили свои корни; если будут наши корни нами поминаемы, значит, у нас будет основа для будущего роста. Господи, помоги нам в это тяжёлое время! Мы обращаемся и к Богу, мы обращаемся и к своим предкам.

Помоги, Господи! Дай нам сил пережить это время, этот страшный момент.

Мы сделаем всё для того, чтобы корни наши не высыхали в нашем безпамятстве. Храни вас всех Господь. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Великолепная погода, конец лета, и, казалось бы, это умиротворение должно было касаться всех людей. Но нет. Каждый день приезжают в церковь или мои прихожане, или совершенно другие люди со своими горестями, со своей болью. А сейчас тем более такое время, когда люди удручены безнадежностью своего бытия, безнадежностью этой социальной жизни, и они, естественно, стремятся в церковь для того, чтобы получить утешение.

Чем же можно утешить этих людей? И вообще: что нас утешает? Наверное, нас утешает, в первую очередь, участие. Чего мы с вами все хотим? Мы с вами хотим одного: мы хотим с вами только любви. И церковь — это то место, где изливается любовь на нас: и любовь Бога нашего Иисуса Христа, и любовь прихожан друг ко другу, и любовь, которую они получают от Бога и потом приносят в дома свои.

И я вижу, как меняются совершенно лица людей, пришедших в церковь. Вот сегодня к нам пришла одна женщина, у которой в связи со всеми этими событиями (она предприниматель), можно сказать, разрушена вся основа жизни семьи. Что ей можно предложить? Разумеется, не создание новой фирмы, не материальную помощь; мы можем ей предложить участие в нашей жизни, чтобы она не была одинокой, чтобы она, приходя сюда и помогая другим, обрела, наконец, после такого серьезного удара равновесие внутреннее.

Придя к нам, она может жить, как живут все верующие люди, а она верует, и поэтому Церковь, которая необычайно велика во всех проявлениях, изливает на своих чад благодать внутреннего покоя и гармонии. И если это человек ощущает, то никакие внешние события, которые, к сожалению, часто выбивают человека из колеи, не изменяют его, не повергнут его на землю, а, может быть, даже наоборот дадут ему понять, что такое страдание и зачем нужна помощь, ибо он сам в настоящий момент в ней нуждается. Церковь — это великое начало, великое утешение нам всем, грешным.

Не унывайте оттого, что этот мир столь суров. Он всегда был суров, не только в наше время. И всегда человек шёл к Богу. Ибо только Бог всемогущ и только Бог даст нам сознание своего человеческого достоинства. Хранит вас Господь и помилует! Дай Господь вам сил. Аминь.

Сегодня в церкви празднуется чудо, совершённое Архангелом Михаилом в Хонех.

Когда-то давным-давно Апостолы Иоанн Богослов, Филипп и Варфоломей предсказали, что в этом месте свершатся великие чудеса, и совершит эти чудеса воитель небесный Архистратиг Михаил.

И на самом деле, на источник, который в этом месте протекал, приезжало много людей для исцеления. И вот однажды один богатый человек привёз дочь, и она была излечена от немоты. И он построил здесь храм в честь Архистратига Михаила. И святой источник, который протекал здесь, исцелял множество людей.

И с детства в этом храме подвизался мальчик Архипп, и он долгое время в этом храме служил. Но вот, одержимые завистью эллины решили уничтожить святыню. Они решили прокопать большой канал для того, чтобы воды двух рек, стекшись вместе, разрушили храм. И они начали это делать. Но Архипп лежал в церкви на полу и молился. Вы представляете себе, что это значит? Один человек лежит на полу и молится и просит Бога со слезами о спасении святыни. И он услышал голос, вышел из храма и увидел Архистратига, который запретил водам, и воды остановились. И снова он приказал водам уйти, и возникла огромная воронка, куда эти воды ушли. Церковь осталась цела. Чудо? Да! Чудо, совершённое по молитве. Чудо — это великое явление нашего мира. Но мы с вами, к сожалению, жаждущие чудес, очень часто забываем, что нам необходимо заслужить этих чудес своим стремлением к Богу, своей молитвой, как Архипп, который был распростёрт на полу и молился, слёзно молился, и Господь дал ему по его молитвам благодатное избавление храма. Это для нас очень поучительно, ибо мы с вами очень часто, обращаясь к Богу, жаждем чудес, ничего для этого не делая. Идите в храм! Молите Бога, и чудеса вам явятся. И тогда вы с ещё большим рвением будете уже не молить, а благодарить Бога за то, что Он вам сделал. Дай Господь вам сил для молитвы! Хранит вас Господь и помилует. Аминь.

У
церкви
изгото
сюда н
И
котор
Эта кн
томик
А
как он
по том
лась. З
Интер
Я
откры
изголо
общен
нить в
власти
лись, и
Феофи
из сёл
церкве
поним
всё-та
штыка
жали с
В
Видите
И
мне. Я
и крич
храню
Ра
других
любов
Храни
Приме
Моско

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

У нас сегодня радостная тема для беседы. Книги. Здесь у себя в церкви в селе Никулино мы собираемся поставить библиотеку. Уже изготовлен дом, уже есть книги. Осталось — собрать дом и перевезти сюда книги и пригласить читателей.

И вот, в связи с этим, мне бы хотелось сказать об одной из книг, которая оказалась у нас и которая будет, разумеется, в библиотеке. Эта книга сейчас уже издана современным изданием в двух маленьких томиках, и всё это умещается, пожалуй, в кармане.

А вот эта книга! Посмотрите, что это за книга! Как она тяжела, как она убедительна! Эта книга создана нашими с вами предками, и по тому, как она сделана, можно судить, с какой любовью она делалась. Эта книга — толкование на Евангелие Феофилакта Болгарского. Интересно, как эта книга попала к нам.

Я, священник Александр, служил на Урале. И вот, когда там была открыта наша церковь в селе Сылва, то из ближайших деревень люди, изголодавшиеся невероятно по слову Божьему, по церкви, по общению со священником, стали приносить то, что им удалось сохранить в этом хаосе ужасном многих-многих десятилетий советской власти, когда церкви уничтожались, книги сжигались, иконы рубились, и ими топили печи. И вот, эта книга, толкование на Евангелие Феофилакта Болгарского, тоже была приговорена к смерти. В одном из сёл, которое называется Вогулка, собрали все книги из местных церквей, сложили в кучу и решили сжечь. Но перед этим (я даже не понимаю, каким образом такие люди родились в России, но они были всё-таки) эти люди в совершенном неистовстве протыкали книги штыками. Иногда даже штыки ломались, но они всё равно продолжали своё ужасное дело.

Вот эта книга — смотрите — она тоже проткнута штыками. Видите, как глубоко эта рана вошла в тело этой святой книги.

И вот эту книгу одна благочестивая русская баба принесла ко мне. Я помню, как она бежала с этой книгой, очень тяжёлой, за мной и кричала: «Батюшка! Батюшка! Я должна вам передать то, что я храню целую жизнь». И передала мне эту невероятную ценность.

Разумеется, то, что в ней написано, вы можете прочитать и в других изданиях. Но то, что окружило эту книгу, те страдания, та любовь и почитание — сделали её для меня совершенно безценной. Храни вас Бог!

Примечание. Эту книгу батюшка подарил Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в день его тезоименитства.

Дорогие мои! Доброго вам здоровья!

Поздравляю вас с великим праздником, который сегодня празднует вся Православная церковь — память Святого Великого князя Александра Невского.

Александр Невский родился в 1219 году за несколько лет до страшного поражения русских в битве на Калке. Не сговорившись друг с другом, князья русские потерпели поражение от мощной армии того времени — монгольской конницы.

Потерпев поражение, Русь была разграблена. Остался единственный кусочек свободной земли — Новгородское княжество. И вот это княжество претерпевало всевозможные поругания от соседей своих, сильных правительств, сильных государств. И на защиту этого отечества, этого княжества стал князь Александр Невский. Первой его победой была победа на Неве, сильная победа, которая потрясла весь тогдашний мир. Эта победа дала ему имя — Невский. Вторая его победа — на Чудском озере, когда он разгромил Ливонских рыцарей. Это тоже невероятная победа. Ведь было пленено 50 рыцарей, убито 500 — невероятное по тем временам количество воинов, которые были вооружены невероятно и обладали невероятной мощью воинской.

Когда все эти победы совершились, когда Великий князь Александр Невский прославился на весь мир, он был призван защищать наше отечество в пределах самой сердцевины татарских царств. Он несколько раз отправлялся в ставки ханов: первый — к Батыю, второй — аж на китайскую границу к руководителю всех татарских орд, потом — в ближайшие ставки с тем, чтобы защищать наше отечество уже теперь с дипломатическими миссиями.

И вот, во всех этих своих начинаниях он оказался победителем, потому что он всегда уповал только на Бога, каждое дело начиналось и завершалось молитвой в храме. Каждое дело благословлялось епископом, митрополитом. Это совершенно особое состояние человека, когда человек чувствует за собой мощную поддержку Божьей силы. Больше того, в первой своей победе он ощутил поддержку своих предков, которые явились ему и оказали ему помощь — страстотерпцев Бориса и Глеба. И вот эти все события, древние события, которые для нас сейчас далёкая-далёкая история — они нас всё время возвращают к настоящему дню. Ибо мы сейчас нуждаемся в поддержке Божией, ибо мы сейчас хотим, чтобы мы не остались одиноки на этом свете перед лицом тех сил, которые вокруг нас постоянно кружатся и которые, не из добрых побуждений, хотят придти к нам на землю и изменить нашу веру, изменить уклад нашей жизни.

Я всех вас поздравляю с этим большим праздником. Я желаю всем вам в этот праздник оглянуться назад и подумать, какие глубочайшие и какие серьёзные корни мы с вами имеем и как ничтожно и даже смешно то, что нам предлагается порой со стороны так называемых духовных воспитателей с Запада и с Востока. Чем мы обладаем? Мы обладаем нашей Православной церковью, мы обладаем этой землёй, мы обладаем тем миром, который нам свойственен. Разве можно представить себе, что пришёл человек с Запада или с Востока и начал обрабатывать наши заброшенные поля? Безсмыслица какая-то получается. Но если мы здесь родились, если все наши корни здесь, если мы питаемся ими, если Бог с нами, если нашу землю Николай Угодник исходил, благословляя все наши сёла — так значит, мы сильны. И дай Господь каждому из нас помнить об этом и стремиться к тем правдам, которые открыл нам Сам Спаситель и наши святые предтечи. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Вчера мы праздновали чудесный праздник — праздник Введения Пресвятой Богородицы во Храм. Праздник особенный, ибо он как бы не событие, свершившееся уже, а начало всех событий, которые будут потом совершаться в нашей жизни, в жизни всего человечества, в жизни Церкви нашей Православной. Ибо есть праздники, которые празднуют какие-то события, например: Рождество, Крещение... А есть такой праздник — Введение. Введение — самое-самое начало:

— Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубинной печали восстать.

Вот эти мысли навевают этот праздник, мысли о чистоте, о нежности; вокруг снег, который закрыл осеннюю сумятицу листьев, грязь. В старое время говорили — Введение привело зиму на наш двор, и всё как бы очистилось. И на самом деле — праздник Введения — это символ чистоты. Чистоты и надежды. Что же мы празднуем в этот праздник? Празднуем введение во храм маленькой девочки, которая по благодати Божьей рождена была родителями уже престарелыми и была введена во храм Иерусалимский для того, чтобы продолжилось её воспитание, её приближение к Богу. Разумеется, это был праздник для всех! Праздник для всех, участвующих в этом событии. И вот эта праздничная кавалькада входит в храм, и старец первосвященник берёт эту маленькую девочку за руку и вводит её во Свята Святых. Она удостаивается величайшей благодати! Эта маленькая девочка, в которой первосвященник предчувствовал как бы решение всех будущих проблем мира, вводится во Свята Святых! Эта девочка, которая была наделена столькими надеждами её родителей! И она как бы является и прообразом тех маленьких созданий, которые в этом мире сейчас живут. Как родители надеются на то, что эти маленькие девочки и мальчики придут к Богу и совершат великие, истинные дела в мире! И как много они вкладывают в них!

В этом заключён один из самых главных вопросов и проблем жизни — создать достойное будущее поколение людей. И вот, в празднике Введения во храм мы предощуем то, что человек, отдавая Богу, получает величайшую благодать, как некогда получил эту величайшую благодать Пресвятая Богородица, которая стала поистине Киотом Бога. Хранит вас Господь и помилует. Аминь!

Доброго здоровья, дорогие братья и сёстры!

Сегодня мы с вами встретились во дни Великого поста. Сегодня наше сердце должно излучать любовь для тех людей, которые ушли из этого мира. Людей, которые жили, которых уже нет. Но которые в нас поселились, которые будут в нас пребывать до конца нашей жизни. И той частичке души, где они пребывают, мы сегодня отдаём должное. Это великое христианское правило — молиться о тех людях, которые уже не с нами. Ведь вы подумайте: как нам одиноко становится, когда наши близкие — мамы, папы, сёстры, жёны, мужья уходят от нас. И как много неразрешённого остаётся, и мы уже не можем с ними встретиться. И нам становится страшно из-за того, что мы много-много не успели. Но любовь не имеет границ! И любовь — столь великое явление, что она охватывает и тех, кто сейчас живёт, и тех, кто уже ушёл. И эта любовь творит чудеса! Чудо заключается в том, что не только по грехам наших близких они, представ перед Богом, получают уготовленное им место, но и по нашим с вами молитвам, ибо наши с вами молитвы — это проявление любви. И мы не устаём каждую неделю во все дни церковного года поминать их. А сейчас идёт Великий пост, и, разумеется, во дни Великого поста особое место занимают наши просьбы перед Богом о прощении тех людей, которые уже ушли. И о прощении нас, грешных, за те нестроения, которые мы создавали им некогда.

Сегодня день поминовения усопших. И давайте все вместе помолимся о тех людях, которые не оставляют нас, хотя их с нами и нет. Которые живы у Бога, как и всё, что у Бога есть. И мы с ними объединяемся как бы. Мы с ними объединяемся и уносимся дальше нашей жизни. Мы уносимся выше того, что мы видим. Мы уносимся туда, в тот мир, который доступен только Богу. Мы уносимся вместе с ними в пределы Господни. Давайте же вместе молиться о них, вместе отдавать им должное. Господи! Дай нам для этого сил! Аминь!

Доброго здоровья, дорогие мои!

Поздравляю вас с тем, что сейчас пост. Казалось бы, поздравлять с этим, даже слышать такое поздравление для мирян, которые не постятся, довольно странно. А для нас, христиан, это всё совершенно определено. Поститься или не поститься — об этом даже и говорить странно для православного христианина. Если пост установлен — значит, его надо соблюдать.

Сейчас у нас на дворе Рождественский, или Филиппов, пост. Он не столь строг, но, тем не менее, всё равно — это особое совершенно время для православных христиан. Мало в каких христианских церквях соблюдается пост, постятся верующие люди. Но у нас, как было и в древности, разумеется, пост необходим. Недаром Спаситель сказал, что «... сей враг побеждается постом и молитвой». Видите, как соединено? Молитва и пост! Это основной двигатель нашей веры: молитва — общение с Богом, и пост, который укрепляет эту молитву. Это необходимые составляющие наших отношений с Богом. Вот в связи с этим я хотел бы сделать несколько замечаний. Дело в том, что если бы мы стали поститься так, как постились наши древние предки, а еще раньше — великие подвижники первых веков христианства, пожалуй, мы бы этого не выдержали. Ибо, конечно, дух наш слаб. Да, я говорю именно дух наш, потому что когда-то однажды преподобному Филарету Митрополиту Московскому один человек сказал, что, мол, дух силен, а плоть ничтожна, поэтому поститься трудно. А Филарет на это ответил:

—Нет, наоборот, брат мой! Именно дух ничтожен, поэтому плоть владеет нами.

Так вот, чтобы плоть нами не владела, необходимо нам всем обязательно соблюдать пост. И пост соблюдать, и воздержание соблюдать. И именно в той области нашей жизни, которая, на наш взгляд, является как бы провалом в нашей христианской жизни. Если человек курит — пусть он прекратит курение, даже, может быть, в ущерб каким-то другим правилам пощения. Если человек раздражается, пусть он перестанет раздражаться, даже в ущерб другому пощению, может быть, даже пощению в пище.

Я хочу всем сказать, что пост нам необходим во всех смыслах: и для укрепления физического, и для укрепления духовного. Без поста мы как бы выпадаем из христианской жизни. Пост — некие крылья нашей христианской жизни. Поэтому каждый из вас, если ещё не успел, возьмите на себя подвиг поста, и Господь вам воздаст.

Возьмит
возьмёт
И Госп
душевно
Да
праздни

Возьмите его прямо сейчас, в этот день. И уж тот подвиг, который вы возьмёте на себя, донесите до конца, до самого Рождества Христова. И Господь воздаст вам благодатию, праздничным состоянием, душевным покоем и здоровьем.

Дай Господь вам сил на этот пост. Дай Господь вам придти к празднику Рождества Христова очищенными. Аминь.

здравлять
которые не
вершенно
говорить
новлен —
пов, пост.
собое со-
в каких
ие люди.
обходим.
постом и
основной
который
е наших
сделать
поститься
— великие
этого не
енно дух
Филарету
мол, дух
Филарет на
поэтому
нам всем
держание
и, на наш
ени. Если
ет быть, в
аздража-
другому
мыслах: и
Без поста
е крылья
если ещё
и воздаст.

Дорогие мои!

Поздравляю вас с торжественным шествием Великого поста. И с нашим шествием по этому Великому посту. Поздравляю тех, кто уже что-то успел совершить. Поздравляю тех, кто только начал пост. Дай Господь, чтобы мы с вами и завершили всё достойно.

Сегодня же, по прошествии пяти недель Великого поста, мы празднуем невероятно важное событие в нашей церковной священной истории. Мы сегодня празднуем воскрешение Лазаря. Лазаря, который уже четыре дня лежал во гробе, тело его разлагалось, оно начало смердеть. И тут приходит Спаситель! Приходит Спаситель, и сёстры Лазаря Марфа и Мария говорят: сделай что-нибудь! Если бы Ты был здесь — не произошло бы этого несчастья. И Иисус Христос силой Своего Божественного Существа творит чудо! Он воскрешает Лазаря. Он ему приказывает: выйди вон из гроба! Стань живым! Ты ещё должен жить!

И вы ведь помните, что Лазарь после этого ещё долго-долго жил. Какое великое событие! Какое счастье! Какая надежда нам с вами! Да, поистине, братья и сёстры, поистине, власть Бога безконечна. И это для нас невероятный праздник! Мы с вами этого ждём. Мы ждём чуда. Хотя говорят, что да, чудо не оправдывает веры. Да, но мы верим, ждём этого всё-таки. И нас это поддерживает, радует то, что мы с вами сопричастники величайшего в этом мире. Завтра Господь будет идти в Иерусалим. На вольную смерть! Сегодня он совершает чудо. Он вырвал любимого и любящего из цепких лап смерти. Вот чего нам нужно! Нам нужно вырваться из этих тенет. Мы должны с вами силой своей веры, с помощью Божией освободиться от пут смерти. И в этом свете воскрешение Лазаря, освободившегося от пут смерти, из-за того, что он любил Бога и Господь безконечно милостив, имеет особое значение. Для нас это не то, что пример, для нас это наша будущая жизнь.

Господи, дай нам сил проявить к Богу такую любовь, чтобы Господь откликнулся на неё и сделал нас с вами живыми. Аминь.

Христос воскрес, дорогие мои!

Мы находимся сейчас на кладбище, я, вот, говорю вам — Христос воскрес, а люди, которые находятся на кладбище, отвечают мне: Воистину воскрес! Это чудесно! Ибо в этом есть особый смысл. Когда-то давно преподобный Серафим Саровский говорил всем: «Христос воскрес, дорогие мои!» И все радовались, и он радовался. И вот, мы сегодня в эту прекрасную Светлую седмицу радуемся, что Христос воскрес. Вот, представьте себе, что это такое! Вокруг нас огромный мир, в этом мире, колоссальном мире, есть всякие страшные явления, и вдруг такое робкое — Христос воскрес!

А Он воскрес — и всё оправдано, потому что Он воскрес из мертвых, — и в этом весь смысл нашего существования, существования нашей церкви и нашей страны. И будущее только в этом заключено: ибо Христос воскрес! Я вас всех поздравляю. Мы к этому празднику всегда идём с невероятным трепетом, с надеждой, готовимся к нему, и вот, наконец, свершается: Христос воскрес!

Бог всемогущ, Он охватывает всю нашу жизнь, все наши аспекты: и наш этот мир, и эту погоду, и этот храм разрушенный, в котором, мы давно служим... Он воскрес и этим чудом всех наших прихожан, как штыком — поднял — и все стоят! Нет, не штык — это стержень! Стержень нашей жизни. Вот этим стержнем Он всех держит, потому что Он воскрес и нам даёт эту надежду.

Без этого Воскресения ничего бы не было! Ничего! Никогда! Ни в душах, ни вокруг! Христос воскрес, и мы живём! Мы живём, потому что мы живём только надеждой, потому что ценности нашей жизни заключаются в надежде на вечную жизнь. Мы живём как бы выше всех барьеров, которые перед нами. Мы живём, потому что мы знаем, что есть дальние — дальние цели нашего мира, и мы к этим целям идём, идём всеми своими силами.

Апостол Павел сказал: «Всё — сор! Хочу Христа! Хочу!»

И мы этого хотим! А что самое главное во Христе? Да то, что Он воскрес! Я вас всех поздравляю от всей души, я вас всех люблю и хочу, чтобы вы меня любили. Хранит вас Господь и помилует, дорогие мои! Аминь!

Проповеди (1998–2000 г.)

Вспасский храм

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Сегодня мы с вами собрались, чтобы отпраздновать великое событие. Наш пост клонится уже к концу. Еще неделя, а там начнется Страстная седмица. И все! И вот на пятой неделе Великого поста мы вспоминаем великое событие, происшедшее благодаря Духу Божию. Жила некая Мария, она вела неправедный образ жизни, была блудницей и радовалась этому своему заработку. И везде, где нужно и не нужно, нос совала. И вот однажды все поехали молиться в Иерусалим. Поехали на корабле, и она за ними увязалась, благо, мужиков много! Ну, прямо, как сейчас! Увязалась, а они ехали молиться в Храм Божий, приложиться к частичке Чудотворного Креста, который там был представлен. Все пошли в храм, и она тоже пошла. Захотела войти, и вдруг некая сила ее оттолкнула; оттолкнула, потому, что она была нечиста, потому что она в поганстве жила, потому что она кроме своего тела, своего желудка и своего кармана, больше ни о чем не думала. Она снова и снова пошла, и ее все время отталкивала невидимая сила. В конце концов ей стало страшно. Она стала молиться Богородице, молилась поразительно искренне, и Богородица ее допустила к святыне.

Дело в том, что это происходит с очень многими из нас. Когда мы крестимся и приобщаемся Святых Таин, нас допускают до великих Таинств, которые совершаются в церкви. Но мы уходим из церкви такими же, как и пришли, погружаемся в свой суетный мир, по-прежнему пребывая во грехе. Не так произошло с Марией. Мария вышла из церкви уже другим человеком. Для нее это было столь сильным потрясением, что она не смогла приняться за свое дело. Это была встреча с неведомой Божией силой. Она пошла за Иордан. Ей дали в монастыре немного хлебушка, и она пошла в пустыню исправлять свою греховную жизнь и прожила там до конца своих дней. Она стала истинной подвижницей Христовой. Она положила жизнь свою за Христа. В этом ее величайший подвиг. Она настолько была сильна духовно, что те, которые находились рядом с ней, не могли не быть втянуты в эту орбиту истинного Божиего дара, истинной благодати. Будь то человек, которым был великий подвижник Зосима, будь то зверь — лев, который хоронил ее. Это естественно, потому что когда

мы сталкиваемся со святыней, то святыня всех преображает, преображает абсолютно. Сегодня мы во время поста вспоминаем об этой великой подвижнице. Почему? Потому что эта великая подвижница дается нам как образец того, что с человеком может совершить благодать Божия. Это великое событие, данное нам именно на время Великого поста, чтобы мы на склоне поста не падали духом, а знали, что впереди великая благодать — встреча с Господом.

Сегодня же хочу сказать вам еще вот о чем. Сегодня происходят ужасные события в мире. Невинный народ убивают. Говорят, это политика. Это не политика. Это безбожие. Столкнулись две силы: сила зла и сила добра. Это происходило всегда и во все времена. Это происходило и в древнем Риме, это происходило и в России этого века, это происходит и сейчас. Почему? Мы должны дать себе отчет, что это не просто война из-за каких-то там денег. Денег у них полно. Дело не в этом. Дело в том, что у них есть принципиальные духовные противники. Это христиане, именно православные христиане. С иудеями они уже сговорились, и есть масса фотографий, где Клинтон окружен раввинами, и, вообще, там полное слияние и полный восторг. А вот с православными не так обстоит дело, и поэтому их надо уничтожить. И Сербия — это единственный в Европе оплот Православия. Истинный. Даже Греция не в такой мере. Поэтому начинается такое планомерное уничтожение. Я прошу вас: молитесь о наших братьях-сербам, ибо они совершенно невинно гибнут. Столкнулись две совершенно разных цивилизации. Одни с хвостами — это бесы, мартышки, это весь западный мир, хотя они ходят в манишках, с «бабочками», женятся на мужчинах и т.д. Они считают, что это достижение. Нет! Это дикое падение, падение всего духовного в них, и они не могут терпеть рядом с собой нас с вами, людей, которые поклоняются Истине, запечатленной в нашем Спасителе. И мы с вами должны объединяться именно во Христе для того, чтобы им помогать в молитве. Нашим братьям-сербам. Я, разумеется, не против сам по себе, чтобы туда поехали наши вольнонаемные воины, христоролюбивое воинство, потому что поганцы туда не поедут, а поедут именно православные христиане. Конечно, я не против, чтобы помочь этому народу, в конце концов, если мы видим, что кого-то бьют, неужели мы пройдем мимо и будем давать только советы? Нет, разумеется. Я бы и сам поехал туда в качестве священника, если бы там надо было окормлять русских людей. Но здесь наша обязанность — молиться о наших братьях. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго духа! Аминь.

Поздравляю вас с праздником Вознесения Господня, и мне бы хотелось поговорить о том, что написано в сегодняшнем Апостоле. Мы очень часто свыкаемся с тем, что дает нам Господь. Свыкаемся, и это становится для нас как бы обычным явлением. Но вот что здесь написано. Апостол Павел говорит: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо я принял его и научился не от человека, но через откровение свыше». Надо помнить, что это написано им в то время, когда в мире было очень мало еще христиан, а христиане, которые были, может быть, даже и не веровали полностью, что Иисус Христос — Бог. Вот мы читали сегодня Евангелие. Там написано, что пришел Спаситель в город Наин, а из ворот города выносят гроб, в котором лежит молодой человек. Спаситель знал, что этот юноша — единственный сын вдовы. И Он смилосердовался над этой женщиной, подошел к гробу, коснулся его и сказал: «Встань!» И юноша встал! И все возрадовались и начали кричать, что у нас появился пророк великий! Не Господь, не Бог, а пророк! И вот апостол Павел говорит далее: «Ибо и я принял Его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа. Вы слышали о моем прежнем образе жизни в иудействе? — это он обращался к галатам, — что я жестоко гнал церковь Божию, я опустошал ее и преуспел в иудействе более многих сверстников, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий».

Это то, что для нас, к сожалению, чаще всего незыблемо. Мы на эти отеческие предания, на эти все кровные связи смотрим, как на святыню. А он говорит: нет! Ничего подобного! Кровные связи — это не святыня, это — язычество. Потому что так сказал Господь. Потому что он (апостол Павел) был вначале неумеренным ревнителем отеческих преданий, т. е. правил жизни, которые выработались из рода в род у людей. «Когда же Бог (он пишет дальше), избравший меня от утробы матери моей (забрал его от утробы матери. Все! Разорвал все кровные связи. Их больше нет) и призвавший благодатию Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, я не стал тогда советоваться с плотью своею и с кровью». Он не стал советоваться с теми премудрыми людьми, которые в этом мире существуют, которые по плоти и по крови ему близки и к которым, казалось бы, и надо было бы придти и посоветоваться, как дальше быть, когда ему открылась такая великая Истина. Но он этого не сделал. И не пошел

в Иерусалим к апостолам. Он даже к апостолам не пошел! Ему ничто не нужно было, ему нужно было слово Божие. И после этого он пошел в мир проповедовать Евангелие.

Апостол этот говорил о том невероятном открытии, которое делает каждый человек для себя. Каждый! И тогда он совершенно перестаёт всего бояться. Хранит вас Бог!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Сегодняшнее Воскресение знаменуется тем, что Спаситель дал возможность нам быть здоровыми духовно и телесно. Мы сегодня прочли два текста священных; текст, который написал апостол Павел и текст, который написал апостол Иоанн — Евангелие. У апостола Павла написано, что без Бога невозможно никакое исцеление. Это касается нас, грешных; всех, потому что мы все время опираемся на какой-нибудь костыль. Придумают себе какого-нибудь врача, который якобы может что-то там исцелить. Это все, конечно, ложь: никакие врачи ничего исцелить не могут. Никогда! Это просто исключено. Или какие-то там знахари... Когда апостол Петр исцелял, он говорил так: «Исцеляет тебя Иисус Христос». Вот о чем мы должны все время думать: исцеляет Иисус Христос! Это самое главное. Это не просто чудо! Мы все, конечно, ждем чуда, мы все думаем о том, что вот мы что-нибудь сотворим такое особенное и сразу же обретаем здоровье. Ничего подобного не происходит! Никогда! Нам даны правила жизни, нам даны правила на пути к такой жизни. При исполнении этих правил нет болезней, нет никаких увечий, нет никаких ошибок, потому что Господь все предусмотрел. Все абсолютно! И, разумеется, если человек опирается на это учение Христово, то, конечно, мы всегда будем здоровы, даже в тех случаях, когда мы порой отклоняемся от этого пути. Помните эту великую поговорку русскую: — мы грешные, да Боговы? Вот если бы мы были Боговы, а то мы только грешные. В следующем тексте Евангелия написано вообще чудо. Была в Иерусалиме такая купель, вроде водоема. Ее называли овчая (овечья) купель. Она имела пять входов. И вокруг этой купели лежало множество больных, сухих, пораженных, уродливых людей, которые чаяли выздоровления, исцеления. И все знали, что Ангел Господень один раз в году снисходит на эту купель, и кто первый войдет в нее, тот здоров будет. И вот один человек лежал 38 лет около этой купели, но по своей немощи никак не мог опуститься в эту купель; никто ему не мог помочь. Вот в чем дело! Никто ему не мог помочь! Да! Ему никто не мог помочь спуститься в эту купель исцеляющую. Это как раз то, чего мы с вами все ждем! Мы ждем, чтобы кто-нибудь нам помог исцелиться от нашей скверны, которую, конечно, мы получили по грехам своим. И вот Иисус Христос подходит к этому болящему и говорит: «Хочешь ли быть здоровым?» Тот говорит: «Да, я хочу, но не могу никак спуститься». Тогда Спаситель говорит на это: «Встань и иди. И впредь не согрешай». Вот в чем источник всех наших болезней! И особенно это

касается тех людей, которые все время болеют, болеют, болеют бесконечно. Есть такие люди, которым даже это нравится. Может быть, даже отчасти тот самый сухой, который лежал около купели, тоже свыкся с этой своей участью, привык к своему такому состоянию и, может быть, и не желал чего-то другого, не желал возвращения к норме, а нормой является Божественная чистота, истина. Так вот: давайте мы с вами молиться. Давайте мы будем думать о том высоком предназначении нас с вами, ибо предназначение бесконечно высокое, ибо в нас есть Дух Божий. И если мы будем молиться, знать о том, кто мы такие, стремиться к этому Абсолюту, то, дай Господь, мы, возродившись духовно, исцелимся и от своих физических, телесных немощей. Но для этого, конечно, нужны усилия. Просто так ничего не дается. Ибо нам с вами надо загладить массу преступлений, которые совершали наши предки. Помните об этом. До седьмого колена эти грехи за нами тянутся. Давайте же начнем хотя бы с себя новую эру безгрешной жизни. Хотя бы посмотрим в сторону Бога. Хотя бы будем туда стремиться, падать, плакать, не важно, но стремиться туда. Если это будет, то можно считать, что мы станем родоначальниками нового мира. Но мы, к сожалению, сейчас идем на поводу всяческого дерьма, которое нас окружает. Нам говорят: «Это хорошо!» Мы смотрим и, не имея опоры внутри себя, иногда считаем, что это хорошо. Пришел я недавно в один дом. Освящать его. Дом такой богатый-пребогатый, там все ходят с деньгами туда-сюда, все такие важные, у них везде компьютеры, все считают, считают... А в семье нет никакого лада, все друг с другом ругаются. Что же они читают? Я просто подошел и посмотрел журнал, который просто так мальчик перелистывает, и ужаснулся погани, которая там содержится. Я ужаснулся тому, что этот мальчик не может от этого отвязаться. Это ужасно, это страшно! Почему так происходит? Почему мы все, в этом мире живущие, вдруг перестали быть русскими? И когда нам об этом напоминают, мы удивляемся своему предназначению. Когда нам говорят о том, что надо страдающий народ поддержать, мы говорим: нет, не будем! Какие там сербы? Не будем. Я хочу вам напомнить, что истинный христианин должен помогать всем страждущим. Был такой великий композитор русский С. В. Рахманинов. Он жил в Париже, потом в Швейцарии. У него было имение, он был баснословно богат. И во время войны, которую вело государство, выгнавшее его из России, он помогал этому государству, отдавал все деньги этому государству, потому что он знал: как бы то там ни было, хоть какая-нибудь крупинка перепадает нам, русским воюющим людям. А мы все забыли,

идем на поводу какой-то дикой пропаганды похабнейшей. Мы забыли о том, что мы живем в этой стране, топчем эту землю, едим этот хлеб. Почему так происходит? Потому что в нас нет стержня веры, и поэтому, дай Господь, чтобы вот эти напоминания, которые нам идут из Священного Писания о страждущих и о той помощи, которую Господь дает этим страждущим, научил бы и нас с вами помогать страждущим беззаветно. Хранит вас Господь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Спаситель шел, устал и остановился возле колодца и решил из этого колодца напиться. А тем временем из города, ближайшего от колодца, пришла женщина за водой. Она была самарянкой. Самаряне были люди, которых населили принудительно там, в Иудее, и они были как бы людьми второго сорта, и иудеи с ними не общались никогда. И вдруг Он говорит: «Дай мне напиться». А она Ему начинает перечить, говорит: «Ты же жидовин, а разговариваешь со мной». А Он ей говорит: «Знала бы ты, с Кем говоришь, не стала бы перечить, ибо Я обладаю особой живительной водой, которая может исцелить человека, дать ему жизнь вечную». Он ей говорит: «Иди и приведи сюда мужа». Спаситель же знал наперед, что это за женщина, какая у нее семья, все знал, но Он, видимо, ее испытывал. Вообще, эта притча есть как бы самая суть исповеди. Почему Спаситель так раскрылся перед ней? Да потому, что она, можно сказать, исповедалась Ему. Она говорит: «У меня мужа нет». Хотя уже пять раз жила со всякими мужиками. Этот не нравится, другой тоже не нравится, третий, четвертый, пятый... Он говорит: «Правильно Мне отвечаешь, нет у тебя никакого мужа». И вот эта ее искренность дала возможность ей получить благодать. В чем же дело? Когда мы можем получить благодать? Да только тогда, когда мы поглядели на себя открытыми и критическими глазами. Когда мы проанализировали свою жизнь. Вот ко мне вчера вечером пришли две женщины и начали рассказывать о своей жизни. Как разговорились! Вот поверите, они даже потом уже не выдержали, говорят: «Батюшка, простите, мы такую помойку вылили на вас!» И на самом деле, помойка, не жизнь, а грязь и мерзость. Я подумал: «Хоть они и богатые, все такие «упакованные», но все-таки жизнь там еще где-то теплится, потому что они так искренне исповедались.

И вот здесь самарянка, открыв свою душу Спасителю, тут же получила благодатный дар. Тут же. Она узнала, что это такое, почувствовала это. Она вскочила, побежала в свой город, привела людей; многие уверовали... И уверовав в Спасителя и став абсолютно открытыми и истинными, вы все обретете тот дар, который обрела самарянка.

Если мы будем настолько искренними, тогда и молитва наша, например, вечерняя или утренняя, не будет просто чтением молитв. Я иногда спрашиваю: вы молитесь? Он говорит: да, я читаю молитвы. Это что? Я понимаю, что, конечно, читать их все равно надо. Хочется или не хочется. Но! Только в тот момент, когда человек полностью

раскрывается перед Богом, только в этот момент он получает утешение и невероятные по глубине переживания, которые, я бы сказал, граничат со счастьем. Это бывает не часто. Нужна именно эта искренность, а не просто взять молитвослов и прочесть там какие-то слова. Как сказал один святитель, нет смысла читать молитвы без того переживания, которое в эти молитвы вложили наши святые отцы, которые кровью своею вымолили эти слова. А мы их просто прочитываем. Какая может быть отдача? Никакой! Кому это нужно? Никому! Ни нам, ни Богу. Мы молимся, например, и говорим: «Значит так молитва такая-то, так, так, так, здесь надо вставить имена. Кого же мы вставим? Васю, Маню, Катю, тетю Мотю... Все! Помолились! Все хорошо!» И ничего не происходит по нашей молитве! Вот в чем дело. А почему так происходит? Потому, что мы, наверное, не очень глубоко переживаем переживания других. А эти переживания могут возникнуть в результате любой встречи, с былинкой в мире, с чужим человеком, со слезами, с радостью, с чем угодно. Искренность может открыть душу для того, чтобы в нее вселился Дух Святой, Божий дар, который переворачивает все в жизни. И если это происходит, то мы счастливы. В каждом человеке есть определенный Божий промысел, он иногда бывает столь силен, что нам, может быть, даже и открывать-то ничего не надо, он живет в нас, проявляется.

Вот сегодня у нас великий праздник. Праздник Победы! Я очень рад, что мы уже четвертый год поминаем тех, кто ушел из этого мира в результате этой войны, кто защищал наше Отечество. И вот эти люди, которые шли защищать наше Отечество, в них был промысел Божий о защите Отечества, о Победе! Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Пришел однажды Спаситель в одну страну Гадаринскую, что на краю находится Иудеи, около моря. И когда Он вышел на берег, то увидел бесноватого. Бесноватый — это человек, который потерял рассудок, живет как бы по чужой воле, его рассудок затуманен. Мы знаем, что разум и все чувства нам дает Господь. Ну, а здесь все настолько затуманено, что он уже не действует как человек и даже не как животное. Там написано, что он в церквах не бывал. Вот видите как? Один из признаков человеческого бытия — это пребывание в церквах! Он жил не в городе, а в гробах. То есть, что такое гроб? Гроб — это такая маленькая пещерка, и посередине лежит покойник. У нас такое представление, что он залезал в деревянный гроб и там спал. Нет, не так! Просто в этих гробах, в этих пещерках он жил рядом с покойниками, с костями их. Никогда не одевался. Иногда его связывали узами железными, надевали на него цепи, чтобы он не совершил какого-нибудь поступка против людей. Но он все это разрывал и бежал в пустыню. И когда Спаситель увидел его, то, разумеется, Он пожалел его и решил исцелить. А что такое «исцелить»? Спаситель нам открыл, что, оказывается, он одержим бесом, т.е. он не исполняет Закона Божьего, и отсюда все болезни. Кстати сказать, Спаситель пришел не для того, чтобы наши болячки лечить. Нет! Это Он так, по ходу своей жизни, излечивает кого-то. Вот одна кровоточивая женщина бежала за Ним — исцели меня! Он исцелил и пошел дальше. Потому что не для этого Он пришел. Он пришел для того, чтобы дать нам путь, на котором нет болезни. Просто нет! Мы даже не представляем себе, что это такое. Мы всю жизнь крутимся, крутимся, мучаем друг друга, мучаем себя всякими ошибками, всякими преступлениями и потом заболеваем. Ну, куда деваться! Мы сразу — к врачу. Он все знает. Бог все знает! И, разумеется, мы не можем никак исцелиться, потому что мы не встали на тот путь, на котором нет болезней вообще. Все от Бога! Все! И вот Спаситель пришел и увидел этого обезумевшего человека. Представьте себе: голый человек выскакивает из гроба и несется к Нему. Представляете картину? Вот вы бы что сделали? Вы бы сразу побежали к участковому — там сумасшедший, закройте его! А Спаситель не так поступил. Нет! Спрашивает: «Как тебе имя?» А тот отвечает: «Легион мое имя», т.е. не он уже отвечает, а говорят уже бесы, которые в нем, потому что их так много, что уже невозможно, живого места нет. И они возопили к Нему: «Ну, что Тебе, Сын Давидов? Какое Тебе дело до нас? Ну, живем мы здесь и живем,

а Ты иди своей дорогой!». И Спаситель изгнал из этого, можно сказать, мертвого человека, бесов, вселил их в свиней, которые паслись. Свиньи и те обезумели от ужаса, прыгнули в море и утонули. А этот человек, из которого были изгнаны злые силы, которые мы называли бесами, вдруг успокоился, оделся, сел у ног Спасителя. Он стал спокойным, потому что его больше не тревожило зло, которое внутри него поселилось. Но самое интересное дальше. Увидели все это пастухи, побежали в город сообщить, что такое чудо произошло, что тот сумасшедший, который в гробах жил, пугал всех жителей, все боялись пройти мимо этого места, вдруг стал тихим, сидит у ног Спасителя и ждет Его (скажем так) указаний, что делать дальше. И вдруг жители этого города пришли к Спасителю и говорят: «Оставь нас в покое, уходи отсюда! Не трогай Ты нас! Нам и так хорошо!» А тот человек, из которого изгнаны были бесы, пошел проповедовать. Сначала он просился со Спасителем вместе уйти, а потом, когда Спаситель ему в этом отказал, сам пошел проповедовать. А эти Его изгнали! Почему это происходит? Вот много храмов сейчас, можно пойти в любой храм, а народу там нет. Это значит, мы не можем никак принять заповеди Спасителя. Нам говорят: не убий! А мы: как не убий? Он же меня убивает! Но дело в том, что мы тогда встанем с ним на один уровень преступления. Как же остановить это преступление? Вот смотрите: корень зла, который культивировался много-много столетий, да, может быть, и с самого начала человеческого развития, все время растет. Даже уже появились такие секты, которые не знают добра, считают, что добра нет и поклоняются уже не Богу, а квинтэссенции зла — сатане. И этот ком зла растет и растет, а остановить его можно только одним способом — самим не участвовать в этом, сказать: ладно, буду страдать, но не буду в этом участвовать. Мы не должны ни в коем случае уподобиться тем гадаринским жителям, которые сказали: «Не нужно нам Спасителя, не нужно нам никаких заповедей, мы умны, мы все знаем...» Но дело ведь не в том, что мы знаем, а как мы любим. Потому что все знания — это наши мозги. Мало ли очень умных людей, совершивших страшные преступления? Но вот чтобы любящие люди совершили преступления — таких нет. А мы чего хотим с вами? Мы хотим любви. Все! А если мы все хотим быть любимы, откуда этой любви братья, как не от нас самих? И вот эти гадаринские жители, отказавшись от Христова присутствия, отказались от самого главного. И они, в конечном итоге, несчастны! Вот об этом надо думать. Несчастны!

Что же нам делать? Разумеется, только следовать заповедям Христовым. И этому пример — исцеление бесноватого, то есть это исцеление наше. Бесноватый — это образ всех нас с вами, в которых, может, и легион, а может, на одного меньше бесов вошло, а может быть, на одного больше: мы все поражены злом. Сегодняшнее Евангелие нам напоминает о том пути, которым мы должны идти в этой жизни. И дай Господь нам всем для этого сил! Хранит вас Господь и помилует!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Начинается Рождественский пост, который предпосылает встречу Христа. В это Рождество будет 2000 лет, как родился Спаситель. И вот мы с вами прочли чудесное Евангелие. Евангелие, которое мы все, конечно, знаем. Вообще, все Евангелия, которые мы читаем, мы с вами знаем назубок. Но почему же все-таки церковь постоянно читает эти Евангелия на обеднях? Оказывается, мы все знаем, но, если положить руку на сердце, исполняем ли мы хоть что-нибудь, что там написано? Что написано в сегодняшнем Евангелии? Написано о том, как один благочестивый человек шел из Иерихона во Иерусалим, и на него напали разбойники, избили его, сняли всю одежду с него, бросили его на дороге и убежали (ну, разбойники есть разбойники — у них такая профессия). На тот случай идет священник. Священник! Все знает! Все буквально! Ну, все, все, все, что только нужно, то и знает. Увидел он, что тот валяется и думает: «Ну, что же поделаешь? Жизнь так идет — разбойник разбойничает, жертвы их в пыли, в грязи валяются: все как должно быть, так и идет». И пошел дальше. Потому что священник, естественно, иудейский священник, хотел, чтобы все сделано было по закону, по тем законам, которые вырабатывались столетиями, и он эти законы тщательно оберегает всю свою жизнь. И вот иудейский священник прошел мимо. Потом на тот случай идет левит. Было такое колено левитово, люди, которые всю свою жизнь служили в храме, помогали священникам в службе, тоже знающие все правила церковной и мирской жизни. Левит увидел его и тоже отошел: ведь надо с ним возиться, обмыть его и т. д. Потом идет на этот случай самарянин. Самаряне — это люди, которых населили вместо иудеев, когда их переселили в Вавилон. С ними иудеи не общались никак, никогда. Их не пускали в храм, им запрещалось заниматься деятельностью определенной в этом государстве, занимать определенные посты в государственном аппарате — в общем, это была как бы каста неприкасаемых. И этот самарянин, увидев лежащего избитого человека, сошел со своего ослика, взял воды, помыл избитого, помазал раны маслом, вином, посадил его на ослика своего, привез его в гостиницу, дал денег хозяину и ушел по своим делам. Почему мы сейчас эту притчу вспомнили? В начале сегодняшнего Евангелия есть такие слова: подошел один человек искушать Спасителя, законник, все законы знает, и говорит: «Как мне спастись?» Иисус ему говорит: «Ну, ты же знаешь правила жизни?» «Знаю: возлюби ближнего своего, как самого себя, всем сердцем, всей

душой». Спаситель ему говорит: «Делай это и спасешься». А тот, продолжая искушать Спасителя, спрашивает: «А кто мой ближний?» И вот тут начинается притча о самарянине. И теперь Спаситель в конце Евангелия спрашивает: «Ты понял, кто самый ближний: священник, левит или, быть может, самарянин?» И вот, читая это Евангелие, особенно перед постом, когда нас будут всевозможные вещи искушать, мы с вами должны задуматься: вот мы с вами пришли в церковь, читаем всякие книжки, есть такие, которые читают все время церковные книжки, они даже перестали все остальное читать — только церковные книжки читают, читают, читают, а делать-то, о чем они читают! Хорошо, конечно, поехать на Голгофу и посмотреть, где распят был наш Спаситель. Но, наверное, если мы так к этому стремимся, нам тоже самим надо что-то делать? Наверное, надо быть готовым каждый день быть на Голгофе? Так ли это? Наверное, не всегда. Почему это необходимо? Дело в том, что мы поклялись во время крещения идти по пути христианской жизни. Как много нам благодати дано во время крещения! Нас крестили, повернулась наша жизнь совершенно в другую сторону от того греховного пути, по которому мы до этого шли. Ну, я имею ввиду, конечно, когда крестятся уже взрослые люди. Потом, после этого, мы пошли по этой жизни, стали узнавать то, чему наша церковь святая учит. Мы вот узнаем, узнаем, узнаем, становимся очень умными. А как же! Сначала детский сад кончаем. Потом учимся 10 лет в школе! Чему там только не учат! Потом мы кончаем институт, нам дается какая-то профессия... Все, вроде бы, завершено! Я иногда разговариваю с мамами. Они говорят: только бы дать ему (ей) высшее образование! Все! Ну, и что? Кстати сказать, половина пьяниц — с высшим образованием. А опереться на это высшее образование они не могут, потому что внутри пустота. А в чем же тогда жизнь заключается? А заключается она в том, чтобы идти по христианскому пути с любовью и жертвовать собою постоянно ради любимых людей, и не только любимых, а и нелюбимых. Всех! Я часто замечаю в поведении людей через некоторое время после принятия святого крещения какую-то растерянность. А что дальше делать? Ну, схожу я в церковь, поставлю свечку. А дальше что? Ну, мучительно, со слезами в душе, прочту утренние молитвы. Засыпая уже совсем, еле-еле двигаясь — вечерние молитвы. И все? И вся христианская жизнь? Да, еще есть прекрасное занятие для христиан — это скакать по всяким святым местам! О!!! Поехать туда, поехать сюда, во Иерусалим, на Кипр, куда только не поехать! Оттуда привезти какую-нибудь жар-птицу, отсюда — камень большой,

по которому кто-то ходил. Или еще чего-нибудь. И все! Вот такая форма жизни христианской современной. А нужно ли это все? Вот одна раба Божия съездила во Иерусалим, говорит: Боже мой! Хозевит! Он сто лет в пещере прожил! Она была в восторге. Ну, хорошо, а дальше что? Вот все говорят: надо съездить, а он (Хозевит), наоборот, заперся в какой-то маленькой пещерке на склоне горы; туда забраться можно только по веревочной лестнице. Вот он туда заберется и, чтобы ему никто не мешал, эту лестницу поднимает, и все! И так прожил Бог знает сколько! Сейчас обнаружили его нетленные мощи, источающие миро. А мы это знаем все и не делаем ничего. Ничего! Мы так же ходим, так же копим деньги, так же рассуждаем, сколько процентов будет, если мы положим такую сумму, а если в долларах? Тогда что получится? А в фунтах? А если, например, в тугриках?

И вот на это человек тратит всю жизнь! Безсмыслица какая-то. И зачем же нам тогда христианство? А христианство нам дано для того, чтобы мы глубинно заглядывали в нашу жизнь, не скользили по поверхности, по этим деньгам, домам, по всяким там развлечениям в этой жизни. Заглядывали все время в глубь себя. Делали бы то, что не всегда бывает приятным. Я не думаю, что вот этот самарянин был в восторге, что встретил избитого. У него, наверное, свои дела были всякие. У него, наверное, жена была, дети. Эти сребреники нужны были, наверное, этим детям, жене. А он совершил этот великий подвиг. Чего ради? Вот в чем дело, докопались, наконец! Дело-то в любви! Когда спрашивал Спаситель: «Ты понял это?» — искушающего Его книжника, тот, наконец-то, понял, что, оказывается, дело в любви. И христианство — это религия, которая, по существу своему, доминантой имеет любовь. Любовь! И вот это самое главное. И мы должны обязательно воспитывать в себе, культивировать как самое драгоценное, что дал нам Бог, любовь и самопожертвование. И мы должны в течение поста обрести хоть немножечко сострадания к тем людям, которые вокруг нас. Дай Господь вам всем, да и мне тоже, взять на себя серьезное испытание во время этого поста. Каждый должен взять на себя такой подвиг, который бы его, разумеется, смирил, и в то же время — чтобы этот подвиг можно было довести до конца. Хранит вас Господь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Мученица Татиана — величайшая святая, её чтили всегда, особенно на Руси. Я хочу вам сказать, что на Западе в настоящее время никаких святых вообще не почитают. На мощах Николы Мирликийского не совершается обедня. Только русские приедут, попы какие-нибудь, вот тогда им там откроют, и они послужат. А у нас на Руси, слава Богу, не так, потому что все прекрасно знают, что Господь был настолько милостив к нам и щедр, что Он Сына Своего Единородного и Единственного дал нам на растерзание, чтобы только была ступенька между нами, погаными, и Абсолютным Господом. И так же между Сыном Его Иисусом Христом и нами как бы проводники святые стоят. И вот среди них одной из самых святых жен является мученица Татиана. Мученица Татиана родилась в Риме в богатой семье. Отец её был сенатор. Он был тайным христианином и воспитывал дочь свою Татиану в благолепии христианском, в почитании святых ценностей, которые нам дал Спаситель, в вере и истине. И, разумеется, её путь был как бы predetermined. Она стала диакониссой. Её обязанностью было учить вере оглашенных девушек и женщин — готовить их ко святому крещению, прислуживать при совершении этого таинства, заботиться о бедных, о больных и сиротах. Вот мы сейчас с вами хлопочем, чтобы нам дали землю и мы бы организовали дом для стариков, а Татиана будет диакониссой, и матушка Татиана тоже. И вот, мученица Татиана ходила по домам в Риме, искала одиноких брошенных людей, которым нужна была помощь, и христиане собирали средства, одежду, питание, и она передавала этим нуждающимся. В это время вспыхнуло в Риме гонение на христиан. Людей начали арестовывать и приводить в языческие храмы, чтобы они поклонились языческим богам. Среди схваченных во время богослужения христиан оказалась и святая Татиана. Её привели в храм, чтобы она поклонилась статуе Аполлона. Вместо этого Татиана стала молиться Христу. И вдруг земля заколебалась, статуя Аполлона упала и разбилась на мелкие куски. Стены храма задрожали, послышались стоны, своею молитвой она разрушила храм богини Дианы и статую Зевса. Возможно ли такое по молитве? Связан ли как-то физический мир с нашим духовным? Мы, православные христиане, естественно, глубоко убеждены, что это неразрывная связь. Потому что мы знаем это из опыта, из своего многовекового опыта. В старое время, когда люди верующие были, когда, например, наступала засуха, в деревнях люди совершали молебен с прошениями о дожде. И батюшка всегда идёт

на этот молебен с зонтиком. Чтобы не промокнуть. Вот так! Физический мир? Да! Но связан ли он с духовным? Связан. Всякие разбойники, которые занимались, так скажем, духовными проблемами, всевозможные Чижевские, Вернадские — они всё это знали прекрасно, поэтому создали целую науку о ноосфере, всё прекрасно понимали, молились тоже как-то по-своему, призывая вот эту связь. И мученица-то Татиана, наверное, не была столь искушённой в науках, но то, что эта связь существовала, она прекрасно понимала. Она просто молилась со всей душой и преданностью Богу, и совершались поистине чудеса. Она помолилась — и идолище это поганое разлетелось на куски, и, более того, часть храма рухнула.

Она претерпевала невероятные пытки. Её резали, кололи, жгли. Но огонь не коснулся не только её святого тела, но и её роскошных волос, которыми святая мученица, как бы плащом, покрывала свою наготу во время мучений. А что её отделяло от радостной и спокойной жизни? Всего-навсего поклон этому идолу. Это же претерпевали наши многие исповедники Православия здесь, в России. После нечеловеческих мучений святая Татиана была обезглавлена. «Кто нас отлучит от любви Божией: скорбь или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» Эти слова св. апостола Павла буквально исполнились в жизни св. Татианы: ничто не смогло поколебать её веры в Господа Иисуса Христа, Которому она отдала свою молодость, свою красоту, свою жизнь.

Я сегодня поздравляю, конечно, всех наших Татиан. Слава Богу, что они здесь. Поздравляю всех, кто этих Татиан любит, потому что у них есть освященное такой святой сокровище. Поздравляю вас всех с этим великим праздником и желаю, чтобы каждый из нас, нося в своей душе покровительство великих святых, был достоин этого. Я поздравляю вас с тем, что Русь наша Матушка всегда радостно праздновала этот праздник. Он считался праздником молодых людей, особенно студенчества. В этот день даже был приказ, чтобы полицейские пьяненьких студентов не останавливали нигде. В этот день раздавали даже пиво!

В Университете на Моховой раньше был храм в честь великомученицы Татианы. Потом, при Советской власти, там обосновались всякие бесы, студенты, не признававшие Христа, сделали там какой-то бесовский театр. К сожалению, я тоже когда-то в молодости в этом театре руководил духовой группой оркестра. А потом по-настоящему преподавателей Университета этот храм был передан

Физи-
Всякие
пробле-
то знали
прекрасно
ту связь.
ённой в
онимала.
и совер-
поганое
ли, жгли.
скошных
ала свою
и спо-
Это же
здесь, в
да обез-
теснота,
ли меч?»
в жизни
Иисуса
ту, свою
ава Богу,
тому что
о вас всех
ес, нося в
ин этого.
радостно
молодых
из, чтобы
де. В этот
ь велико-
боснова-
емали там
о в моло-
А потом
а передан

Православной Церкви. И там в настоящее время совершаются бого-
служения.

Я поздравляю вас с тем, что мы все сегодня здесь, желаю всем
нашим Татианам здоровья и многая лета! Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь.

Сегодня мы с вами собрались на великий праздник, который непосредственно связывает нас с Богом. Сегодня Покров Пресвятой Богородицы. Этот праздник особо русский, его-то и почитают, в основном, в России. Но события, которые предшествовали установлению этого праздника, происходили в Константинополе, когда славянские племена обложили этот город со всех сторон, и вот-вот город должен был погибнуть. Дело в том, что хотя славяне и наши предки, но надо помнить, что это было до христианского периода, это было язычество. Это была страшная жестокость. И перед лицом этой страшной жестокости, можно сказать, люди целого города были в отчаянии. И, естественно, когда в отчаянии человек — он обращается к Богу. Когда человеку хорошо, когда он может купить себе всё, когда он может наесться, когда он мало трудится, когда ему легко живётся — тогда он не обращается к Богу. Как только приспичит — какая-нибудь болячка появится, или муж бросил, или жена бросила, или кто-нибудь помер, или ребёнок больной — они обращаются к Богу. Был там Андрей, Христа ради юродивый, кстати сказать, наш соотечественник, тоже славянин, но он подвизался в Константинополе. Этот Андрей до этого за свои подвиги был восхищён до третьего неба, т.е. ему было показано, что небесная жизнь существует и радостна, т.е. есть к чему стремиться, есть о чём мечтать, чего ради страдать на этом свете. На первом небе он видел райские сады и в них птиц (Надо на это обратить внимание! Господь и зверей в раю посадил. Так что и собаки наши там когда-нибудь будут. Да, да, да! А то какой-то поп выступал по радио, сказал, что собаку нельзя даже в дом заводить). На втором небе он увидел светлых мужей, которые пребывают в такой радости, в таком невероятном счастье, что ему даже было трудно описать всё это своим языком. На третьем небе он увидел Самого Спасителя нашего, и здесь он хотел увидеть Пресвятую Богородицу, но не увидел, потому что Она в это время находилась на земле, Она помогала людям: это Её высший долг. И Андрей, спустившись на землю из этого великолепного путешествия, стоял в храме вместе со всеми страдальцами, которых должны были убить наши с вами предки-разбойники, и молился. А это было глубокой ночью, т.к. всенощное бдение раньше длилось всю ночь, как в монастырях настоящих, как у старообрядцев — если уж начали службу в шесть вечера — кончается она в 5–6 утра. 12 часов надо постоять! Это мы с вами такие немощные. И вот, примерно в 4 утра он (Андрей) видит Пресвятую Богородицу, Которая как бы осеняет, покрывает всех присутствующих в храме Своим омофором, покровом благословляет.

И после этого Пресвятая Богородица ограждает всю паству и всё население города, рассеяла корабли славян, и они ушли. Ушли, и самое удивительное, что многие из них приняли Православие. Вот как удивительно! Поражение наше оказалось для нас взлёт; поистине, пока не умрёт нечто в нашей душе — мы не процветаем. И Андрею юродивому дано было это увидеть. Вообще, кто же такой юродивый? Ну, мы знаем, ходит он по улице, с детьми бегают, играет... Но нужно представить себе, что юродивый — это особый, высшей марки человек. Юродивый отказывается от всего, даже от своего человеческого существа. Он живёт только духом, поэтому ему ничего не нужно: он ходит раздетый, он носит на голом совершенно теле зимой вериги вот такой толщины. Что такое вериги? Это цепи, на которых огромный крест и спереди, и сзади, и чтобы он не болтался — ещё на бёдрах железный обруч. И так он живёт всю жизнь. Он отказался в этом мире от всего: от детей, от домов, от достатка, от еды, потому что питался он только тем, что подадут по милосердию. Если он попросит, а его пнут ногой, он благодарит, если дадут кусочек хлеба — тоже благодарит. И поэтому эти юродивые имеют особую власть духовную. Они могут видеть то, что мы не видим. Они могут говорить сильным мира сего то, что мы бы никогда не сказали, потому что мы боимся, что у нас отнимут или дом, или работу, или деньги, или ещё что-нибудь — всё, чем мы связаны по рукам и ногам. Юродивому всего этого не нужно.

И вот теперь Богородица как бы окормляет с особым усердием нашу страну, нашу Россию. У нас Богородичных икон очень много. И эти иконы участвуют постоянно как живые всевластные существа в жизни нашего народа. Вспомните: Минин и Пожарский шли с иконой. Или Полтавская битва. Пётр перед Полтавской битвой в 1709 году слёзно со всей армией молился перед иконой. В 1812 году Кутузов постоянно возил с собой икону Пресвятой Богородицы Казанскую. А А. В. Суворов? Когда его приглашали на приём к царице, он заходил в кабинет и направлялся сразу не к царице, а к иконе Божией Матери. Он становился на колени, совершая три земных поклона, а потом уже шёл к царице. Потом, во время Великой Отечественной, Главнокомандующий нашими армиями маршал Жуков в своей личной машине постоянно имел киот с иконой Божией Матери. Это сейчас поганцы все эти военные, ничего сами не соображают, говорят: мы сами с усами! Ничего они не с усами! Вот, пожалуйста! Вы с усами, а какую-то страну бандитскую не могут одолеть. Я вас всех поздравляю с этим Великим праздником!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь.

Мы сегодня с вами собрались на большой праздник, которым заканчивается Великий пост, но нам ещё предстоит Неделя Страстная. А пока мы с вами являемся свидетелями входа Господня в Иерусалим. Мы говорим о Господе нашем Иисусе Христе, Которому всё возможно в этом мире. Всё! И, тем не менее, Он идёт на смерть. В этом много для нас непонятного, хотя и в нашей жизни бывает, когда человек в результате своей бесконечной и безграничной любви может идти на смерть. И это не обязательно во время боя происходит, это может происходить и в обычной жизни. Я знаю один случай, когда женщина, мать, у которой ребёнок попал в аварию и ему выжгло глаза, отдала ему своё глазное яблоко. На увечье пошла, но ради любви всё возможно. Вот Господь тоже ради любви идёт на смерть. Вспомним, когда крестился Господь, то Иоанн не решался возложить руку на главу Спасителя. Он говорил: как я могу возложить руку на верх Того, Кто создал весь мир? И вы помните, что ответил Спаситель. Он сказал: «Мы должны исполнить закон». Вот в чём самый главный смысл. Спаситель идёт на вольную смерть. Всё Ему предписано заранее. Ветхий завет предопределил Его путь по жизни. И Он идёт, чтобы всё выполнять, что было написано. Это как бы исполнение промысла Божия в нас. Каждому из нас с вами дан определённый промысел Божий. Что такое промысел Божий? Это тот замысел Господень, который в нас заложен. Этот замысел мы с вами должны реализовать в жизни. Каков этот замысел будет, в течение своей жизни мы должны определить. Нам, конечно, это очень трудно, и без Божией помощи мы этого сделать не сможем. Но, тем не менее, это наша задача. Если мы определяем это, мы как бы становимся соучастниками нашего высшего Божиего пути. И тогда мы живём, мы счастливы. В старое время так и говорили: счастливый человек — это соучастник судьбы собственной. Каждый из нас сегодня должен задуматься о том, каков же наш с вами путь в этой жизни, что мы несём в этот мир. Что принёс Спаситель, мы знаем. Он принёс нам любовь, Он принёс нам жертвенность, Он принёс нам чудеса, Он принёс нам благостное, всё самое лучшее, что может быть в нашей жизни. Вот вчера была Лазарева суббота. Входит Спаситель в Вифанию, и две сестры, о которых мы много читали во время Богородичных праздников, Марфа и Мария, бросаются к Нему и говорят: Авва, ну как же Ты задержался, вот если бы Ты здесь был, не произошло бы этого страшного события, не умер бы наш брат Лазарь. Тогда Спаситель его из мёртвых воскрешает. А ведь Лазарь

уже чет
смердет
возлежа
на само
конечно
Лазаря
в этот д
поступа
ли из-за
Потому
произой
жизнь. Б
А с
встреча
лись от
тысячел
должно
«Благос
в вышн
одежду и
сих пор
платки и
благодар
посланца
здесь пал
Что мож
на ослик
почему-т
подумать
«Распни
в такое в
найти ст
бабы хо
оперетьс
который
ственные
Сколько
обман. К
государст
должны р

уже четыре дня пролежал в гробу, а там ведь жарко, тело уже начало смердеть. И Он его воскрешает! Воскрешает, и они сидят вчетвером, возлежат и пируют. Да, пируют после такого великого события. Да, на самом деле, так положено. И Спаситель сидел вместе с ними, и конечно, это привлекло массу людей; все приходили поглазеть на Лазаря, который был мёртв и воскрес. Вот что принёс нам Спаситель в этот день, в день перед тем, как войти в Иерусалим. Почему Он так поступает? Почему Он даёт нам такой величайший образец? Только ли из-за того, что Он хочет нам какое-то назидание оставить? Нет! Потому что очень любил этого Лазаря и Лазарь Его любил. Это произошла естественная и радостная встреча любящих, и она дала жизнь. Вот что даёт нам Спаситель перед тем, как идёт на смерть.

А сегодня мы встречаем Спасителя во Иерусалиме. Что за встреча такая чудесная? На самом деле чудесная. Все как бы пробудились от сна, от этого длительного, длительного сна. Сон длился тысячелетия. Всё записывалось в Ветхом завете, все всё знали: так вот должно произойти и когда. И вдруг они прозрели и говорят: «Благословен Грядый во имя Господне! Идёт Спаситель! Осанна Ему в вышних!» Бросают Ему финиковые ветки под ноги, снимают свою одежду и бросают под ноги (это, кстати сказать, обычай, который до сих пор существует в России: когда идёт Владыка, бабушки снимают платки и кладут ему под ноги, и он идёт по этим платкам, и они с благодарностью потом носят эти освящённые поступью Божьего посланца платки). И мы так же стоим с веточками, правда, у нас нет здесь пальм, зато у нас есть вербочки, в тысячу раз лучше, чем пальмы. Что можно увидеть в этом? Люди вот сейчас бегут навстречу, Он едет на ослике, встречают Его, Он едет тихо-тихо, не как царь, но все почему-то к Нему тянутся, кричат, радуются. В этот момент надо подумать: кто мы такие? Если через несколько дней будут кричать: «Распни Его!» Вот где надо подумать о себе. Мы сейчас с вами живём в такое время, когда всё переливается одно в другое. Непонятно, где найти стержень, на что опереться. Всё омерзительно в этом мире: бабы ходят голые, все болеют. Просто страшно. На что нам опереться? Опереться нам, грешным, можно только на стержень, который дала нам вся наша предыдущая история, на наши отечественные русские корни. Разумеется, мы не должны искушаться. Сколько нам предлагают разных вариантов! Всё безобразие, ложь, обман. Как каждый человек имеет определённый промысел, так и государство имеет тоже определённый промысел. Мы этот промысел должны разглядеть в себе, и этот праздник наталкивает нас на это.

Мы должны быть не какими-нибудь созданиями с хвостами, которые болтаются на ветках. Нет! Нам нужно обязательно обнаружить в себе то Божие, чем мы с вами обладаем. И каждый из нас обладает этим Божиим, обладает в полной мере, ибо мы наделены божественной душой, мы наделены разумом, мы наделены способностью любить, мы наделены способностью жить, помогать друг другу. Вот это нужно ставить во главу сегодняшнего праздника. И нам необходимо думать о том, что мы такое на этом свете, кому мы нужны со своими качествами, кого мы любим, кто любит нас. Зачем мы живём? Зачем умрём, в конце концов? Наша задача — здесь, при жизни, выяснить это. Не надо скользить по поверхности нашей жизни, которая часто блестящей бывает, надо обязательно погружаться в эту пучину жизни. Я не знаю, как вам, но мне это бесконечно радостно. Дай Господь, чтобы нам хватило сил обрести ту самую жемчужину, то самое истинное, то самое зёрнышко драгоценное. Я всех вас поздравляю с великим праздником. Поздравляю и желаю вам постоянно, каждый день, в своих домах встречать Господа так, как вы встречаете Его с этими ветвями! Храни вас Господь!

веще
пери
сооб
Свое
Это в
С од
Арха
воспи
моме
Свящ
Еванг
котор
собла
посто
преда
Конеч
раздр
физич
как С
Его уч
драго
волос
котор
делает
нищи
Служ
быть!
они «
ческо
сейча
людей
Иисус
нашен
кам с
Это в
полно
И вед
предс

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Сегодня у нас Великая Среда. И сегодня мы празднуем Благовещение — великое событие, которым как бы завершается огромный период духовной жизни и начался новый. Высшие силы небесные сообщили этому чистому созданию, Деве Марии, что Она родит Сына Своего, Сына Божия, Который, можно сказать, перевернёт весь мир. Это великое событие является рубежом между ветхим миром и новым. С одной стороны, мы видим такое великое событие, как сообщение Архангелом Гавриилом Деве Марии, чистой абсолютно, Которая воспитывалась в храме, Которая предана Богу, Которая даже в этот момент, момент, когда пришёл Архангел Гавриил, занималась чтением Священного Писания и рукоделием. С другой стороны, во втором Евангелии рассказано о том человеке, который предал Господа, который предал Его, потому что ему так хотелось, потому что его соблазнили деньги, потому что он завидовал, потому что он злился постоянно из-за того, что он ничтожен по сравнению с Тем, Кого он предавал. И он не мог сдерживать своей этой внутренней ненависти. Конечно, в конце концов, всякая злоба, всякая ненависть и всякое раздражение приводят только к смерти: сначала духовной, а потом и физической. Но пока он этого ещё не прочувствовал. Пока он увидел, как Спаситель вошёл в дом, и одна женщина, которая была потрясена Его учением и шла за Ним неизменно по всем Его путям, взяла алавастр драгоценного миро, помазала ноги Спасителя и вытирала их своими волосами. Вот это уже переполнило чашу терпения этих подонков, которые вокруг сидели. Они начали в себе говорить: зачем Он это делает? Лучше мы возьмём это миро, продадим его и раздадим деньги нищим. Это всё вот прямо коммунизм. Чистой воды коммунизм! Служить бедным, уничтожая Идеал! Это самое страшное, что может быть! Вот, например, католики. Они всё время служат бедным. Какие они «хорошие»! Они уничтожили всё, что может быть в душе человеческой истинного. Они стали человекоугодниками и, в конце концов, сейчас полностью согласны с тем, что убивают массы православных людей в Сербии. И так же Иуда Искарот, который тоже смотрел на Иисуса и завидовал, просто завидовал невероятно. Вот часто источник нашего раздражения — зависть. Не зависть к каким-нибудь там рубашкам с золотыми нитками или носкам с драгоценными камнями. Нет! Это всё ерунда! Не эта зависть. Зависть другая, зависть к духовной полноте. Эта зависть может скрючить любую сильную личность. И ведь Иуда Искарот не был простым человеком. Нам очень часто представляется, что это какой-то маленький червячок. Ничего подоб-

ного! Он обладал такой могучей силой духовной, что воскрешал мёртвых. Он шёл за Спасителем. Все пожертвования, которые давали Спасителю, он хранил. Это не простой был человек совсем. Но и его сломила эта ненависть и зависть. Зависть к этому высокому духовному началу, которое нельзя было пробить никакими страстями. И вы поймите такую вещь, что один человек решается противопоставить себя Богу. Для этого нужна большая сила. Но враг и избирает таких именно сильных, которые могут по-настоящему повлечь за собой множество людей. И Иуда ведь у сатанистов считается чуть ли не святым.

И вот в этот клубок змей, который хотел обвить женщину, которая помазала ноги Спасителю, включился и Иуда Искарот. Это редкое явление, когда праздник Благовещения совпадает с Великой Средой. Именно с днём, когда задумали архиереи арестовать и убить Спасителя. И вот, в этот день соединяются такие два великих и разнополюсных события. В одном — чистота, зарождение Бога, зарождение Его от Девы, абсолютно чистой, истинной. И вторая — клубок гнилой всевозможного зла, который опутывает всех. И это, к сожалению, и до сих пор так и существует. Ибо человек не может выпутаться и всё время вновь и вновь падает и падает. Помогите нам, Господи! Аминь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Сегодня мы читали Евангелие о дарованиях, которые Господь нам преподнёс незаслуженно, потому что мы все поганцы и не достойны ни одного из этих дарований. Дарования эти названы здесь талантами по названию очень крупной единицы денег, которые раньше были. Здесь говорится о том, что господин щедр. Вот о чём здесь идёт речь! Да, в самом деле, господин бесконечно щедр. Под господином подразумевается Иисус Христос, наш Спаситель. Он каждому из нас даёт огромные дары, как то: жизнь, здоровье, силы, душевные способности, дары Святаго Духа, житейские блага и так далее, чтобы этими дарами служить Богу и ближним. И каждый из нас должен этими дарами воспользоваться. Мы, разумеется, этого не делаем. Нам даётся дар, например, любить других людей. Мы же вместо этого любим самих себя. Нам говорится — любите Бога — мы же любим свою семью только, а всему остальному не отдаём ничего и т. д.

Так вот, в Евангелии говорится о том, что господин, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им своё имение. Одному он дал пять талантов, другому — два, третьему — один талант, каждому по его силе, и уехал. Получивший пять талантов вложил их в дело. Что это такое? Он начал их приумножать, раз у него есть таланты. Он начал действовать в этом мире. Действовать! Точно так же поступил и получивший два таланта. Он приобрёл на них другие два. Получивший же один талант не захотел трудиться, пошёл и закопал его в землю. Через некоторое время возвратился господин рабов тех и потребовал у них отчёта. Получивший пять талантов говорит: «Господин! Пять талантов ты дал мне, вот — другие пять талантов я приобрёл на них». Господин говорит: «Умный раб, ты приумножил благодать, которая тебе была дана изначально (а она, кстати, всем даётся). Приумножил её, не уничтожил ничего, не поступил преступно по отношению к тем правилам жизни, которые я дал. Умный раб! Возьми себе эти таланты, будешь ими обладать». Иными словами — войдёшь в Царствие Небесное. Подошёл и получивший два таланта, и говорит ему: «Иди — пусть это будет твоё», т. е. иди и будешь вознесён. А вот третий раб — это как раз мы! Потому что мы всего боимся. Мы всё прячем: вот нам и дали чего-то там — спрятали и ни в какое дело не пускаем. Потому что страшно. Везде надо рисковать, во всём надо решение каждую минуту принимать. Это трудно, и мы, конечно, лучше спрячем, особенно зная, что господин наш суров (он, конечно, суров, но справедлив, без сомнения).

Но мы эту его деталь справедливости как-то опускаем, нас пугает суровость. И этот раб неразумный спрятал свой талант. И когда господин пришёл, он говорит: «Я знал, что ты человек жестокий, боялся тебя и поэтому скрыл талант твой в землю. Вот тебе твоё».

А господин говорит: «Глупый, лукавый и ленивый раб! Тебе даётся благодать невероятная! Всё даётся! Делай только то, что положено. Нет! Ты прядешь талант, прядешь ото всех, не развивая ничего из того, что тебе дано. Будешь осуждён!» И всё это естественно. Мы читаем в Евангелии о тех вещах, которые для нас ясны и просты. Вот сейчас, в наше время, происходят чудовищные события: взрывают дома у нас мусульманские террористы, жуткая борьба идёт против Православия во всём мире. И что же получается? Почему эти взрывы происходят? Потому что мы сами ничтожны. Никто бы никогда не посмел сюда войти и здесь что-нибудь взрывать, если бы мы были сильные духом. Печально становится, когда смотришь, как какой-нибудь мусульманин рьяно молится. У нас этого не происходит. Вот в чём дело! Мы закопали тот дар, который нам дал Господь. Вот ту благодать Божию, которую нам Господь дал, мы её забили и уничтожили. Господи, помилуй нас, грешных!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь.

Сегодня великий праздник — Рождество Пресвятой Богородицы. Мы знаем множество святых в нашем мире. Почему они сподобились такой благодати и стали святыми, сподобились тому, что находятся на небесах, и о нас пекутся? Почему так произошло? Потому что они в своей жизни оказались столь чистыми, столь истинными последователями Христа, столь хранящими Слово Его, что Господь поселился в них. Он поселился в них духовно, и они стали обладать абсолютно сверхъестественным даром — воздействовать на людей, живущих в этом мире, помогать им. И вот представьте себе: если Господь благодетельствует нам, грешным людям, то как же Он должен был выпестовать то Лино, которое прямо, в реальности, телесно, будет содержать Бога. И поэтому в рождении Пресвятой Богородицы всё чудесно! Всё буквально чудесно! Всё совершенно по молитве. И когда Она явилась в этот мир, то, естественно совершенно, для Ней и уготован был путь совершенно особенный. Ибо в основе всего, в основе веры, в основе наших устремлений религиозных находится только истинное служение Богу. Мы, конечно, это нарушаем, мы часто не можем идти по немощи своей прямым путём, поэтому мы бьёмся об стенку этого пути, пытаемся вырваться из него, как дети, которые хотят шалить. Но, тем не менее, если мы будем следовать по этому прямому пути (потому что, в конечном итоге, хорошее мы откинуть не можем), то мы тоже имеем возможность освятиться, как освятились святые и Пресвятая Богородица. Это наша надежда. Наша надежда!

Постоянно во всех Евангелиях, а особенно в этом, которое мы сегодня читали, говорится о разности потенциалов, которые есть в людях. Вот смотрите! Пришёл Спаситель к Лазарю. У Лазаря были две сестры — Марфа и Мария. Разумеется, они понимали, что Спаситель — совершенно особое явление в нашем мире. И они, конечно, хотели Его облагодетельствовать, они хотели Его как можно лучше принять. И вот вдруг проявилось два существа человеческих. Марфа сразу же стала накрывать на стол, «заботясь о большом угощении». Естественно это было для женщины? Конечно, естественно. Ничего здесь особого нет. Но она посетовала на Марию, свою сестру, которая не помогает ей, а села у ног Спасителя и стала слушать Его слова. Она как бы интуитивно почувствовала, что Он уйдёт отсюда, и очень скоро, и надо прислушиваться к тому, что Он даёт как духовное наставление, как духовную заповедь. И она слушает Его и не помогает сестре; сестра возроптала, и её раздражение распространилось на Самого

Спасителя: «Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне». Спаситель ей отвечает: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а Мария избрала себе благую часть, которая не отнимется у неё». Вот, пожалуй, два начала человека. Один человек печётся о доме. Нужно ли это? Конечно, нужно! Без всякого сомнения. Но тем не менее, если есть необходимость служить Церкви и есть необходимость служить дому, то православный христианин должен безоговорочно избрать себе не сына, не мать, не внука, а Церковь. Когда он пойдёт в церковь и напится там, что даёт Господь, то, разумеется, он тогда с большей отдачей будет делать домашние дела. Есть самая обычная старая крестьянская сентенция: какой смысл доить корову, когда позвонил колокол? Она потерпит, а если я её подою, всё равно или разолью молоко, или оно скиснет. Никакого проку не будет. Потому что не будет Божьей благодати. И вот здесь совершенно ясно определилось: Мария слушает Спасителя. Потом она, конечно, пойдёт и будет помогать, без всякого сомнения. Всё будет сделано! Может быть, она ещё больше сделает и с радостью после того, как послушала слова Спасителя.

И вот не зря это Евангелие постоянно читается. Не зря подчёркивается постоянно в этом Евангелии, что в начале было Слово. В начале было духовное, а потом уже всё остальное — наши болячки, всякие дела и т. д. Без Бога это никому не нужно. С Богом всё это радостно! И то же здесь происходит. Рождается Богородица. Рождается по молитве. Проходит некоторое время. И почему бы Иоакиму и Анне взять и Её замуж за какого-нибудь Царя Иваныча отдать? Чтобы Она там кушала, пила, рожала детей? Нет! Они так не делают. Они Её посвящают Богу! Отдают в Храм для воспитания. Потом у Нее появляется муж Иосиф. По промыслу Божию, он уже стар, он охраняет Её девство. Потом Она от Духа Святого рождает Сына Иисуса Христа, нашего Спасителя. И после этого Она так же, как и все женщины, страдает от того, что Он претерпевает невероятные мучения в своей жизни. Но Она верует в Него как в Бога, и поэтому эти страдания для Нее радостны. Спаситель говорит, что иго Его легко, потому что есть перспектива, есть путь дальше. А сегодня мы празднуем событие, с которого всё только начинается. Сегодня у нас Рождество Пресвятой Богородицы. Храни вас Бог!

В са
Спасите
рыбу. Ле
будущий
одну лод
забрось
ночь заб
Ещё раз
а когда з
Пётр по
И Пётр
никогда
древним
сказал: «
можешь
так може
абсолют
говорим.
жутко, н
зываем
что-нибу
призвать
А то б
говорит:
должен б
чтобы та
ства! Так
надо нам
безпреде
Симон у
Спасител
сделаешь
А мы ни
канатами
оторвать
вот цепи
ничтоже
становит
радостью

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

В сегодняшнем Евангелии рассказывается о том, как однажды Спаситель был рядом с Геннисаретским озером, где рыбаки ловили рыбу. Ловили они всю ночь, никакой удачи не было, и Симон, будущий Пётр, вытащил мрежи и сушил их. Идёт Спаситель, сел в одну лодку, проплыл немного и говорит Симону, т. е. Петру: ты вот забрось здесь мрежи. Тот говорит: Учитель! Ну, какой смысл? Всю ночь забрасывали, и никакого толку, но по слову Твоему заброшу. Ещё раз забросили, и так много поймали рыбы, что порвались сети, а когда загрузили рыбу в лодки, эти лодки чуть не утонули. И Симон-Пётр понял, что человек этот не простой, что это не человек, а Бог. И Пётр сказал очень интересные слова, которые мы с вами сроду никогда не произнесём, может быть, только когда станем уже совсем древними, и нас обуяет абсолютная стопроцентная вера. Вот что он сказал: «Изыди от меня, т. к. я грешен. Уйди отсюда, потому что Ты можешь оскверниться, общаясь со мной». Вот что удивительно! Кто так может сказать? Только абсолютно, невероятно чистый человек, абсолютно любящий человек. Мы-то ведь совсем другое всё время говорим. Мы говорим: «Господи, приди к нам!» Мы такие грешные жутко, на нас клейма негде ставить. А мы всё-таки всё время призываем Господа: то у нас болит нога, то внук болеет, то ещё что-нибудь... Мы ездим по всяким святым местам, только чтобы призвать Его к себе. И, конечно, Он к нам не приходит. И Слава Богу! А то б мы тронулись от переживаний. А тут апостол будущий говорит: уйди от меня! Как же он должен был Его ценить, как же он должен был высоко Его ставить, Спасителя нашего Иисуса Христа, чтобы так сказать! Так себя унижить до совершенного ничтожества! Так должно быть! Вот мы это Евангелие прочли, узнали, как надо нам относиться к Спасителю, унижая себя и возвышая Его до безпредельной высоты, понимая, что Это Спаситель. И вот когда Симон уже наловил рыбы и чуть было не прогнал Спасителя, Спаситель ему говорит: ты бросай это всё, все эти мрежи, иди и сделайся ловцом человеческих душ. И ведь они так и поступили! А мы никак не можем этого сделать. Нас как будто какими-нибудь канатами приковали ко всяким нашим пристрастиям, никак не можем оторваться. Всё нам дано! Всё нам дано! Только надо разрубить эти вот цепи, которые нас связывают с нашей же суетой, с нашим же ничтожеством. Вот то, что апостол радостно сделал! И тогда же всё становится светло и ясно. И тогда люди даже идут на смерть с радостью. Мы вот всё время просим: Господи, дай подольше жить.

Да? Мы того не успели, сего не успели. Господи, дай нам побольше радостей каких-то таких непонятных, ну, и мы, конечно, иногда впадаем в жуткие трясины в результате этого, потому что стремимся к этому. А они, освободившись от этих пристрастий, стали свободными. И потом они все погибли! Кроме Иоанна Богослова, который своей смертью умер. А все остальные мучительной смертью умерли, но с радостью. Вот в чём дело. Андрея Первозванного хотели распять, а он говорит: нет, нельзя распинать, как Иисуса Христа. И с радостью согласился на другое распятие. Другого хотели распять, а он говорит: не могу, как Спаситель, давайте вниз головой, чтобы мучительнее смерть была. Почему же они так делали? Потому, что им открылось, что Он Бог, а они всего-навсего твари. Вот это им открылось! Не превозноситься, а унижить себя, и только тогда мы обретём невероятную благодать. И вот это сделал апостол Пётр. Хвала ему и честь! Аминь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Мы в сегодняшнем Евангелии прочли о том, как Спаситель по просьбе родителей исцелил бесноватого отрока, который болел, который в новолуние впадал в состояние аффекта, терял всё человеческое. И Спаситель исцелил его, причём не сразу; сначала родители обращались к Его ученикам, апостолам, и им не удавалось это сделать. Мы с вами почитаем память апостольскую, как память великих святых, и, тем не менее, Спаситель говорит о них: «О, род неверный! Доколе буду Я с вами?» И что же это такое? Оказывается, перед этим Евангелием прочитывается Евангелие о Преображении Господнем. Вот только что Его ученики были рядом с Ним. Только что на горе они видели Славу Господню, и только что им так нестерпимо хотелось там остаться, что они даже предложили Спасителю: давай мы здесь построим маленькие шалашики и будем всю жизнь здесь жить. Но Спаситель прогнал их в мир, который, как мы сейчас увидели во втором Евангелии, весь кишит болезнями, болью, преступлениями всевозможными. Так что же делать нам с вами? А нам с вами, как находящимся в этом мире, нужно смотреть только вверх, на Бога, и потихоньку, очень медленно выбираться из этой пучины, которая нас часто совсем поглощает. И не зря два эти Евангелия поставлены рядом: о Преображении и о мирской жизни, о боли, о страхе, о страдании. Потому что человек должен иметь надежду, и он её в Боге имеет. Мы, конечно, с вами все очень грешные люди, впадаем в самые разнообразные грехи: то ли Господь нам даёт это испытание, то ли потому, что мы ослабели, то ли потому, что мир столь соблазнителен, то ли потому, что веры в нас мало. Но, тем не менее, этот мир нас часто поглощает. И единственное, что нам остаётся — это только уповать на Бога. Уповать на Бога! Если подумать о том, какими мы должны быть, надо вспомнить слова Апостола, который мы сегодня прочли. Там написано, что мы, когда веруем в Бога, становимся вроде бы какими-то юродивыми, дурачками, как бы совсем не от мира сего людьми. И, конечно, это нас очень часто пугает, потому что мы живём всё-таки в миру. Конечно, хорошо человеку, который взял и уехал в монастырь и там живёт, не касаясь этого мира, поэтому Андрюша наш такой счастливый там сейчас: всё вокруг благолепно, и те строения, которые внутри него могут происходить, они как бы гасятся с общей молитвой всех насельников монастыря. Нам, к сожалению, приходится пробираться сквозь те тернии, которые готовит эта жизнь. И дай Господь нам с вами выдержать эти

испытания. Дай Господь нам обрести ту силу, которая необходима для дальнейшей нашей христианской, без всякого сомнения, жизни. Хранит вас Господь и помилует.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Сегодня мы с вами читали Евангелие о нашей доброте, о нашем зле, о том, как мы должны поступать. Вот сейчас многие люди, которые живут в этом мире, как бы нормально смотрят на то, чтобы положить деньги в банк и получить какие-то проценты. На эти проценты, конечно, можно жить, можно что-то сделать. Но как к этому относиться по-христиански? Один великий святой Авва Савва, живший в III веке, сказал так: «Если ты ждёшь от человека возвращения долга, ты поступаешь по-мирски; если ты не требуешь от него ничего, хотя он тебе должен большую сумму денег, ты поступаешь по-Божески; а если ты требуешь с процентами — ты поступаешь по-дьявольски».

Я даже знаю одного батюшку, с которым я разговаривал, он говорил: «Ты знаешь, вот туда надо положить, там будет три процента, а здесь только два и девять десятых процента». И вот сегодня, прочитав Евангелие, которое в нас пробуждает совершенно невероятные чувства, мы говорим о том, как можно простить человеку всё. Вот подумайте: чего мы с вами, каждый из нас, желает? Мы хотим, чтобы нам простили наши ошибки, наши грехи. Мы совершаем их каждый день! Вы не думайте, что обращаясь к вам, я только о вас говорю, я говорю и о себе. Я их каждый день совершаю: словом, помыслом, действием, чем угодно. Мы хотим, чтобы нам простили эти грехи. И вот сегодня в Евангелии как раз об этом и говорится. Разумеется, Спаситель суров. Он, конечно, накажет нас за наши просчёты, но Он не жесток. Вот это надо помнить: Он суров, но не жесток! Вот я сейчас вспомнил об Эйнштейне — сначала он был безбожником, а потом, вроде, вразумился. Вот у него на камине так и было написано: «Господь суров, но не жестокосердый». Так вот, Он всё время терпит, Он всё время ждёт от нас, что мы с вами будем прощать. Можно очень много говорить о том, как это делается, как это не делается, но, Слава Богу, мы об этом вспоминаем в Церкви, потому что только Церковь — носитель этой изначальной истины. Всё остальное построено на других основах. Надо это помнить. Всё! Вся политика, все социальные системы, вся литература. Всё! Но мы здесь, в Церкви, знаем, что основой является вот это всепрощение. Всепрощение! Всех и вся. Поэтому Спаситель нас всё время к этому призывает постоянно! Спаси вас Господь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Спаситель, уходя от нас, оставил нам Свой Образ, чтобы мы не очень унывали, чтобы у нас была всё-таки надежда на то, что есть идеалы образы святых, что есть Истина, визуально существующая. И нам становится не так одиноко на этом свете. Вчера мы праздновали праздник, который связан непосредственно с человеческим существом: Пресвятая Богородица умерла. Но этот праздник называется не смерть, а Успение Пресвятой Богородицы. Она, как человек, претерпела совершенно невероятное: Она на мгновение умерла и тут же была вознесена на небеса. Этот великий праздник даёт нам всем надежду на то, что и мы имеем такую возможность. Конечно, мы разбойники, живём несправедливо, и, разумеется, так, как Богородица была вознесена, нам рассчитывать нечего, но всё-таки радостно от того, что Она, человек, обрела такую благодать. Сегодня мы с вами празднуем тоже совершенно необычное событие: Спаситель оставил нам Свой Образ. Естественно, человеку не под силу выразить то, что было заключено в Спасителе. И поэтому даже самые-самые глубокие молитвенники, глубоко верующие люди, не могли этого сделать. Так же, как и сейчас — величайшая редкость, когда человек может изобразить лик Спасителя или лик святого, хотя такие и бывают. А мы обладаем им, потому что в своё время, видя немощь человеческую, усилия, видя тщетные попытки художников изобразить Его и видя в то же время невероятную нужду человека в Собственном Образе, снизошёл к нему. Спаситель взял полотно, приложил его к лицу Своему, и этот Образ остался навсегда для нас. В древности этот Образ был как боевая хоругвь. Воины шли в бой, зная, что они защищены, ограждены. В связи с этим, наш храм — особенный. Дело в том, что главный престол посвящён этому Образу, который защищал всегда русское воинство. Второй престол посвящён Архангелу Михаилу — предводителю небесного воинства, а третий престол у нас посвящён Димитрию Солунскому — святому мученику-воину. У нас настоящий военный храм, и это очень важно, особенно в наше время, потому что мы в нашей жизни без Бога и без всяких ориентиров стали такой квашнёй, что нам нужно, чтобы кто-то нас подстегнул. И вот этот храм сделает это, без всякого сомнения. Я поздравляю вас с этим праздником, я поздравляю вас с тем, что за эти три года он из мёртвых стал живым. Он был совершенно развалившимся: здесь не было стен, не было свода, не было южного алтаря, кусочки стен торчали. И вот теперь мы находимся в храме, который почти полностью восстановлен, и важно, что в этом

бы мы не
то есть в
звующая.
праздно-
ическим
ик назы-
Она, как
зование
праздник
икность.
так, как
всё-таки
Сегодня
событие:
не под
ому даже
юди, не
едкость,
ого, хотя
емя, видя
жников
ловека в
полотно,
для нас.
ли в бой,
храм —
этому
престол
оинства,
-святому
ь важно,
бога и без
обы кто-
всякого
ию вас с
а совер-
не было
одимся в
то в этом

храме постоянно совершается молитва. И всё увеличивается и увеличивается количество людей, которые к этому храму как бы прилепляются. Храм — это источник света, в храме можно утешиться, побеседовать в молитве с Богом. Мы окрылены тем, что наш храм так развивается. У нас масса надежд всяких и планов невероятных, можно сказать, даже фантастических. Дай Бог нам сил! Хранит вас Господь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь!

Мы сегодня с вами празднуем Крещение Господне. Этот праздник — сплошное чудо! Сплошное чудо, я подчёркиваю. Мы с вами так все нуждаемся в чудесах и очень редко замечаем их вокруг себя. А здесь — всё чудесно! Пришёл крестить Иоанн, который прожил 30 лет в пустыне. Питался акридами и дивим мёдом, т.е. диким мёдом и всякими там букашками, таракашками. И так жил 30 лет! И вот после этих 30-ти лет Господь его призвал — иди в Иерусалим и начинай проповедовать. Проповедовать, что приблизилось Царство Божие. Иоанн пришёл и говорит: «Покайтесь, и тогда вы, может быть, войдёте в это Царство»! И к нему пришёл креститься Сам Спаситель Иисус Христос. Иоанн сразу понял, что это не простой человек, человек не от мира сего. И он сказал: «Как я могу руку поднять во время крещения над головой Спасителя? Как я могу положить свою руку на главу Того, Кто является Создателем всего мира? Я не достоин у Тебя лямки на сандалиях распустить, а Ты идёшь ко мне креститься!» А Он говорит, что мы с тобой должны исполнить закон. Всё, что написано в Священном Писании, должно быть исполнено. Чудо? А что такое Священное Писание? Священное Писание — это то, что писалось за тысячи лет до этого факта. За тысячи! Пророки говорили о том, что придёт Такой, Который возьмёт все грехи наши на Себя, и Его распнём, мы же распнём, убьём мучительной смертью. Так всё и происходило, хотя расстояние между этими словами и самим событием — несколько тысяч лет.

Это только сейчас всякие охламоны говорят: «Мы сейчас спланируем и построим ГРЭС. И всё будет хорошо!» — А она взяла и взорвалась! Потому должно быть всё освящено Богом! И вот эти Священные Писания освящены Богом. И поэтому так всё и происходило. И вот Он пришёл креститься к Иоанну, и Иоанн Его крестил. И написано, что Дух в виде голубином спустился, и голос был: «Сей Сын Мой возлюбленный!» Откуда голос? С небес! Мыслимо ли это? Для нас, олухов, немислимо. Не можем мы в это поверить! Если какой-нибудь болван речь толкнёт — вот тогда слышно, поверим. А чтобы с неба шёл голос — для нас это непонятно. А это всё чудесно! Да, на самом деле, чудеса! Но ведь и мы являемся свидетелями чудес. Постоянно, каждый год во Иерусалиме с небес во время Пасхи сходит огонь. И без спичек свечи зажигаются. Каждый год это происходит у православных только людей. Не это ли чудо, которое подтверждает правость нашей веры? Каждый год на месте Преображения Господня сходит в определённое время праздника туманная

туча, которая скрывает храм на какое-то время, как бы вершатся некие высокие небесные процессы там. И это происходит ведь каждый год! Вокруг — жара дикая, мучительная, изнывающая жара! И вдруг это влажное облако опускается на храм.

Вот сегодня мы празднуем великое событие — Крещение Господа нашего Иисуса Христа. Господь вошёл в реку Иордан, и святой Иоанн Его крестил. Кто такой Спаситель? Это Бог! И Он, даже тем, что вошёл в воду, освятил на все века всю воду в нашем мире, т.к. все реки соединены, все моря соединены, и всё соединено в этом мире. Поэтому в эту ночь в начале этого великого праздника вся текущая вода — святая. Вся, во всём мире. И, конечно, счастливы те, кто сегодня ночью купался. Но никто, наверное, не купался, а вот мы с матушкой купались! Слава Богу! И так надо каждый раз. Вот мы часто приходим и просим: «Господи, мне так хочется жить, но болезнь меня точит-точит, не знаю, что делать?» Так надо пользоваться этими чудесными дарами Господа нашего Иисуса Христа!

И вот то, что вода становится святой — это факт, факт неоспоримый. У одного учёного знаменитого, у Капицы, спросили: «Что это за вода такая, что с ней происходит? Она на самом деле святая?» Он говорит: «Да, она святая». Они: «А как это объяснить?» Он говорит: «То, что она святая, я знаю, а как это объяснить — не знаю».

Надо помнить: это не оттого, что там серебряный крест, как раньше говорили: «Окунули его, и там всякие ионы серебра плавают, и она становится святой от этого». Ничего подобного! Один Владыка демонстративно освящал воду деревянным крестом и в деревянной кадushке, и никакого там серебра не было, а вода святая!

Вот сегодня мы пришли на празднование Крещения Господня. После обедни мы будем освящать воду, и вода эта будет святая, потому что над ней будут прочитаны определённые молитвы, определённые таинства совершены. И вот я хочу сказать вам: пользуйтесь этим чудом, пользуйтесь этой великой благодатью, которую даёт нам Господь через свои чудесные и радостные подарки нам. Пользуйтесь тем, что мы можем праздновать великий праздник, думать о тех ценностях, которые нам дал Господь, жить по путям, которые нам дал Господь, пользоваться теми Святыми дарами, которые Он нам даёт: святой водой, освящённой просфорой, святым причастием. Потому что это составляет одно огромное чудо нашей жизни! Дай Господь нам ещё для этого разума. Храни вас Бог!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

Мы с вами сегодня как бы открываем новую эпоху в нашей христианской жизни, эпоху годового переворота в нашей судьбе. Это происходит каждый год, и это, слава Богу, чудесно, потому что это нас укрепляет. Сегодня начинается первая подготовительная неделя к Великому посту. Вы знаете уже, что это происходит каждый год; и когда мы возвращаемся к этому, нецерковные люди иногда говорят: «У вас опять — двадцать пять! Такая неделя, сякая неделя, безконечные праздники...» Да, всё это так, и это нам даётся для укрепления нашей, уже совсем неоднозначной, а очень важной для нас жизни, многообразной, безконечной и для нас единственной.

И вот, несколько недель, которые предшествуют Великому посту, являются подготовительными неделями. Каким же образом мы подготавливаем себя?

Ну, как вот мы, например, подготавливаем себя к встрече с любимыми людьми? Мужчины нальют на себя какую-нибудь туалетную воду, дезодоранты всякие, побреются... А женщины? Там вообще ужас один! Что они только не делают! Даже ромашки себе рисуют на щеках, на лбу — чтобы ещё красивее быть. В общем, это оправдано, хотя и форма глуповатая: они просто хотят обрадовать того, с кем встретятся. Вот и мы так же. Мы готовимся к Великому посту. Мы так же должны обрадовать Бога тем, что мы готовы к нему. Каким образом нам можно подготовиться? А вот это уже касается тех недель, даже самих названий этих подготовительных недель. Первая — неделя о мытаре и фарисее. Вторая — о блудном сыне. Третья — о Страшном суде. Всё это — как бы темы для размышлений. Это очень важно. Вы помните, был такой фильм про знаменитого шпиона — Штирлица? У него всё время были какие-то темы для размышлений. Он всё время размышлял, размышлял; а потом что-то делал! Вот хитрюга! Вот и мы — поразмышляем и какие-то выводы для себя сделаем. Каким образом? И каким образом нам дальше-то поступать?

Вот первая неделя — о мытаре и фарисее. Ну, во-первых, кто такой мытарь? Мытарь — это человек, который собирает мыта. Даже улица такая есть — Мытная, в центре Москвы. Там взимали налог, побор брали с тех людей, которые приходили в Москву торговать, которые уходили; в общем, за то, что они жили и действовали, с них брали налог. И с нас берут налог, да ещё какой! Как мы относимся к этим налоговым инспекторам? Мы говорим: «Такие мерзавцы — жуть одна! Ну, просто задушили! Всё производство в России задушили! Частников задушили, нас задушили — всё, мы умираем! Караул!»

Вот так же и там относились к мытарям. Это была как бы притча во языцех. Мытарь — это значит, самый поганый, который есть на свете. И он сам понимал, конечно, что занимается таким делом, которое может всех людей обижать. Вот! А второй был фарисей. Фарисеи — это не простые люди совсем. Это мы так в Евангелии привыкли, по недоразумению своему, считать, что фарисеи совсем плохие. Вот, сейчас, например, в России (я хочу провести параллели, чтобы было всё ясно) есть такое движение патриотическое. Хорошее оно или плохое? Хорошее, в общем-то. Правда? Патриот стоит за нашу землю, за наши законы, за наши правила жизни, за то, что мы в России родились, должны в ней умереть; не пускать сюда никаких охламонов из какой-нибудь ничтожной страны. Мы хотим жить по-своему, и вот эти патриоты как бы блюдут те правила жизни, которые нам с вами необходимы, которые нас удерживают в нашей самобытности.

Вот фарисеи во Израиле были точно такими же. Благодаря фарисеям после всех этих великих разгромов Израиля, он всё время восстанавливался. Эти фарисеи были как стержень. Поэтому к ним отношение должно быть, с одной стороны, конечно, уважительное. Но человек остаётся человеком. И человек, который всю жизнь как бы на виду у людей и всю жизнь людьми этими поддерживаемый, человек этот уважаемый, все к нему идут с поклоном — он может возгордиться очень. И вот, в сегодняшнем Евангелии мы читаем: приходит такой фарисей, защитник своего народа, в храм. Он горд тем, что он такой! Он как хозяин в храме. Говорит: «Господи, вот, пришёл к Тебе молиться! Я не то, что другие, я всё делаю, как положено! Я знаю, когда надо молиться; я знаю, что одну десятую часть от всех доходов нужно отдавать церкви, и я отдаю! Я все законы исполняю. Я пощусь! Посмотри на меня, какой я!» А в это время на паперти, даже боясь войти в храм, стоит человек. А ведь не робкий! Мытарь — это не робкий человек; он может и плёткой огреть того, кто не даёт взнос в казну! А здесь он вдруг стушевался. Он вдруг понял, насколько он ничтожен, сколько много зла он сделал! Т. е. в его душе как бы поселился Господь, он стал понимать — кто он такой перед Богом. Ну, ладно, перед людьми — понятно, но перед Богом! Перед людьми-то — все его боятся, ненавидят, но боятся. А перед Богом он ничтожен. И он возопил: «Боже, милостив буди ми, грешному!» И вот, в этом тексте как бы устами Спасителя говорится: «Да! Тот, кто возносится — будет низвержен в конце-концов, а тот кто низводит себя, смиряется, тот будет вознесён». Вот смысл нашего сегодняшнего Евангелия.

И вот, мы должны подумать: кто мы такие перед Богом? Ну, хорошо, в мире-то мы, конечно, все значительные, у нас есть какие-то свои цели, надежды: мы представляем из себя нечто в этом мире. А вот перед Богом? Что мы представляем собой перед Богом? Вот тема нашего размышления на эту неделю. Что мы делаем для того, чтобы стать ближе к Богу?

Ведь у нас есть правила. У нас есть заповеди. Есть две заповеди, на которых всё стоит. Две! Возлюби Бога Своего всем своим сердцем, всей своей душой, всеми своими усилиями. И вторая заповедь, равная первой: возлюби ближнего своего, как самого себя. Всё! Больше ничего! И вот, на этой неделе мы должны внимательно, сосредоточенно покопаться в своей душе, как бы проанализировать свою жизнь вот именно с этой точки зрения: куда я иду? В конечном итоге, мы с вами все христиане, и мы все прекрасно понимаем, что жизнь наша длится, а потом кончается, что кончается земная жизнь, а будет продолжение в ином мире. Так вот, что я обрету в том мире, если я не исполняю тех заповедей, которые нам дал Тот, Кто пришёл из того мира и Который является владельцем и того, и этого мира? Каким образом мне сохранить ту цельность, которая даст мне возможность спокойно в этом мире жить, спокойно знать, что будет конец моей земной жизни и с радостью переходить в другой мир. Это очень важно, это самое главное, потому что нас всех, пока мы абсолютно несовершенны, страшит уход в иной мир. А святой с радостью перекрестился и с крестным знаменем так вот и умирает. И улыбается. И свет от него исходит. И всем вокруг от этого не грустно, а радостно. Конечно, не потому, что он умер, нет, а потому, что он как бы окружает себя радостью. В самом деле! Я ощущал это. Нечасто, но несколько раз я это ощущал! Человек умирает, а становится легко и радостно. Так вот, к этому мы должны быть подготовлены, и для этого наступает обозначенная первая неделя к Великому посту — неделя о мытаре и фарисее.

Я всем вам желаю, чтобы каждый нашёл время и подумал о себе и пришёл потом исповедаться в том, что ему открылось. Ибо исповедь — это результат размышления о себе, о мире, о людях, о любви, о ненависти — обо всём. Потому дай Господь вам всем сил для того, чтобы размышлять, ибо если мы будем иметь эту силу, значит, мы будем иметь надежду на самосовершенствование, а это — единственное, к чему нас призывает Господь — самосовершенствование, а в результате этого совершенствования — великая любовь! Хранит вас Бог!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Сегодня мы с вами празднуем великий праздник, праздник в честь того самого заблудшего ягнёнка, о котором так пёкся отец-пастух.

Мы с вами вспоминаем о том, что если у какого-нибудь Владыки есть сто детей духовных, то он печётся, в основном, о больном ребёнке, о заблудшем, о загулявшем. И вот сегодня Евангелие как раз об этом. Смысл его прост, так же прост, как вся наша с вами жизнь. И мы такими были, и дети наши такие, и все мы заблуждаемся, и для всех нас есть единый путь возврата. Возврат — это покаяние. Смысл Евангелия таков: жил человек (это притча и, конечно, всё это символически), у которого было два сына. И вот младший пришёл к отцу и говорит: отче, дай мне половину имения, которая мне причитается, а я уж сам им распоряжусь. Ну, как отец мог ответить ему? Младшее чадо всегда самое любимое, и отец, естественно, идёт ему навстречу. Очень часто, может быть, даже понимая те страшные последствия, которые ждут это чадо. И вот этот молодой человек взял своё имение; там, наверное, денежки были приличные, ушёл в далёкий край и там всё промотал, как написано, с блудницами. Промотал, но, правда, у него совесть была. Вот это надо заметить! Сейчас у нас такое положение: какой-нибудь блудник или блудница промотаются и звонят маме или папе, наврут с три короба и говорят — денег нужно. А этот — нет! Этот промотался, денег нет — пошёл работать к какому-то хозяину — пасти свиней. Пропитание было слабое, поскольку в этой стране был голод, и он, чтобы насытиться, ел вместе со свиньями из одного корыта. Потом думал-думал и пришёл к заключению. Это заключение очень важное. Он подумал: надо мне возвратиться к отцу. Но как я возвращусь? Я ведь таким ничтожеством стал, что не могу называться сыном его. Не могу! И поэтому я и не могу претендовать на то, чтобы быть как его сын. А, может быть, он меня хоть наёмником возьмёт? Чтобы я у него работал, а он мне платил, потому что они хлеб там едят, а я здесь всякие отсевки от зерна со свиньями ем. И он пошёл к отцу. И отец, когда его увидел и услышал, что он сказал, был невероятно растроган. А он сказал: отче, не могу я называться твоим сыном, возьми меня хотя бы работником, чтобы я не погиб.

И вот когда это произошло, когда сын его покался, отец был поистине потрясён. И он приказал принести хорошую одежду, обувь, снял перстень со своей руки и дал ему. Закололи они тельца упитанного и начали пировать. Почему такой праздник случился? Потому что, как отец сказал, он был как бы мёртв и ожил. В результате чего?

В результате покаяния! И счастьем отцовскому не было конца. Потому что он любил своих чад. И так же наш Отец Небесный Господь. Он нас любит и ждёт нашего покаяния. И когда мы с покаянием приходим, Он прощает нам все наши прегрешения и принимает к Себе, как самых близких, как самых родных людей.

Конечно, в этой истории есть и тёмные стороны. Тёмные стороны, конечно, исходят от человека, ибо у этого молодого человека, вернувшегося к отцу, был старший брат, который всю жизнь работал с отцом, помогал ему, но отец никогда не давал ему особых вольностей и праздников. И когда этот сын возвратился с поля и увидел праздник — возмущению его не было предела. Но отец ему ответил: ты же всё время со мной, что ты переживаешь? А он был мёртвым и стал живым. Вот в этом смысл этого Евангелия. Сегодняшняя неделя посвящена этому великому событию — возвращению блудного сына. Об этом написаны книги, картины, ибо это величайшее явление — когда человек из заблуждения приходит к своим корням. И вся эта неделя должна пройти для нас под эгидой вот этой мысли. Мы с вами должны подумать: кто мы такие на этом свете? Какие у нас цели? Куда мы идём? Зачем мы живём? Сможем ли мы возвратиться обратно к этой чистоте, о которой многие-многие мечтали, заблудившись уже во взрослом состоянии.

Сегодня ещё одно очень важное событие. Сегодня у нас поминуются новомученики и исповедники, которые были замучены после 17-го года в нашей стране. Их — миллионы! Надо это понять — их миллионы! Этот праздник был установлен Поместным Собором Русской Православной Церкви в 1918 году, ибо как раз тогда были первые жертвы. В 1917 году обезумевшие матросы убили в Кронштадте священника Иоанна Качурова. Просто из-за того, что он был не такой, как остальные. В январе 1918 г. был убит такими же обезумевшими людьми подвижник нашей Русской Православной Церкви Митрополит Владимир Киевский. Его закололи штыками. И вот с этого началось жуткое истребление всех корней нашей страны. Понятно, что это устраивали всякие масоны, всякая нечисть. Но дело в том, что им удалось в течение всего девятнадцатого и даже, может быть, конца 18 века воспитывать в этом уродстве весь русский народ. И вот как нам связать эти два события: неделя о блудном сыне и эти репрессии против верующих людей? Почему это происходило? Почему это стало возможным? Да по той же самой причине — целый народ заблудился! Я сегодня утром матушке читал послание Святейшего Патриарха Тихона (причисленного ныне к лику святых)

к одному деревенскому батюшке о том, что сейчас происходит. Он пишет, что да, на самом деле, наш народ полностью одурачен и с наивной простотой он идёт за этими вождями, и вот что происходит...

То есть мы были точно такие же, как тот блудный сын, о котором мы сегодня читали. И сейчас многие пребывают в таком состоянии. Они заблудились! Да, мы все заблудились! И вот наше возвращение бывает, к сожалению, такое трагическое. Те люди, которых убили, поистине возвратились к Богу. На крови кровью платят за эту святость. И я хочу сказать, что мы с вами, ищущие пути выхода, неизменно будем страдать. Это совершенно очевидно. Но только плата за это страдание настолько велика, что она покрывает все наши переживания. И если мы обретём Того Отца, к Которому мы стремимся, тот мир душевный, который обрёл блудный сын, пришедший к своему отцу, тот внутренний мир, ту радость — наверное, все наши страдания будут не напрасными.

Я вас поздравляю с тем, что мы сегодня (а нас не очень много) идём по тому пути, по которому когда-то прошёл блудный сын, возвращаясь к отцу. Мы идём по тому пути, который нам показали великие мученики, страстотерпцы, исповедники Христовы, праведные люди нашего Отечества. Я вас поздравляю с этим великим праздником.

Сегодня мы должны вспомнить великого человека, великого полководца, истинно русского человека Александра Васильевича Колчака. Сегодня ровно 80 лет, как его убили. Если говорят: по тому, как человек принимает смерть, определяется вся его сущность, — то этот человек принял смерть совершенно с открытыми глазами. Он всё знал, что происходит. Он никуда не бежал. Если он любил женщину — значит, он её любил. Если он совершал открытия — он совершал открытия. Если он воевал — он воевал. Это был истинно русский, настоящий человек. Совершенно спокойно он принял смерть. Всего 40 лет! Я вас поздравляю с тем, что мы сегодня о нём вспомнили. Хранит вас Бог.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь!

Мы вновь самые счастливые люди на этом свете. Мы вновь встретим рождение Того, Кто принёс нам отдохновение, Кто принёс нам будущее, которое заключено в вечной жизни. Мы с вами, живя в этом мире, очень многим напуганы в нём. И этот мир нам страшен. Проходит некоторое время, и мы знаем, что мы умрём, и нам становится совсем не по себе. Мы создаём всевозможные системы защиты, и, оказываясь, защищаясь, мы ограждаем себя, на самом деле от истины жизни. И это ужасно, потому что защищаться от потока жизни невозможно, какой бы он быстрый не был. Только поддаться этому потоку с определёнными ориентирами, которые даёт нам Спаситель. Представляете себе, что было тогда, в древности? На востоке в это время всевозможные учёные-халдеи общались со звёздами, общались со всевозможными иными мирами, создавая особую систему защиты, особое общение с Богом. В это время в Риме создавались особые системы цивилизаций, которые тоже должны были как-то защитить человека. В это время в северных районах язычество процветало в самых диких формах. И вот вдруг по прогнозам, которые дал нам Ветхий завет, рождается маленькое Чадо. Маленькое Чадо, которое должно нести в Себе спасение всего мира. Как это понять нам, грешным? Да мы никак этого не поймём! В это надо только верить. Исторически рождение это было предсказано, и на это предсказание мудрецы востока, цари, богатые люди, решили придти. Это были волхвы. Они долгое время искали и в конце концов нашли; они пошли за звездой в небе, и она остановилась в Вифлееме, над маленькой пещеркой, где родился Младенец. Младенец Богочеловек, родившийся нетленно, как написано в Священном Писании, родился безболезненно, без всякого страдания. И этот Младенец в будущем должен был пройти всё, что проходит в этой жизни человек. Все страдания! Всё пройти! Именно потому-то для нас так важен наш Спаситель Иисус Христос, потому что Он и Бог, и в то же время Человек. Для чего Он к нам явился? Он явился, кстати сказать, в самом грешном народе. Опять-таки какие-то связи... Сейчас мир падает, все в отчаянии. И тогда были все в отчаянии... И вдруг появился чудесный образ — Спаситель — который дал нам вот уже на 2000 лет путь. Спаситель пришёл дать нам путь; не лечить наши болячки — просто на этом пути, который Он дал — этих болячек не может быть. Этот праздник для нас как бы начало всей нашей христианской жизни. С этого Рождения начинается и наше с вами совершенствование, потому что тот путь, который Он нам дал,

должен
Спасите
квиваемо
Я п
ляю вс
Я поздр
потому
невероя
полноте
величай
пользо
мы лучш
поверх
понастр
мы дол
Филарет
Правды
всем нам

должен нас привести к такому же Абсолюту, которым является Спаситель. И мы на пути христианской жизни постоянно с этим сталкиваемся в образах святых людей.

Я поздравляю вас всех с этим великим праздником! Я поздравляю всех причастников с принятием Святых Христовых Таин. Я поздравляю вас с этим, потому что вы как бы преодолели себя, потому что когда мы принимаем Святые Дары, мы поддаёмся такой невероятной высочайшей стихии, которую мы и не понимаем во всей полноте. А ведь мы принимаем Кровь и Плоть нашего Спасителя! Это величайшее чудо, которое нам дано от Бога! Мы должны, мы обязаны пользоваться этим! Мы должны каждый раз действовать так, как будто мы лучше, чем мы на самом деле. Один поэт говорил: «Жить надо поверх барьеров!» В нас всякие перепонки внутри, всякую дрянь мы понастроили в себе, а надо жить поверх этих барьеров, потому что мы должны стремиться туда, вверх, а барьеры все, как говорил Филарет митрополит Московский, значительно ниже, чем Солнце Правды. И мы туда должны идти. Всё время. Постоянно. Дай Господь всем нам для этого сил! Храни вас Бог!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

Сейчас мы читаем Евангелие, которое, может, многим покажется очень странным. Неужто Господь так жесток, что град, который не принял Бога, будет низведён до самого ада? И города такие распутные, как Сидон, будут в лучшем положении, чем тот град, который отверг Бога? И неужели от такой жестокости Господа нашего всё это происходит! Отнюдь нет! Господь как был милостив, так Он и есть милостив. Он как бесконечно любил нас, так Он и любит. Те правила жизни, которые Он нам дал, прекрасны! Прекрасны! Они настолько высоки, что трудно дотянуться, а если дотягиваемся, то ощущаем невероятную благодать.

Мы сегодня ещё читаем послание апостола Павла к Тимофею: «Ты же трезвись о всём, злопостражди, дело сотвори благовестника: служение твоё известно сотвори. Аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста. Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее убо соблюдается ми венец правды, его же воздаст ми Господь в день он, праведный судия: не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его!» Вот! «Не только мне, но и всем!» Это надо помнить. Оказывается, дело заключается в том, что нам всё дано! И мы с вами должны исполнить завет Бога. Промысел Божий в нас с вами, грешных. Что такое промысел? Господь как бы промыслил в нас определённые истины. И мы должны это исполнять. Но по немощи своей или по действию диавольскому мы можем не совершать этого. И тогда наш путь, конечно, печален. Надо об этом нам всем постоянно думать.

Мир создан прекрасным! Мы с вами пали! И вот наш путь — это вставать. Сначала, может быть, на карачках, а потом уже встанем по-настоящему, и идти к Богу. Вот тогда мы совершим путь, нам предначертанный, течение времени совершим, потому что Бог во всём, Бог над всеми. И если мы этого не сделаем, нам придётся отвечать перед Богом.

Вот я намерен прочитать очень хорошую книжку про пустынножителей, которые подвизались в период хрущёвских гонений на Северном Урале. Мучительная совершенно жизнь! Их с вертолётов выслеживали, их в психиатрические больницы отправляли! И чего ради они это терпели? А для того, чтобы перед Богом предстать чистыми, исполнить тот промысел, который дал им Господь. Что они за это получали? Чего ради человек живёт в какой-то воронке каменной в течение зимы, у него отмерзают ноги и начинают отгнивать. И он один. И есть нечего. И дикие свиньи приходят понюхать

как, ноги ещё не совсем протухли? А он сидит там и молится. Неужели он сумасшедший, как и считали их? Ничего подобного! Как сказал один человек: «Если бы знали, как тяжёл монашеский путь в этом мире — все монастыри были бы пусты. Но если бы знали, какие невероятные радости переживает монах в своём общении с Богом, тогда бы ни одного мирянина не осталось бы».

Надо исполнять то, что заложил в нас Господь! Этот промысел даёт о себе знать, и нам необходимо прислушаться к нему, прислушаться к той жизни, которая в нас бушует порой. Если мы это услышим, если мы пойдём по этому пути, то не будет никаких преград нам. Никаких! Потому что с нами Бог! Хранит вас Господь!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

Сегодня у нас празднуется великий святой — Иоанн Лествичник, написавший «Лествицу» — великую книгу о восхождении от греха к святости. Мы часто говорим о подвигах святых. В чём же заключаются подвиги? Казалось бы, если мы исполняем заповеди Господни, нам всё легче и легче становится жить. Оказывается, это совсем не так. Дело в том, что святые люди или люди, которые подвизались по 40 лет (как Иоанн Лествичник, который находился в пустыне в неослабных подвигах 40 лет!) говорили: «Господи, мы самые грешные на свете люди!»

По мере того, как они подвигаются вверх, по мере того, как Господь им даёт всё больше и больше видения этого мира, они всё больше и больше осознают свою греховность. Для того, чтобы преодолеть это состояние, человеку нужно невероятное мужество. Я говорю, конечно, о серьёзном отношении к христианству. Бывает такое христианство: у кого-нибудь, например, чирей выскочил, и он пришёл в церковь поставить свечку, чтобы чирей прошёл. Это христианство? Или у человека нет денег. Совсем. И он говорит: «Пойду, помолюсь. Может быть, появятся». С какой стати? Причём, ничто не делается для этого! Мужество святых в том, что они, открывая глаза на этот мир и на себя, обнаруживают в себе всё более и более человеческого, того, что является препойей между ним и Богом.

Мы — люди земные, и мы, конечно, подвигаемся очень слабо, и поэтому нам мало что открывается.

Сегодня мы празднуем память великого святого Иоанна Лествичника. Он говорил именно о греховности нашей природы. И очень как-то складно, красиво говорил. Он говорил, что когда мы придём на суд Божий, с нас никто не будет спрашивать: умны ли мы или глупы; никто с нас не будет спрашивать: проповедовали мы там чего-то, кому-то или не проповедовали (а проповедовать мы все очень любим; ещё сами не стали на ноги, а уже всё всем проповедуем!), знаем ли мы Писание или не знаем, ходили ли в церковь или нет. А основанием является только то, что любим ли мы или не любим, льём ли мы слёзы о своей греховности. А льём ли мы слёзы о своей греховности? Наверное, нет. Потому что грех — это отлучение нас от истины, от истины, от той обетованной земли небесной. Мы живём не потому, что у нас есть руки, ноги, какие-то там нервы... Мы живём оттого, что в нас Дух Божий витает, потому что в нас есть Божественная частица, и, разумеется, если мы отлучаем себя от этого Божественного источника, вся жизнь идёт под откос. Вот иногда

приходят люди, которые ещё не знают, что такое исповедь, и подают свой список грехов. Их там две тысячи штук! Так оно и есть на самом деле. Их, может быть, и десять тысяч.

Вот мы сейчас Евангелие читали. Привёл отец своего ребёнка Спасителю. Говорит, что вот у него ребёнок беснуется с детства, то у него течёт пена, то он падает, бьётся об землю, совсем цепенеет, как бы умирает. Потом опять начинает жить. Пошёл к Его ученикам, а ученики ничего не могут... И Спаситель его исцелил! Смотрите, что было с этим ребёнком! Он лежал, как мёртвый. Грехи ушли, и он лежит мёртвый. И все говорят — умер. А Спаситель взял его за руку, поднял, и он пошёл. Почему так происходит? Если в символическом смысле об этом говорить — это человек, который сразу же лишился всех форм своей жизни. Так и мы с вами. Формами нашей жизни, к сожалению, является грех, а христианское послушание, благодать, которая в нас живёт, составляет только малюсенькую часть в нас. Вот представьте себе, если бы все наши питательные соки ушли бы из нас, так мы бы сразу упали и умерли, как тот ребёнок. Он ведь жил этой болезнью, она составляла суть его существования. И только там, где-то далеко внутри, теплилась крупинка Божиего, к чему, собственно, и апеллировал Спаситель.

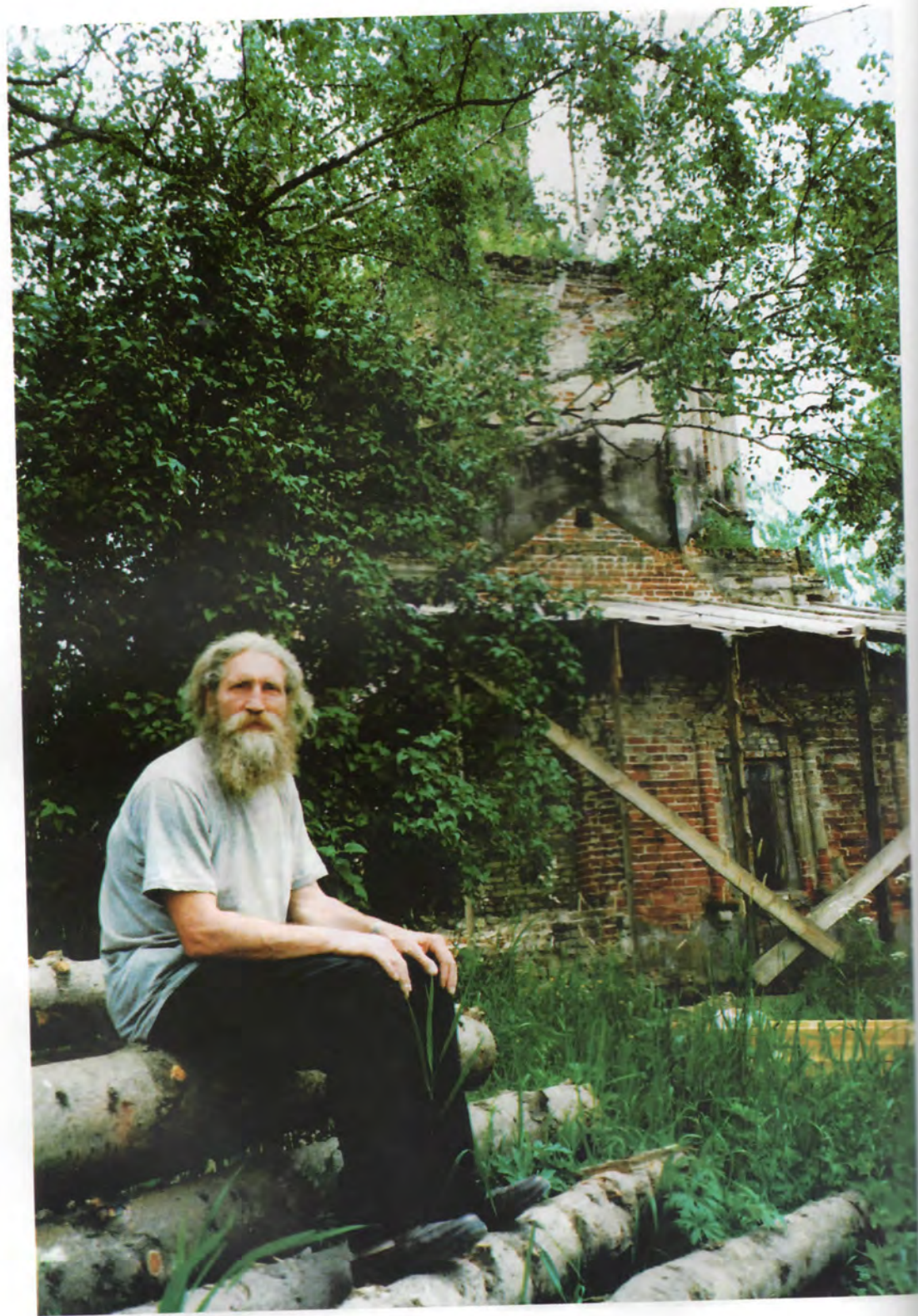
Извлекайте эти грехи понемногу из себя. Все сразу не отринешь, опустеешь и опять пойдёшь к этим грехам, чтобы хоть как-то жить.

Хочу поздравить вас с тем, что мы постимся. У нас есть такое великое чудо, как пост. В Евангелии мы читали только что: «Сей враг побеждается только постом и молитвой». Вот что самое главное. Вот что сутью является нашей с вами христианской жизни. Поздравляю вас и желаю каждому из вас, чтобы вы думали о своих грехах. Уже четыре недели прошло Великого поста. Бог милостив, и, разумеется, Он даст нам по нашим устремлениям. Если кто ещё не успел начать пост, начните его сейчас. Хоть немного. Потому что это будет всё-таки поступательное движение вперёд. А если мы будем осознавать, что пост идёт, и в то же время не будем ничего делать и будем ругаться, ссылаться на кого-то, искать какие-то объяснения, стыдно будет в Пасхальный праздник Воскресения Христова. Подумайте об этом и возьмите на себя достойное послушание. У каждого это послушание своё. Каждый из своей души выковыривает именно то, что ему мешает, потому что это грех, это болячка! Если он не чувствует в том никакой болячки пока, может быть, он ещё не созрел, ещё рановато за это браться. Тем не мене, я хочу вам сказать: подумайте об этом, подумайте! Пост идёт. Эта неделя кончится,

нам предстоит ещё одна неделя. Лазарева суббота и Вербное Воскресение, и всё! И наш пост кончается. Потом Страстная седмица, а там пойдут пиры, и нам некогда будет думать о своих грехах. Будем думать о радости! Аминь!

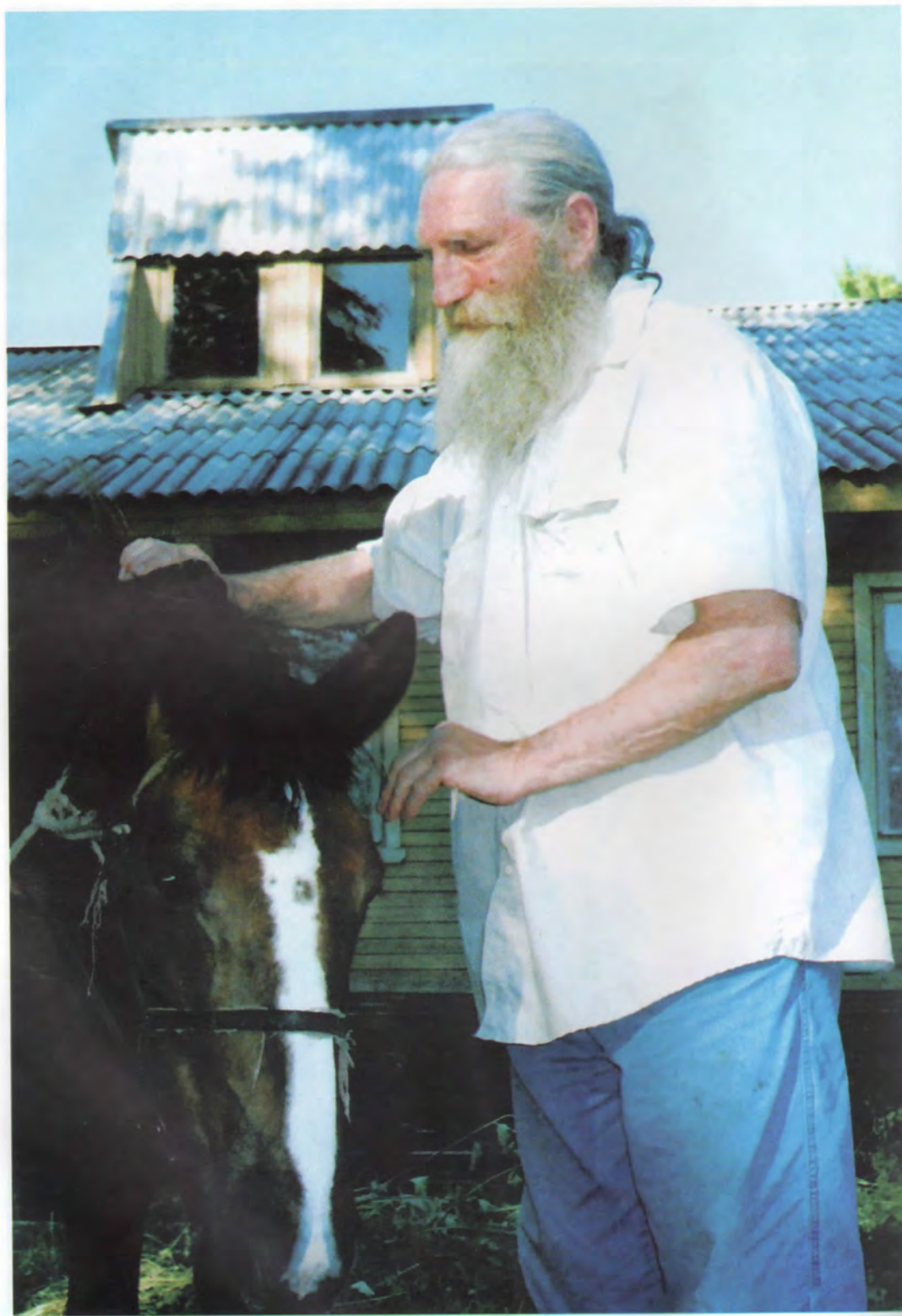

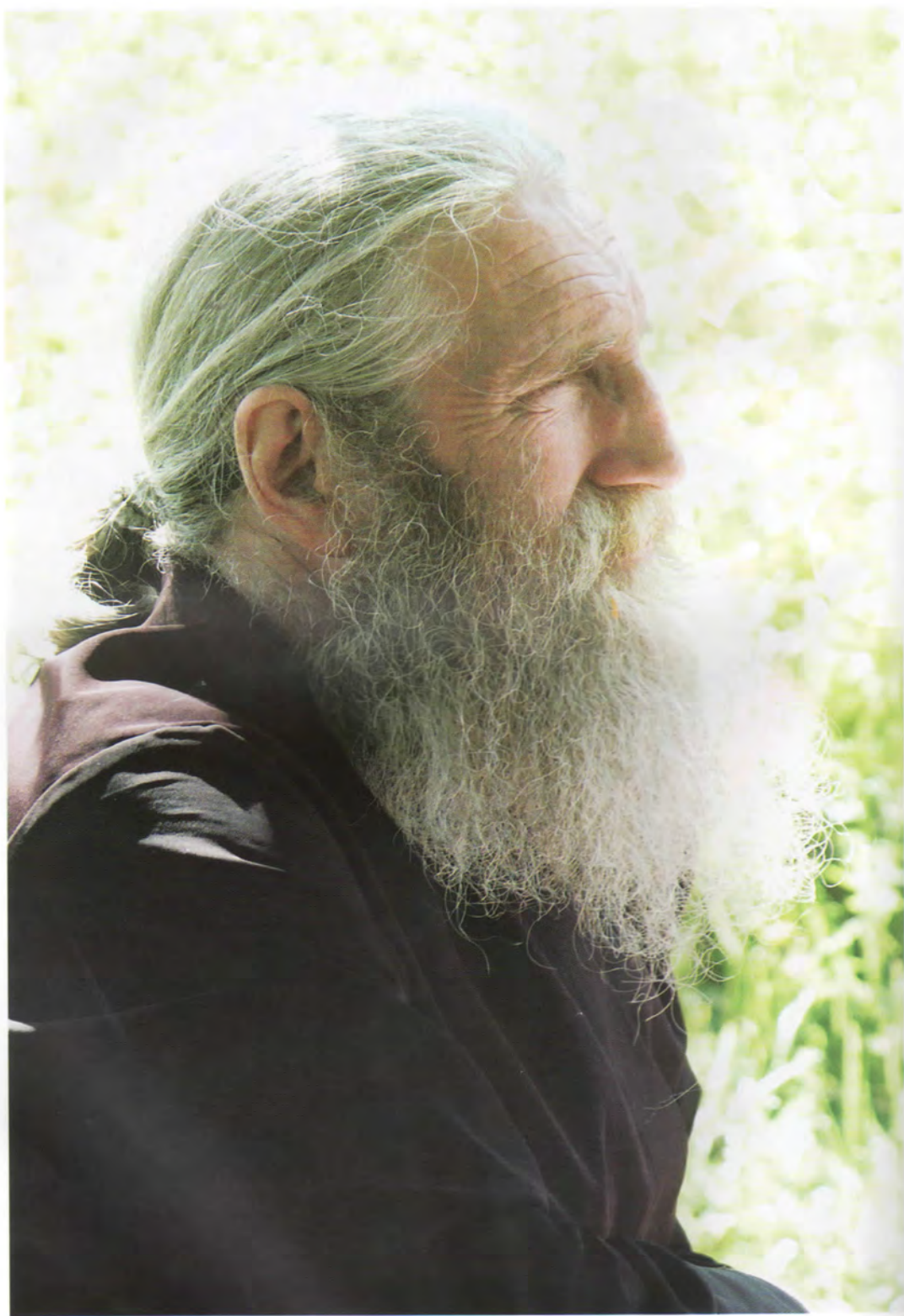

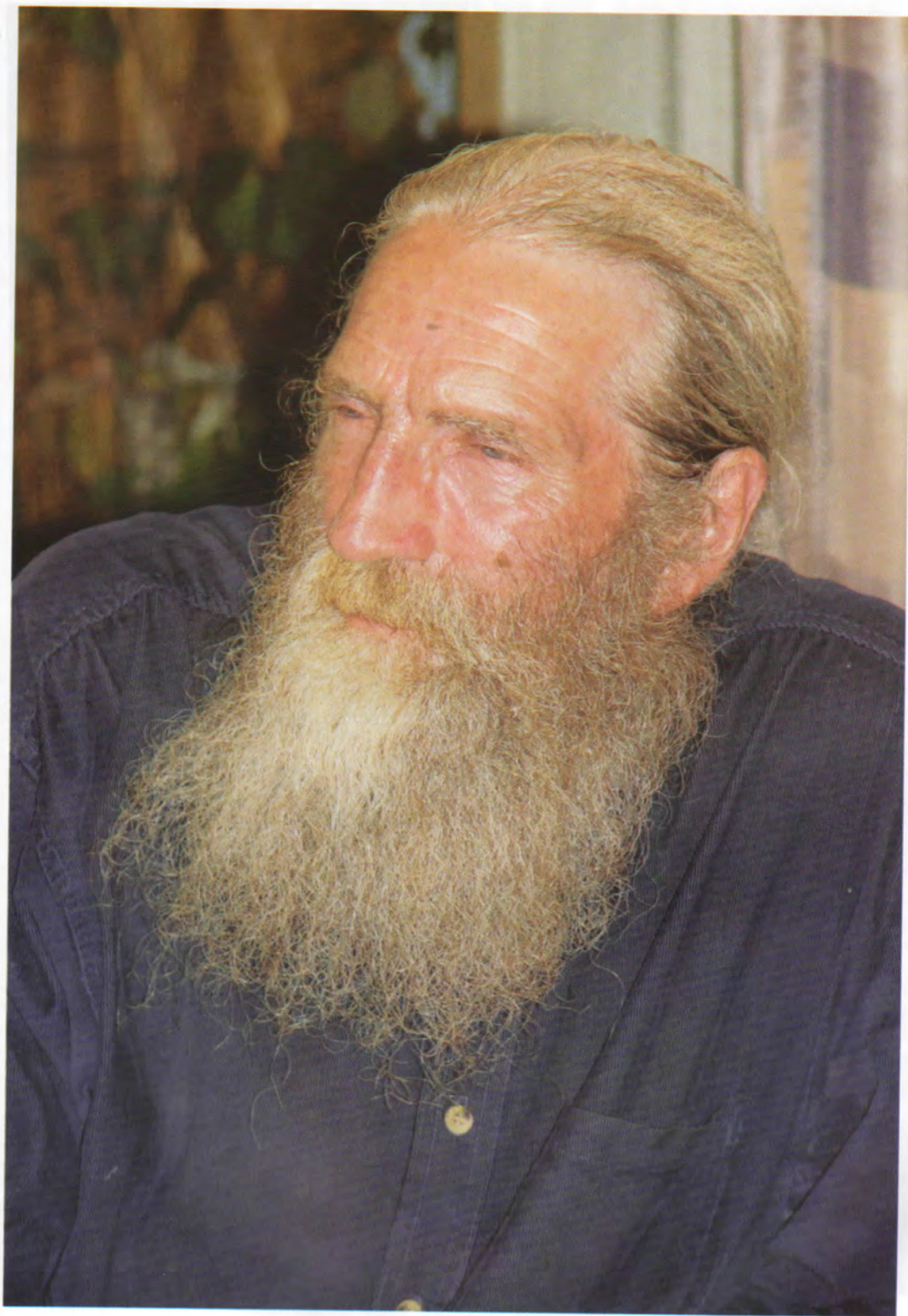

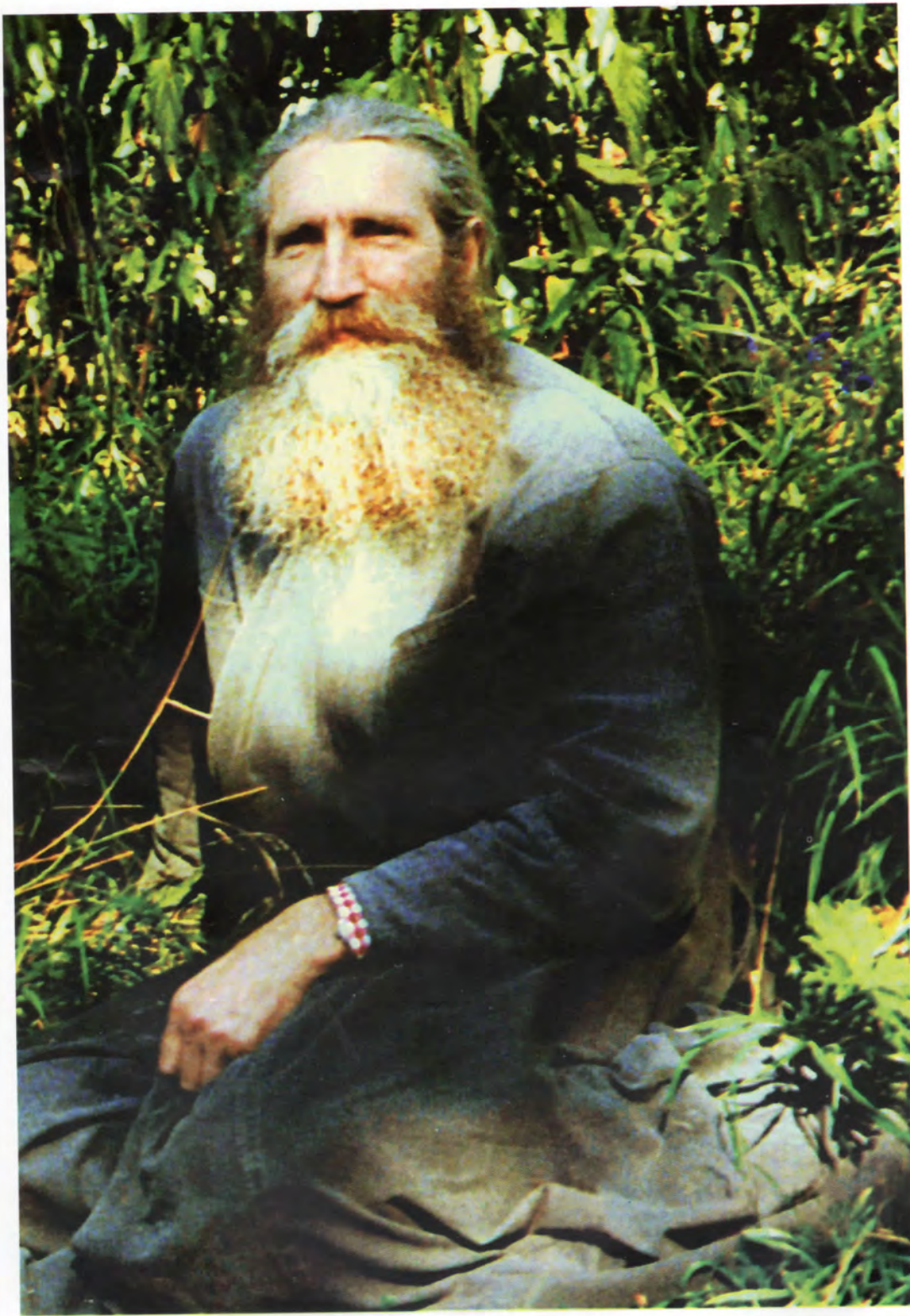

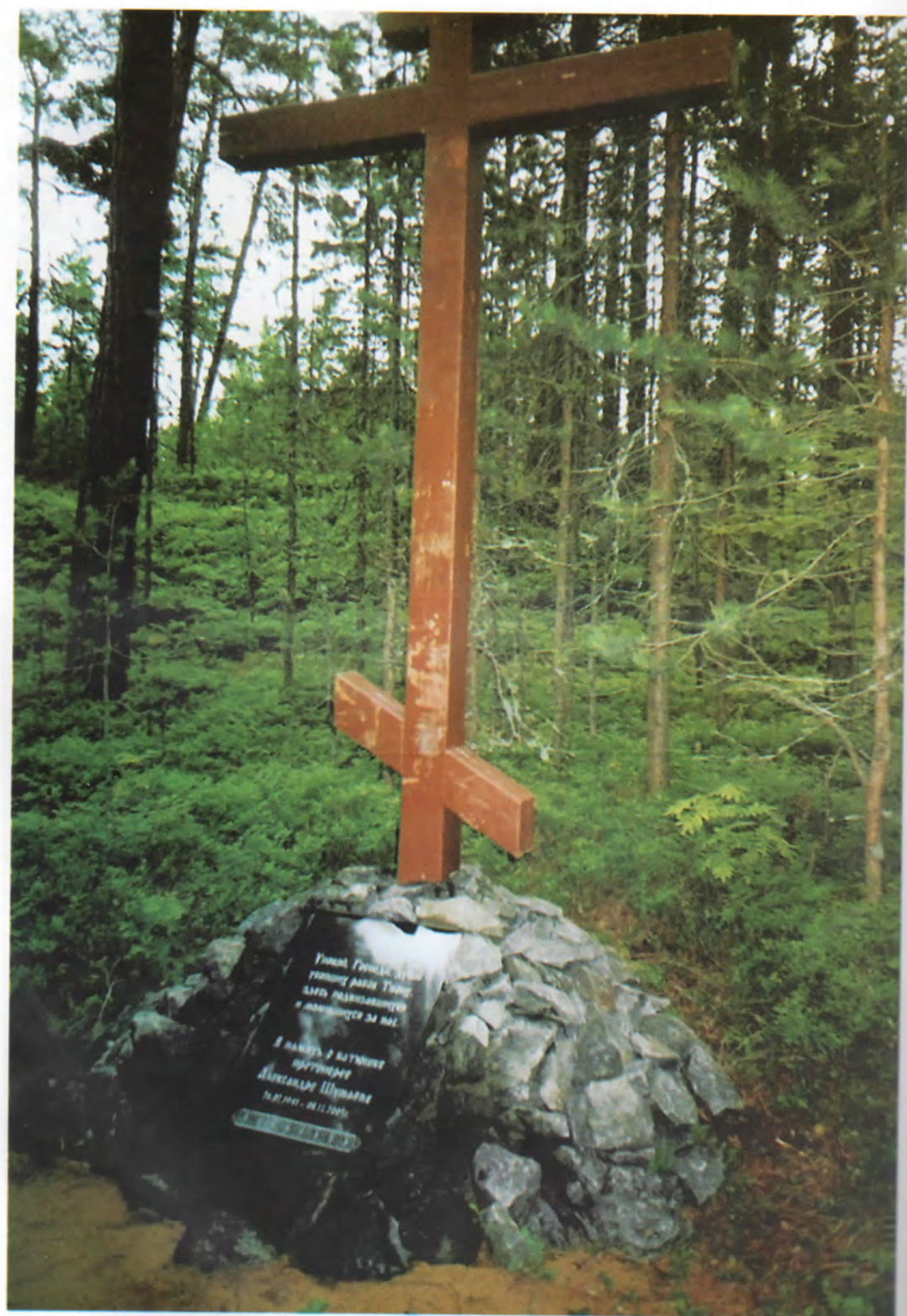

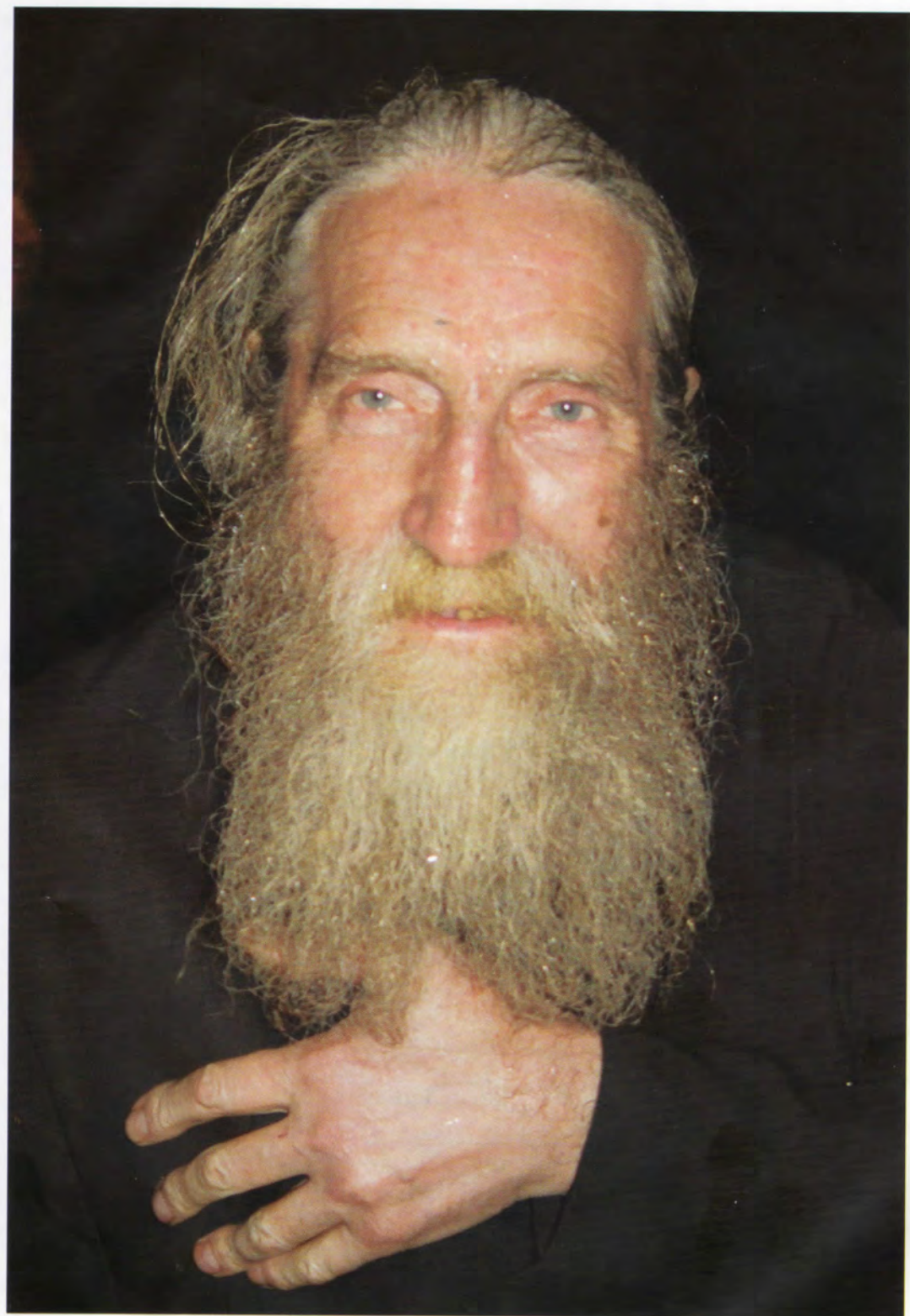

Составитель Неонила Скударь

БАТЮШКА

Жизнеописание

Воспоминания о батюшке

Проповеди

Набор и вёрстка О. Н. Пугачёва

Корректор М. Е. Побеленко

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 70Ч100 /16. Гарнитура «BannikovaC», «CyrillicOld».

Тираж 500 экз. Заказ № 759

Объём 12 печ. л.

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография»

117623, г. Москва, ул. Типографская, д. 10. Тел.: 659-23-27.

zakaz@tipografskaya10.ru

